

АТатьяна ЛЮШИНА

Крымский
роман

ЭКМО

Annotation

С Антоном Наталья встретила в Крыму, сам воздух которого, кажется, напоен любовью. Оба поняли, что то, что происходит между ними, – настоящее, то, от чего не отказываются. Но Антон прибыл сюда не просто так – у него сложное и опасное задание. Может ли он рисковать жизнью только что обретенной любимой? Как бы там ни было, Ната и сама способна принять решение.

- [Татьяна Алюшина](#)
 -
 -
 - [Эпилог](#)
-
-

Татьяна Алюшина

Крымский роман

Посвящается моей бесконечно любимой маме Нине Ильиничне, чье мужество, терпение, умение отдавать любовь и неиссякаемый оптимизм поражают и вдохновляют меня всю жизнь

© Алюшина Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес, 2014

* * *

Только поставив машину на платной стоянке и получив квитанцию, Наталья с удивлением обнаружила, что приехала намного раньше, чем рассчитывала, – до прибытия поезда оставалось еще целых сорок минут.

Ну, сорок так сорок! И хорошо, подумалось ей, передохнет от дороги, от руля, получит передачу и – к маме в больницу.

Это она от мыслей непростых и тревожных неосознанно всю дорогу держала приличную скорость, вот и долетела до Симферополя – и не заметила как.

Ну, еще бы не мысли и переживания! Куда от них денешься-то?!

«Ладно, ладно, – вздохнула она, успокаивая себя. – Самое страшное уже позади – операция для мамы прошла успешно, а это самое главное».

Ната отошла от шумного и суетливого вокзала по прилегающей к нему улочке, зашла в небольшое уютное кафе, устроилась за столиком у окна, заказала поспешившей подойти к ней милой молоденькой официантке капучино. Официантка отошла, а Ната посмотрела в окно, мимо которого в деловитой торопливости прошествовала девушка. Чемодан, который она везла за собой, отстукивал своими колесиками по брусчатке какую-то веселую, бодрую мелодию о странствиях и радостных встречах в конце

пути.

Ната улыбнулась, поймав себя на мысли, что немного завидует этой девушке, спешащей на поезд. Даже не завидует, а испытывает некую грусть и сожаление, которые иногда чувствуешь, когда кто-то близкий или знакомый уезжает далеко, весь уже переполненный дорогой, ожиданиями радостных встреч в конце пути, а ты остаешься...

Э-эх! Сейчас бы сесть в поезд – и домой!

Так хочется домой, порой просто непереносимо, до слез! Хотя бы на денек-другой! От всех переживаний и тревог последних непростых недель, от бурлящей переменами новой жизни, новой истории и восторженных ожиданий Крыма...

– Ваш кофе, – вернула ее в реальность официантка, поставив перед ней блюдце с чашкой капучино и мило улыбнувшись.

– Благодарю, – улыбнулась в ответ Наталья.

Она сделала глоток кофе, снова посмотрела в окно, вздохнула и усмехнулась: «Какой поезд? Ты смеешься? Все самолеты, самолеты... Когда ты последний раз на поезде-то ездила?» – скептически поинтересовалась она у себя.

И вдруг...

Словно окатило теплой, нежной волной, и мурашки побежали по позвоночнику и рукам, и зазвучала откуда-то музыка летнего отпускного счастья...

Ната осторожно поставила чашку на блюдце, возвращаясь в прошлое.

Воспоминания накрыли ярко, мощно, ослепив бликами солнечных зайчиков от морской волны того лета. Последний раз она ездила на поезде именно тогда – одиннадцать лет назад. Одиннадцать!..

Почти одиннадцать – сейчас март, а тогда было лето.

«Одуряюще пахло сиренью, ну просто одуряюще...

Этот запах сопровождает меня всю жизнь. В детстве это был аромат тайны, потому что мы прятались в огромных кустах сирени, когда играли в казаки-разбойники.

Сад, в котором проходило мое детство, был совершенно сказочным – огромный, заросший, запущенный сад позади старой купеческой усадьбы. Усадьбу с особым социальным рвением благополучно превратили во множество коммунальных квартир, но сад... Сад коммунальным сделать, видимо, не удалось.

Дети считали его своей вотчиной, своей тайной, полной неожиданностей и чудес. Там находились совершенно секретные,

затерявшиеся в глубине сада места, о которых даже и не подозревали взрослые. Там располагался наш штаб. Там мы наслаждались отдохновением от контроля, нашей тайной, нашим прибежищем.

Господи! Что только мы не постигали в том саду! Это было абсолютное счастье свободы: никто – ну просто никто! – не знает, где ты, и только тебе решать, когда выйти из тайного штаба и выходить ли на призыв мамы. И что будет, если сделать вид, что не слышал, как тебя зовут? И вот еще чуть-чуть, ну еще минутку посижу – и выскочу победителем. Потому что я, только я решила, что пора выходить. И от этого я такая большая и значимая. Конечно, я то и дело получала нагоняй и: «Сколько можно тебя звать!» Но все-таки только я да еще пара моих друзей знали про это тайное место. И совершенно неважно, что нас ругали, да и ругали вяло как-то – ведь главное: нашли и ребенка домой загнали!

Они и не догадывались, что сама, сама решала найтись!

А в саду все такое шуршащее, все сказочно, по-взрослому важно – и большой секрет, и тайный сбор, и глобальные проблемы маленького возраста.

Ах! Как же это было прекрасно!

Лето, солнце, запущенный купеческий сад, огромный, как мир. Засыпанный землей фонтан, дорожки в никуда, а впереди – целое огромное лето, качели, старые сараи, велосипеды, важнейшие детские проблемы и запах сирени. Запах счастья – даже не счастья, а того, что гораздо, гораздо лучше – преддверия лета, беззаботности, солнца, свободы и тайны будущего.

Потом этот запах настиг меня в больнице, после операции.

Я никак не могла открыть глаза после наркоза, но мне отчего-то было так радостно, так легко. И совершенно непонятно, что ж такого замечательного в моем пробуждении?

Ведь вроде все очень больно и трудно, и невозможно двигаться – но тогда откуда это ощущение полного счастья? А когда открыла глаза – поняла: палата залита южным солнцем, светившим сквозь незашторенное окно, и все видимое пространство уставлено букетами с сиренью...

Это была царица всех сиреней – огромные темно-фиолетовые цветы и белые махровые ветки. Они пахли так сказочно, так празднично, что затмевали мысли о боли, об операции. Наверно, даже о прошлом.

Это был запах детства, тайны, счастья, преддверия лета, перемен – всего самого лучшего в жизни.

Одуряюще, просто одуряюще пахло сиренью, и когда я расставалась с ним.

Мне казалось, что уж сирень-то меня никогда не подведет, это постоянная устойчивая величина, которая ассоциируется со счастьем, вернее – с преддверием счастья.

И вдруг!

Ну почему сирень, господи?! Все было так хорошо в моей жизни с этими цветами... так почему именно сирень? Неужели теперь всю мою жизнь она будет нести ощущение несчастья и потери всего: любви, мужчины, прошлой жизни, будущего?..

Ну, господи, боже мой! Почему именно сирень?!

Он знал, конечно, он знал, что больше всех цветов на свете я люблю сирень. Я миллион раз ему это говорила и рассказывала о детстве, о купеческом саде, о тайных местах, об ощущении будущего счастья...

В тот день, когда мы расстались, он принес мне сирень. Огромный букет крупной южной темно-фиолетовой сирени. Только теперь мне казалось, что она пахнет как на похоронах. Ну конечно – это ведь я ухожу от него, а не он меня выталкивает из своей жизни, всеми правдами и неправдами сделав мое существование совершенно непереносимым, потому что прогибаться дальше под него – это уже уровень половой тряпки.

Как трудно, как страшно принимать такое решение, когда ты на грани: либо – либо.

Да, да, конечно, все, что можно было выдержать, я выдержала.

Мы ведь, женщины, такие терпеливые, такие понимающие!

И трудности начального периода, и «квартплата пополам», и ужасы потери первых тяжело заработанных денег, и макароны день за днем, разве что не торты из макарон, потому что ни на что другое нет денег! И его сопли и пьянки от страха перед «завтра деньги отдавать», и болезни, и переломы, и дешевую колбасу, и одни всесезонные колготки...

А дальше – еще интересней. Первые победы и первый отдых в третьесортном отеле в Турции, и первая битая-перебитая десятилетняя машина, и ужасы съемной дешевой квартиры.

Мои бухгалтерские балансы и бессонные ночи ради спасения бизнеса – когда ты спишь, заглушив страх водкой, а я сижу всю ночь и рисую схемы, и считаю цифры, и наутро, одурев от кофе и сигарет, – нахожу!

Нахожу выход из тупикового, казалось бы, положения.

Первые надутые щеки – «я заработал!», и «я не могу платить тебе зарплату, ведь ты моя жена, и потом – свою зарплату ты проедаешь».

Первая командировочная заграница и первый контракт, который я считаю и стыкую до зеленых чертей в глазах, пока ты спишь, отметив успех алкогольными возлияниями. Первый костюм от «Хьюго Босс» и мои уговоры его купить, а потом и надеть. И твое: «Не могу с ними пить и общаться – они все такие крутые, а я чувствую себя кретином!» И мои длинные монологи – миллион слов о твоей неординарности, уме, выносливости, изворотливости, черт знает еще о чем, только бы поднять тебя с дивана! И твое победное: «Ты не представляешь, они как дети – стадо идиотов, я сделал их на раз-два!»

Первый срыв с «больших» денег – и неделя запоя, и снова мои бесконечные «ты самый...». И снова – раздувание щек, и первые личные вложения, и праздник с друзьями по этому поводу. Три дня: застолье – застолье – застолье! Это у тебя. А у меня посуда – плита – посуда. И утро четвертого дня: «Ну видишь, ты же самый-самый...»

Дефолт – и, конечно, твоя паника: все, все пропало!

Мои уговоры: ничего не пропало, осталось это, это, то и то...

Это поправим, от этого откажемся, затянем пояс, проживем у мамы, не будем снимать квартиру, поедем макароны.

И снова цифры по ночам, цифры, а утром: смотри, мы вылезем!

И вылезли, вылезли, и ничего не надо начинать сначала – там подтянули, здесь урезали; нет худа без добра – после дефолта многие конкуренты отпали.

И мы снова прорвались, да еще как!

Снова победа, и обороты, и экономия на всем, по большей части – на мне.

И вдруг твое: «Я крутой!»

Да, крутой, а я? А ты делай теперь так и так, нет – это плохо, делай лучше, лучше. Это уже не так вкусно, это не вовремя, и вообще «прав всегда только я» – и так по нарастающей!

И ночи без сна у темного окна: «Что я не так сделала? Господи, ведь невозможно терпеть!» И все, нет сил, и выбор: либо ложиться без боя и становиться ошметком при «начальнике всей твоей жизни», либо уходить.

И понимание: на самом деле выбора никакого и нет, да никогда и не было.

И конечно же: «Ты решай, но ничего не получишь – все мое!»

И букет сирени.

Господи! Но почему, почему сирень?!»

Сильно дернуло вагон, и Наталья выскочила из своих грустных

мыслей.

«М-м-да, дорога. Задремала, и все это предательски сразу полезло в голову. Ну кого и в чем я обвиняю?! В любом случае это мое решение. Что вначале – жить с этим человеком, строить жизнь с ним, что в конце – расстаться, построив и оставив ему жизнь и бизнес. Я могу тысячу раз говорить себе, что он не виноват. Я могу тысячу раз обвинять себя и сомневаться в правильности решения. Я могу охрипнуть нутром и горлом, утверждая, что сама, сама виновата. Но я обвиняю его и не могу остановиться. Господи! Ну сколько можно ходить по кругу. Все понимая, оставаться там же, где и была?! И вообще – какого хрена сирень!..

А, собственно, откуда запах?»

Она повернулась лицом к купе.

На столике стоял букет сирени в обрезанной пластиковой бутылке из-под минеральной воды. Наталья занимала верхнюю полку, и здесь, наверху, запах цветов чувствовался особенно сильно. Рядом с букетом сияла лучезарная улыбка девушки лет семнадцати.

– Здравствуйте, а мы ваши соседи, мы с мамой только что сели, в Туле. Давайте познакомимся. Я – Даша, а это моя мама – Устинья Васильевна, – она указала рукой на весьма полную даму в спортивном костюме веселой расцветочки, – мы до Джанкоя, к родственникам. А вы?

«Прелестно, сейчас в самый раз», – вяло подумала Наталья.

– Давайте чай пить, – предложила Устинья Васильевна, – четвертого попутчика у нас пока нет. А вы из Москвы едете?

«Как будто можно ехать откуда-нибудь еще – поезд московский, и первая остановка – Тула», – поворчала про себя мысленно Наталья.

– Да, – наконец соизволила ответить она.

И бочком, чтобы не задеть цветы, накрытый к чаю стол и новых пассажирок, начала сползать с верхней полки. Схватила сигареты, промямлив что-то типа «я сейчас», натянула пляжные шлепки, служащие в поезде тапками, и, непонятно почему смущаясь, выскочила из купе.

В тамбуре никого не было.

Прикурив, она обнаружила, что руки трясутся вместе с поджилками.

«Да что, собственно, такое?! Ну было, да времени-то сколько уже прошло. Сколько? Три года? Да, три, даже больше. Ну, и чего тебя проняло? Ты ведь умная. Про свою жизнь ты все уже поняла. Что это ты вдруг? Это просто поезд. Здесь как-то особенно ощущается одиночество: никто не провожает, никто не едет с тобой, никто не встречает – все сама. Ну и что? В первый раз, что ли?! Надо было читать до опупения жизнерадостную Донцову, а не задремывать под стук колес».

Наталья уставилась в грязное оконце на пролетающий мимо пейзаж, не видя ничего, стараясь изгнать из сердца тоску и жалость к себе.

«Пойду пить чай с попутчицами! И все, все, хватит».

Затушив сигарету, она «очень решительно», как пишут в романах, взялась за ручку двери. В это же мгновение дверь дернули с другой стороны – не менее решительно, и она полетела вперед, как выпущенная торпеда. Что чувствует торпеда, Наталья не знала, но сама она почувствовала сильную боль, ударившись обо что-то твердое плечом и скулой.

«Что-то твердое» оказалось при ближайшем рассмотрении мужчиной. Мужчина был высок ростом, широк, зол и смотрел на нее с плохо скрываемой брезгливостью.

– Что вы на ногах не держитесь, девушка? Так и покалечиться можно!

– А что вы дверь рвете, как партизан в бункер к немцам?!

– Что?! – опешил мужик от такой отповеди.

– Ничего! Вы куда-то с боем прорываетесь, а тут девушки на дверях висят, – воинственно проворчала Ната.

Насчет девушки она, конечно, погорячилась маленько, но кто из женщин не думает о себе в диапазоне минус 10–15 лет? Да и какое это имеет значение, когда бог посылает ей маленький скандалец для бодрости духа и развеивания хандры...

В этот момент Наталья почти любила этого мужчину.

Мужчина, которого она «почти любила», был ошарашен и сдвигался в сторону, пытаясь ее пропустить. Гордо, нет – очень гордо! – задрал подбородок, она прошествовала мимо, испортив всю картину несения своего возмущенного величия тем, что зацепилась за коридорный коврик носком шлепанца.

«Ну вот и полегчало, спасибо тебе, дядечка», – хотя насчет «дядечки», как и насчет «девушки», она тоже несколько преувеличила. Толком рассмотреть божьего посланника ей не удалось, да и это было неважно, но на «дядечку» он явно не тянул.

Уже совсем в ином настроении Наталья вошла в купе.

Даша и ее мама пили чай. Настоящий чай, который наливали из заварного чайника – вот же чудеса непоездные! А на столе было разложено угощенье – тульские пряники, конфеты, пирожки и еще какая-то снедь, завернутая в промасленную бумагу.

– Вы садитесь с нами, мы подвинемся, – очень весело, звонким, каким-то девчачьим голосом пригласила Устинья Васильевна. Голос совсем не вязался с ее крупной, дородной фигурой, круглыми щечками и стрижкой «в

кучери». – Вас как зовут? А то и не знаем, как обращаться.

– Наталья Александровна, можно Наталья.

Как-то вдруг очень захотелось чаю с пряниками в компании этой располагающей, открытой парочки. Наталья сходила за стаканом, и они уселись чаевничать. Устинья Васильевна с Дашей рассказывали о себе: куда едут, как живут, про родственников, которые будут их встречать, и что-то еще, еще... Она слушала, не слушая, улыбалась и кивала: этому приему Ната научилась давно.

Ездить приходилось много и часто, в основном на поездах. Попутчики попадались разные, но почти всегда разговорчивые. Она научилась слушать, пропуская поток информации и эмоций собеседников мимо. Не от безразличия или снобизма, а от невозможности втиснуть в себя что-то еще сверх своих переживаний.

Переживания прошли, а навык «поездных ушей» остался.

Хотя – какое там «прошли»!

Когда, вон, курить побежала – и ручки тряслись, и слезы внутрь загоняла, не разрешая им выйти из-под контроля, и смирилась с тем, что хандрить придется полпути. Если б не маленькая стычка с тем мужиком, сидела бы сейчас и собирала себя в кучку...

Она улыбнулась, вспоминая эпизод в тамбуре, и мимолетно подумала о мужчине: «Что ж у нас случилось-то, что мы такие решительные и суровые, или мы такие по жизни?»

Как будто отвечая на ее мысли, Даша вздохнула и принялась рассказывать:

– Ой, Наталья Александровна, тут пока вас не было, к нам четвертого поселили! Представляете, он из СВ, продали три билета на одно место, чего раньше никогда не было. Так начальник поезда говорит. Вот. А СВ-то – всего два вагона, и все места заняты, так эти трое не знали, как разместиться, вроде как двое мужчин уступили женщине, у нее третий билет был. Вот. А их в купе переселили и обещали разницу выплатить, искали лучший вагон, и оказалось, что это наш. Нам одного и подселили. Здоровый такой мужик и злой. Важный: вещи, то есть сумки, дорогие такие, так он их покидал и ушел, даже дверью хлопнул. Будет теперь дуться и молчать. Да еще храпеть, наверное, ночью примется!

– Да не тарахти ты, Дашка! С чего ты взяла, что будет храпеть. А что расстроен человек, это ж понятно.

– Ну... уж больно важный, сразу видно – начальник.

«Уж не мой ли «партизан», этот новый сосед? Плохо дело, еще разборки устроит, учить уму-разуму начнет», – обеспокоилась Ната.

Поругивая себя за трусость, она полезла на свою верхнюю полку, где, в

общем-то, неплохо устроилась. Чувствуя приятную сытость после чая, она медленно погружалась в сон.

Дремать нельзя – только спать...

Наталья проснулась от звука хлопнувшей двери купе, более резкого, чем обычно, похожего на выстрел. Вздвогнув, она открыла глаза и увидела прямо перед собой того самого «партизана», как она его обозвала про себя, и теперь наконец-то смогла его рассмотреть.

Он был действительно высок, за метр восемьдесят, весь какой-то широкий, но не толстый, а, как говорится, подтянутый. На вид ему, пожалуй, можно было дать в районе сорока. Короткий ежик волос, очень внимательные серые глаза, небольшой шрам над левой бровью и едва заметный – на левой скуле. Простая, ничем не выдающаяся внешность. Ничего особенного.

Кроме глаз.

Пожалуй, Дашка была права: как-то сразу становилось понятно, что он – начальник, не потому что высокомерен, а просто чувствовалось, что этот человек умеет командовать.

«Да, с «дядечкой» я точно промахнулась...»

– Простите, я не хотел вас разбудить! – холодно и отстраненно произнес объект ее пристального изучения.

– Все с дверьми воюете? – понесло Наталью, видимо, еще не до конца проснувшуюся. Язвить с этим товарищем, похоже, не рекомендовалось, но когда это благоразумию удавалось ее остановить!

– Так это вы, девушка! – как будто обвиняя, произнес «гражданин начальник».

– Вообще-то – я. А что? – живо поинтересовалась она.

– Да, собственно, ничего.

– Ну и славно! – ехидно согласилась Наталья.

Куда ее несет?! Мужик явно раздражен, да и цену себе знает. Может, поэтому ее и проняло?

Говорить им было не о чем, и мужчина твердым полукивком отпустил ее из разговора и одним сильным движением поместил свое крупное тело на верхнюю полку.

«Ого, да мы еще и спортсмены», – подумала Наталья, с издевкой вставив «э».

Слишком увлекшись его разглядыванием, она совершенно забыла о других пассажирах, но они о себе немедленно напомнили:

– Здравствуйте, а как вас зовут, а то мы все познакомились, а как вас

звать – не знаем. Хотите чаю? У нас настоящий, не из пакетиков, – очень быстро и громко, как из пулемета, строчила Даша.

– Зовут меня Антон Александрович, чаю не хочу, благодарю вас.

Вот так – холодно и очень понятно: «Все свободны, всем спасибо».

«Что ты к нему прицепилась, Наталья?! То рассматриваешь его во все глаза, то язвишь, то его тон тебя задевает, тебе-то что? А бог его знает – что? Бог знает...»

В этот миг зазвонил ее сотовый.

Схватив в руки телефон как спасательный круг, она спустилась с верхней полки и выскочила в коридор. Звонила ее бывшая клиентка, просила помочь приятельнице, которой нужно срочно продать квартиру. Она переадресовала клиентку к Ольге, ее нынешней коллеге и почти подруге. Закончив разговор, Наталья заглянула в купе, взяла сигареты и снова поплелась в тамбур.

Надо кое-что обдумать, успокоиться, а то настроение, как качели, – то вверх, то вниз.

Ей повезло второй раз: в курилке никого не было.

Она уставилась в окно на мелькающий пейзаж, и мысли потекли, как картинки за окном.

После ухода от мужа она, конечно, потеряла и работу.

Начинать заново жизнь после тридцати сложно, а после тридцати шести практически вообще невозможно, да еще не имея ничего за спиной, кроме старого шмотья. Она работала у него всем на свете, от секретаря до главбуха, и, конечно же, без трудовой книжки и без зарплаты, а еще с целой кучей проблем.

Как-то по ТВ шел сериал о женщине с тремя детьми, ушедшей от мужа. Сериалы она не смотрела в силу занятости и не особой любви к ним. Из этого сериала почему-то запомнила некоторые высказывания, из тех эпизодов, что видела случайно.

Героиня говорила своей подруге: «Начинающие развод делают одну большую ошибку – уходят, а уходящий получает не более десяти процентов от всего: от денег, жизни, любви. Раз уж влезли в развод, сделайте так, чтобы ушли от вас».

Десять процентов она не получила, но одну десятую процента ей все-таки дали и подтолкнули в спину – «иди, иди, убогая, пока я не передумал».

А что? Прав ведь! Точно, убогая – шесть лет угробить на мужика: на его жизнь, его бизнес, его здоровье, его родителей. На все его.

Конечно, убогая.

А где же я?! Ну или хотя бы «мы»?! Ну и сама дура – заслужила!

Наталья стала искать, куда пристроить свои жалкие копейки, чтобы сделать наконец что-то для себя, хотя бы организовать жилье. Она купила комнату в совершенно «убитой» коммуналке, в отдаленном районе, без соседей. У них имелась другая квартира, а вторая комната стояла пустая: супруги держали ее для детей, когда те подрастут. Люди они оказались неплохие, и им было все равно, что она там делает – ремонт так ремонт.

Негатива, обид и обвинений в ней накопилось – море, девать это куда-то требовалось, вот она и взялась за ремонт. Своими силами – за исключением сантехники, электрики и каких-то сложных работ.

Деньги быстро закончились, а что-то делать плохо Наталья не умела, вот и вышел ремонт на славу. Зато она оказалась совершенно без денег, без работы и без понятия, что ее ждет впереди.

Однако половину злости на себя и на весь мир Наталья сбросила. Она продала эту комнату – надо же на что-то было жить – и вдруг обнаружила, что неплохо на этом заработала. Очень даже неплохо! И пошла на фирму, через которую покупала и продавала комнату, где устроилась работать риелтором в отдел купли-продажи.

Через два месяца она заработала первые неплохие деньги. Через год приобрела однокомнатную квартиру, а вместе с квартирой – и самоуважение, потерянное где-то в начале «счастливой» семейной жизни. А еще она приобрела устойчивый страх – пустить в свою жизнь и в свое одиночество хоть кого-то.

Ну, и накрывающие время от времени с головой, вот как сегодня, приступы хандры...

В активе у нее имеется любимая мама, к которой она и едет сейчас в Крым, еще – любимая же сестра, четверо горячо любимых племянников, детей сестры.

Между прочим, сестра с семьей в ближайшее время собирается перебраться с Урала в Москву: бизнес мужа требует.

А с ее любимыми племянниками рядом скучать не придется – это, как они говорят, «без вариантов». Так что нечего, нечего хандрить!

Ну подумаешь – тридцать девять лет, ну подумаешь – нет детей и ты одна.

Делов-то.

Скучный, рутинный секс раз в неделю с сослуживцем в течение последнего года, не доставляющий никаких радостных эмоций ни ему, ни

ей.

А куда деваться? Чувств друг к другу никаких, кроме дружеских, они не испытывают. Жениться, боже упаси, не собираются. Ну, хоть секс есть – вяленько так вяленько...

Последний раз это случилось два месяца назад, не доставив ей никакой радости, и Ната решила: все, хватит! Даже говорить ничего не надо было: просто она его не приглашала, и его предложений встретиться не принимала.

Все довольны.

Работа эта ей уже давно надоела, да и не надрывается она особенно.

Народ у них деньги зарабатывает – будь здоров, а ей лень и неинтересно.

В общем, по нынешним меркам она тоже неплохо заколачивает, понимает, конечно, что можно го-о-раздо больше, но нет азарта, удовольствия, что ли.

Да и не ее это!

«А что – твое?!? Чего ты хочешь-то, Наталья?! Куда тебя сегодня несет? Ты сто лет не позволяла себе расслабляться и держалась!» – прикрикнула она на себя мысленно.

«Все нормально. Просто я еще не умерла, я живая, мне влюбиться хочется, родного человека рядом, чтоб свой, со всем набором мужских достоинств и недостатков, но родной и любимый. Вот так-то!

И хоть раз в жизни, ну хоть один раз, почувствовать и понять, что такое «как за каменной стеной». Что значит: мужчина, которому можно все доверить – и жизнь, и любовь, и преданность. Тихая постоянная радость, что он есть, миллион мыслей в день о нем: где? как? все ли хорошо?

Радость, что он думает, скучает и звонит по три раза на день – просто так, чтобы услышать ее голос. Чтобы совпадать, как две половинки, слышать друг друга. Господи, да можно что угодно об этом думать и говорить, главное – быть родными!

Ох-хо-хо, куда тебя, Наталья, понесло! А кто не хочет?! Все хотят и любви, и родного человека. Все! Что ты разнюнилась?

Ты еще начни женские романы читать и сериалы типа «сопли в сахаре» смотреть».

Во рту стало горько – не то от сигареты, не то от мыслей...

«Ладно, хватит! Бери себя в руки и тащи в купе, на верхнюю полку – к Донцовой, кроссвордам и остальным прелестям поездной жизни. Или, может, в ресторан, коньяку хлопнуть?»

Наталья затушила сигарету и пошла в купе.

«Ты смотри, какая!» – думал Антон, виртуозно изображая, что спит.

Собственно, ему нужно было подумать, хорошо подумать, и с бумагами поработать. Он ехал поездом, чтобы совместить приятное с полезным, а еще выполнить одну неофициальную просьбу из числа тех, которые уже не раз выполнял для своей бывшей конторы.

Вернее, в первую очередь – «просьбу», а потом уж все остальное.

Но эта дамочка его сильно отвлекла, еще там, у двери в тамбур, когда влет ответила про «партизана».

Ему всегда нравились такие язвительные, быстрые на умную реплику, живые. А у этой к тому же были зеленые глаза – печальные, но в одну секунду вспыхнувшие смехом. Судя по всему, остальное было тоже в порядке – он почувствовал, когда она на него налетела: упругая грудь, талия, бедра.

Почувствовал и запомнил, и нес с собой, пока шел в ресторан.

В ресторане он понаблюдал за тем, кто был ему нужен, впервые рассмотрев его вживую.

Прокручивал в голове еще раз информацию, настраиваясь на этого человека, на работу с ним.

За всем этим он про девушку забыл.

Оказалось – не забыл, а как бы отодвинул и, снова встретившись с ее внимательными зелеными глазами, понял, нутром почувствовал: зацепила она его.

Да уж!

Сразу вспомнилась оставленная в Москве Марина. Когда же они последний раз занимались любовью? Давно, да как-то особенно и не тянуло.

Она, конечно, надеялась на что-то серьезное, продолжительное.

А он точно знал, что – нет, нет. Все это не то, не греет.

Спасибо, конечно, что и такое есть: при его-то занятости еще озадачиваться поиском партнерши – ну никакой возможности. Вот и тянется не пойми что: ни роман, ни дружба, ни любовь, ни просто секс.

Надо бы ей позвонить, сказать, что уехал, да неохота.

А эта, зеленоглазая, пожалуй, могла бы фейерверк-то в нем зажечь...

Он всегда был честен с самим собой и сразу признал: странным образом эта девушка его сильно заинтересовала. И тут же сам себе подивился – с чего бы?

Давным-давно его никто не интересовал вот так, сразу.

«М-да, не то стареешь, не то заработался ты, Антон Александрович. Ладно, надо делом заняться».

Ну, с бумагами все ясно – его официальный контракт и договора к нему – азы и рутина.

А вот с «просьбочкой» – тут все сложнее и интереснее.

Полковник в отставке, а ныне хозяин и генеральный директор фирмы, предоставляющей услуги по установке и обслуживанию охранных систем любой сложности и любого уровня защиты, а также выполняющей индивидуальные заказы на личную охрану и еще кое-что в этом же русле, проходящее по «прейскуранту» как «особые услуги», – Антон Александрович Ринков считался среди людей, знающих его, человеком везучим. На самом деле он просто обладал суперинтуицией – седьмым, десятым, черт его знает, каким чувством, спасавшим его шкуру и голову не одну тысячу раз – как в бою, так и во всех делах, которыми занимался.

Боевой офицер спецназа, прошедший огонь и воду, из каких только передряг не вылезавший, практически всегда выводивший из них целыми и невредимыми своих ребят, за исключением единичных случаев, о которых говорить и думать запрещал самому себе.

За блестящий ум и эту самую интуицию после очередного задания и ранения он был переведен в аналитический отдел родной конторы.

Поначалу работать в этом отделе было интересно, азартно, радостно.

Но постепенно азарт спал, все виделось более четко, гораздо глубже и серьезнее, чем в начале, – и пришло понимание, что он ошибся.

Знаменитая на всю контору интуиция, помноженная на блестящий ум, помогла ему тихо и безболезненно уйти в отставку, хотя Антону пророчили звание генерала.

Да бог с ним, с генералом-то. Главное, что ушел.

Хотя «безболезненно» – это, конечно, не совсем правда.

Начинать новое дело, не имея собственных средств, получая регулярные предложения «о вложениях» с разных, порой противоположных сторон, красиво уходить от принятия данных инвестиций, выкручиваться самому, заложив все, что можно, собрав посильную дань со всех друзей и родственников, – это еще то удовольствие.

Он работал как каторжный, иногда по двадцать четыре часа в сутки, не гнушаясь сам подвязываться на «личную» охрану «тел», о которых знал гораздо больше, чем даже они сами о себе знали. Монтировал первые

охранные системы сам или со своим товарищем Михаилом на пару. Вместе они решали, на что потратить оставшиеся копейки от прибыли: на еду или на сто боевых граммов для расслабухи, ибо все, что заработали, они тут же вложили в новое оборудование.

Водка порой перевешивала, потому что упаживались они до зеленых чертей...

Он сшибал деньги у друзей до следующей прибыли, о поступлении которой можно было только мечтать.

Все, все это было и много всякого другого, о чем и вспоминать не хочется, в то дикое время становления своего дела.

Это сейчас он – сытый холеный барин, обожающий свой кабинет, дубовый стол, сделанный по его индивидуальному заказу, компьютер и все атрибуты жизни преуспевающего предпринимателя, даже свою секретаршу Марию Ивановну, даму неопределенного возраста, остановившегося где-то около сорока пяти лет с десяток тому назад, – суровую и требовательную, как прапорщик на плацу, очень профессиональную, тайно обожавшую его и Михаила.

Она подкармливала их домашними пирогами и поила отваром шиповника, когда они засиживались допоздна.

Его зам и ближайший друг Мишка, для подчиненных – Михаил Захарович Дубин, а для близких – просто Дуб, не смог так красиво и даже элегантно уйти из конторы, как ушел Антон.

Ринкову и прежде приходилось вытаскивать его из разных ситуаций. Вытащил он друга и в тот раз.

После чего, распивая сильно алкогольные напитки у Антона на кухне, строго предупредил:

– Все, вали оттуда, иди ко мне замом, будем вместе бизнес строить!

Дуб сопротивлялся, ныл:

– Да не могу я, Ринк, не могу, я ж ни черта, кроме службы нашей, не умею! И родственников у меня нет. Я ж сирота, и занять не у кого, и заложить нечего. У меня же, кроме ранений и наград, – ни хрена нет! Не мое это, не мое! Это ты у нас шаманишь – такое придумываешь, что ни один нобелевский лауреат не допрет, а я по другой части. Ходил за тобой как тень и чудеса творил, если ты впереди.

– Да и не надо занимать и закладывать: все, что мог, я уже наковырял! – уверял Антон. – Мне ты нужен, мне спину прикрывать надо. Здесь, в бизнесе, так же, как на войне, а порой и круче! И все, кончай приbedняться, знаю я тебя: я, вон, когда ушел, а ты и без меня продолжал

там чудеса творить – наслышан! Будешь зарплату получать. Знаю, что ты денег, как ранения в яйца боишься, но все, хватит ныть, завтра на работу!

– Ну, на войну так на войну, нам не впервой. Прикрывать так прикрывать – это мы всегда, и даже очень уважаем! – улыбался Мишка.

Они стали жить вдвоем, в Антоновой квартире, доставшейся ему от родителей, так как правильно заметил Мишка, что, кроме ранений и наград, от Родины они ничего не получили. Да и бог с ним!

Очень трудно было поначалу, но они терпели – да фигня все, не такое проходили!

Но все равно Антон знал, что нельзя, ну, нельзя идти другим путем, нельзя брать то, что так охотно и навязчиво ему «дружески предлагают» разные важные «дядечки».

Да он и не собирался.

Ничего, выстояли.

Кто бы сомневался!

Антон вспомнил, как однажды утром он жарил яичницу на кухне. Вдруг в дверном проеме появился Мишка, в одних трусах, с бритвенным станком в руке – одна щека выбрита, а другая в пене.

– А вот скажи мне, командир, – задушевым голосом проговорил боевой товарищ, – мы с тобой одинокие, холостые мужики в полном расцвете сексуальных сил и энергий. Да?

– Ну? – согласился вопросом Ринков.

– А вот ты помнишь, когда последний раз спал с женщиной?

– Ну... давно.

– Вот, я о чем и говорю. У нас двухкомнатная квартира, заметь, с изолированными комнатами, а мы ни разу, – указательный палец жестом, подчеркивающим важность момента, поднят вверх, – ни разу баб не привели. О чем это говорит?

– Ну, и о чем это говорит?

– О том, что мы либо голубые, либо импотенты, либо у нас не все в порядке с головой. Первое и второе – невозможно по определению, значит, остается последнее.

– Ты сегодня ночью этого хакера охраняешь на тусне? – таким же задушевно-ласковым голосом спросил Антон.

– М-м-да, – сник Мишка.

– Вот там и скинешь сексуальную и прочие энергии, гоняясь за этим козлом. Не в первый раз.

– Да, не в первый, – подтвердил Мишка. – Я это все к чему, командир: как только мы приводим баб и устраиваем большой трах на всю ночь – это означает, что наши дела наладились и даже двигаются к процветанию вместе со всем капиталистическим обществом.

– А вот здесь ты зришь в корень, Дубик. Обещаю, что именно так мы это и отметим. Все, все, Дуб, о большом мужском разгуляеве пока забудь. Добривайся, пошли «капитализм» строить.

Потом, когда дело сдвинулось и начало раскручиваться, они пригласили двух девушек, чтобы отметить обещанную Мишке первую маленькую победу.

Но это было еще то свидание!

Зная о проститутках все по специфике своей непростой работы, мужики относились к «ночным бабочкам» снисходительно – жалостливо, и добавлять этим девочкам отрицательных «рабочих» воспоминаний не собирались, да и не их это развлечения были, если честно.

Поэтому вариант близкого «общения» с женщинами облегченного до крайности поведения даже не обсуждался.

Они наметили с Мишкой первый выходной, строили планы, но возникла проблема – знакомиться с дамами им было негде и некогда. Да и ни сил, ни энергии на это просто не оставалось. И потом: им же не по двадцать лет, чтобы идти на дискотеку или еще куда?!

Как вообще это сейчас делают и где?

Махнув на все условности рукой, Антон поехал поговорить с двоюродной сестрой о насущной мужской проблеме.

Они всегда дружили со Светкой, с детства, когда все дети их большой и дружной семьи тусовались на огромной даче ее родителей, где отпрыски творили все, что им заблагорассудится, на бескрайнем участке среди сосен и разросшихся кустов смородины, крыжовника и малины.

Светка была младше его на три года, ее брат Дима – ровесник Антона, и троюродные Леша и Маша, младше на два года, – вот их основной отряд.

Компания была сплоченной, дружной, боевой, в которой, конечно же, командиром и заводилой являлся Антон. Летом к ним присоединялись соседские Павлик с Костей, и этот отряд взрослые прозвали «архангелы».

Самое удивительное, что потом, в далеком будущем, его боевой отряд тоже будет называться «Архангелы».

Но это уже совсем в другой жизни.

Что только они не вытворяли! Рассказы об их проделках и «подвигах» до сих пор гуляют по дачному поселку.

А Светка навсегда осталась своим, проверенным товарищем, другом и нежно, по-братски любимой сестричкой.

Обнявшись, расцеловавшись и махнув по первой рюмочке, они стали «общаться». Это Светкино выражение, она всегда начинала с этой фразы:

– Ну, давай общаться! Что, собственно, тебе, брат Антоша, нужно?

Вот так всегда – с места в карьер.

Она все про него понимала, про реалии его непростой жизни, прощала и любила, как и все они друг друга в своей большой семье.

Он начал было что-то мямлить, но совершенно запутался и, плюнув на все, прямо объяснил проблему.

– Так, – подытожила Светка, – полная деградация личности, вернее, двух личностей мужеского пола.

Поглумившись в таком духе еще минут десять, она, конечно же, согласилась «постараться помочь», а о результатах «помощи» обещала сообщить по телефону. Они еще посидели, повспоминали, помолчали о том, о чем нельзя говорить, выпили все, что было. Антон уложил пьяненькую Светку спать – она всегда быстро пьянела, но наутро помнила абсолютно все. А сам отбыл на работу – авралить перед выходным.

Светкины «девочки» оказались веселыми, очень милыми, умненькими, легкими и приятными в общении.

Они пришли, тут же сунулись на кухню, что-то быстро приготовили, хотя они с Дубом старались не ударить в грязь лицом – стол накрыли, но барышни переставили все по-своему.

И – быстрее, быстрее! – принялись наперебой произносить тосты, знакомиться, заливая шампанским неловкость первого момента.

Очень скоро все почувствовали себя раскованно и раскрепощенно. Громко играла музыка, мужики вовсю заигрывали, дамы хохотали, по телевизору шла какая-то комедия. Наконец Антон включил музыку и предложил медленный танец, все с удовольствием согласилось.

Начались затяжные поцелуи, более откровенные жесты соблазнения, и, плавно двигаясь в танце, пары разошлись по комнатам...

Антон даже особо не утруждался запомнить, как зовут девушку, которая ему досталась, и разузнать, кто она такая, хотя, конечно, запомнил все до мелочей. Уж так его мозги устроены, и не до джентльменства ему

тогда было, потому что ему хотелось сразу две несовместимые вещи – спать и заниматься любовью. Максимум такта, на который он был способен, это сказать «прости», перед тем, как идти в атаку.

И в первый раз в своей мужской жизни, достигнув финала, он мгновенно провалился в сон – как будто умер.

Проснулся он, как всегда, в одно мгновение, осознавая все вокруг, себя и свое тело, готовое к любым действиям – это был навык, закреплённый на уровне рефлекса на всю оставшуюся жизнь.

В квартире стояла тишина. Полная, звенящая.

Все было убрано, даже полы помыты.

Войдя на кухню, он немного прибалдел. Никаких следов вчерашнего веселья – идеально чистая кухня. На плите стоят кастрюльки с едой. В одной – одуряюще пахнущие щи, в другой – горка котлет. В холодильнике обнаружилась тарелка с нарезанными и красиво разложенными овощами, прикрытая целлофаном, поверх которой лежала записка следующего содержания: «Скрытый алкоголизм лечат в центре «Дар», а виагра продается в частных аптеках без рецепта. Когда вылечитесь – звоните».

Антон громко хохотал, от души, до наворачивающихся слез, облокотившись одной рукой о стол, в другой держа записку и перечитывая ее.

В кухню вбежал помятый Мишка – босиком, в одних трусах.

– В чем дело, командир?!

– Дуб, мы опозорили честь мундира русского офицера!

Мишка выхватил записку, пробежал ее глазами, потом еще раз, и совершенно с серьезным выражением лица произнес:

– Армия нам этого не простит!

Насмеявшись, они попробовали кулинарные шедевры, приготовленные щедрыми руками сердобольных женщин для сирых и убогих, и пошли на работу.

Лежа на своей верхней полке лицом к стене, он улыбался, вспоминая этот их первый выходной.

«Это все она, эта, с зелеными глазами, – по обыкновению честно признался себе Антон, – надо о деле думать, а меня растащило, хотя... я ведь простой пассажир, ну, и веду себя как простой пассажир. В меру повозмущался, «кулачком по столу стукнул», всех построил – и довольно».

Открылась дверь, и в купе вошла зеленоглазая – он, не глядя,

определил, что она.

– Наталья Александровна, давайте обедать. Сейчас маму разбудим, накроем, – пригласила ее Даша шепотом.

«Значит, Наталья Александровна – хорошо», – подумал Антон.

– Нет, спасибо. Я в ресторан.

– Ну что вы, у нас все есть. Все вкусное. Свежее, – уговаривала настойчиво девчушка.

– Нет, нет, благодарю!

Наталья достала зеркальце, подправила легкий макияж, взяла сумку, сунула в нее телефон, сигареты. «Партизан» спал, повернувшись к миру спиной.

«Да, подруга, чего-то тебе точно в жизни не хватает, судя по реакции на обычную мужскую спину, хотя, конечно, не совсем обычную, а весьма внушительную. М-да, это диагноз» – вынесла себе мысленно вердикт Наталья и строго распорядилась: «Так, срочно в ресторан – хлопнуть коньячку!»

В ресторане посетителей оказалось мало, всего человек пять: ну, это и понятно – время еще не для ужина, но уже и не для обеда.

Она заказала себе овощи, рассольник, воду и рюмку коньяка.

Симпатичная плотненькая официантка неопределенного возраста, как и все поездные официантки, очень быстро принесла ее заказ. Предощущая лечебный эффект от коньяка для своих не в меру разгулявшихся нервов, Наталья поднесла рюмку к губам и замерла.

По проходу шел «партизан» и смотрел на нее в упор.

Прямо в глаза!

Даже «собрав всю свою волю в кулак», как пишут бездарные писатели, она не смогла отвести от него взгляда.

Рука дрогнула, выплеснулось немного коньяка, как бы напоминая о себе и незаконченном действии. Не отводя взгляда от серых глаз «партизана», Наталья выпила, забыв запить, или заесть, или что там еще надо делать после принятой рюмки.

– Лучше закусить лимончиком, – любезно подсказал виновник ее смятения, подойдя к столику. – Вы не заказали? А зря. Разрешите составить вам компанию, Наталья Александровна?

– Значит, все-таки вы не спали, – констатировала она.

– Не спал, – признался он и спросил тоном доброго соседушки: – А со мной коньяку выпьете? – и жестом попросил разрешения присоединиться к ней за столом.

– Выпью, что ж не выпить с хорошим человеком, – кивнула она, – и

для беседы полезно.

– Экая вы, – сев напротив нее, он наконец подобрал слово: – острая.

– Каюсь, грешна, характер, знаете ли. Ничего поделать не могу, – резвилась Наталья, защищая себя от его взгляда, вызывавшего озноб в позвоночнике и что-то еще, может, забытое, а может, вообще не испытанное еще никогда...

Пока он делал заказ, Наталья смотрела в окно.

«Слишком быстро, слишком в упор – все слишком. Расслабься, Натка, – уговаривала себя она, – и так ты сегодня как истеричная барышня себя ведешь!»

– Наталья Александровна, вы куда едете? – приступил к застойной беседе сосед.

– В Крым. У меня там мама живет. А вы?

– Я тоже в Крым. Отдыхать и работать.

– Вы директор, у вас своя фирма, довольно успешная? – полуутвердительно спросила Наталья.

– Да, некоторым образом. Я даже не спрашиваю, как вы догадались.

– Правильно не спрашиваете, это сразу видно и понятно, – кивнула Наталья и отчего-то сказала о себе: – А я работаю риелтором, купля-продажа недвижимости.

– Значит, маклер. Нравится?

– Нет, – почему-то честно призналась она.

Принесли его заказ. Антон Александрович разлил коньяк по рюмкам, подвинул к ней тарелочку с лимоном.

– За знакомство!

– За знакомство!

Они выпили, и, слава богу, ее отпустило, отступило это пугающее понятно-непонятое странное ощущение, предчувствие чего-то особенного...

– Как давно вы живете в Москве?

– Десять лет в этом году исполнится.

– Привыкли? Как вам город?

– Сначала, в первые годы, было тяжело: слишком холодно, слишком много снега, слишком длинная зима. Да и время было сложное, страшное, вы же помните. Потом привыкла как-то и даже сильно полюбила столицу. Теперь скучаю, когда надолго уезжаю, рвусь назад. А когда возвращаюсь, иду гулять в центр по любимым улицам...

Антон Александрович слушал заинтересованно. Внимательные серые

глаза, внимательное лицо, даже короткий ежик его волос казался внимательным...

«Ох, непрост мальчик, ох, непрост! «Глаз востер, как у татарина», – говорила про таких моя бабушка», – усмехнулась про себя Ната.

Зазвонил сотовый, оба принялись доставать свои телефоны. Мелодия была не ее – звонили Антону Александровичу.

«А ему очень подходит – Гимн Советского Союза... ах, извините, России».

– Да, Ринков! – несколько резковато ответил он.

Наталья уставилась на него как на привидение.

Слушая, что говорят на том конце, Антон Александрович удивленно поднял брови, не понимая ее странной реакции.

Детство... все хорошее, как всегда, из детства.

У Сереги дома была совершенно невероятная, огромная библиотека, там были такие чудесные книги: старинные, толстые – с разрисованными переплетами, и тонкие, с удивительными картинками – феями, рыцарями, принцессами, драконами и всякими сказочными рисунками.

Они таскали эти сказки из библиотеки от взрослых, не разрешавших Сереге выносить книжки из дома, и прятались в свой штаб в глубине сада.

Они еще не умели читать и, рассматривая картинки, придумывали по ним свои собственные истории – сказочные, бесконечные.

Первым научился читать Серега, и сначала читал им эти сказки по слогам. Маленькую Натку это ужасно раздражало, потому что если рассказывать сказку медленно и без выражения, то вся сказочность куда-то пропадает!

Она предстала перед старшей сестрой и потребовала, чтобы та немедленно, вот прямо сейчас, научила ее читать, чем вызвала восхищение любящих родителей. Натка очень быстро научилась, ее только смущали некоторые буквы в тех старинных книжках, смысл которых сестра ей не объяснила, но и с этим она справилась. Сама.

Так вот, в одной из этих сказок, которую особенно все любили, был необыкновенный герой.

Он дрался на мечах лучше всех, не носил латы, как все остальные рыцари, и поэтому был быстрее и ловчее других. Он умел абсолютно все – скакать на лошади, прыгать с высоты, плавать – весь джентльменский набор героя.

Как водится, имелась в сказке и принцесса – ну, а куда без нее! Мальчишки дружно утверждали, что она похожа на Натку, прямо точь-в-точь!

Когда они прочитали эту книжку в тысячный, наверное, раз и уже все знали наизусть, то начали придумывать рыцарю подвиги сами. А потом и играть в них.

Конечно, Ната всегда выступала в роли той самой принцессы, а рыцаря пацаны играли по жребии. И неизменно в конце игры спасавший ее становился на одно колено. Слов любви не произносили – так договорились сразу, потому что мальчишкам по дворовому статусу не положено сюсюкать, не по-пацански это, а она была «своя девчонка».

Откуда только ее не спасали!

С деревьев, из сараев, с крыш гаражей, из старых развалин...

Принцесса должна была терпеливо ждать спасенья, изображая нежную и беспомощную деву, но Натка и терпенье в то время не совмещались. Скоро она свела на нет все сцены, связанные с ее «беспомощностью», она слезала с «трона» или выходила из «подземелья» и принимала активное участие в собственном спасении. По мере того как компания росла, менялись и атрибуты игры – мечи, латы и прочая экипировка.

Имя рыцаря из книжки было каким-то сложным, так же, как и у прекрасной принцессы, и они сократили его до начальных букв – Ринк, а Натку стали называть – принцесса Ринка. Но постепенно именно ее стали звать Ринк без всяких приставок и прилагательных, а мальчика, изображавшего героя, называли просто «рыцарь».

По вечерам, когда родители загоняли их домой, мальчишки кричали ей на прощание:

– Пока, Ринк!

Так и прижилось, и даже сейчас, когда прошло миллион лет после детства, мальчишки при встрече называют ее Ринк.

Он говорил довольно долго, требовательным, жестким, начальственным голосом, давая кому-то указания.

Наталья не прислушивалась к разговору, мысленно благодаря господу за то, что он дал ей время отдышаться, выйти из детских воспоминаний и ожиданий, унять свое взрослое сердце. Она обругала себя за то, что расчувствовалась и так реагирует на этого мужчину, и за то, что... испугалась.

«Нервы и гормоны взыграли у девушки», – как говорит один ее коллега.

Быстро запив дурные мысли водой, Наталья подозвала официантку и попросила кофе. С рассольником ей сейчас не справиться – вот никак!

«Бежать, как можно быстрее и дальше!»

Но убежать она не успела.

– Да! Я перезвоню, – довольно жестко закончил разговор однофамилец ее детского рыцаря и спросил по-дружески, участливо: – Что-то вы свой обед не едите... – и предложил: – Еще коньячку?

– А давайте, – махнув на все рукой, согласилась она, отпуская свое настроение вместе с нервами и гормонами на произвол судьбы.

«Рыцарь», он же по совместительству «партизан», в обыденном обращении именуемый Антон Александрович, разлил коньяк по рюмкам.

– Ну что ж, за Москву!

– За нее, красавицу! – поддержала Наталья.

Запив коньяк кофе, она закурила, и в который уж раз за сегодняшний день ее снова отпустило.

Прямо американские горки, а не настроение!

«Что это с ней, – подумал Антон, – услышала мою фамилию – и вдруг стала смотреть так, словно испугалась? С чего бы? Мы незнакомы и никогда не пересекались, что ей моя фамилия? Интересно». Он старательно делал вид, что спит, но не смог усидеть в купе, когда услышал, что она собирается в ресторан. Слез с полки и потащился за ней, хотя совершенно не хотел есть, разве что выпить...

Что-то с ним случилось, когда он столкнулся с ней взглядом.

От воспоминания о том, как она смотрела на него и, не отводя глаз, выпила, до сих пор холодело в груди, как обещание чего-то замечательного, радостного, как в детстве перед елкой, на Новый год.

«Никакая поездная интрижка или курортный романчик с ней невозможны по определению, как говорит Дуб. Совсем другая, не по этим делам... Это сразу видно. И что, что я завелся?! Все это мне сейчас – ну никуда, совершенно не к месту.

Ввязываться во что-то серьезное я не могу, дела-с, знаете ли. Да и хочу ли?

Мне думать надо о деле, а я вот уж полдня – только про эту зеленоглазую... Маюсь и даже прикидываю: с какого боку зайти бы. Блин, не до этого, Ринков, соберись!»

– Антон Александрович, я пойду, – вдруг засобиравшись она, быстро

затушив в пепельнице сигарету. – Есть совсем не хочется, пить тоже. Приятного вам аппетита.

– Спасибо. Но вы же ничего не съели...

– Я еще ужинать приду. Благодарю за компанию!

Она вскочила, покидала в сумку телефон, сигареты, зажигалку, улыбнулась и почти побежала расплачиваться с официанткой. Рассчитавшись, махнула ему рукой от барной стойки на прощание и решительной походкой пошла к выходу.

Антон посмотрел ей в спину и как-то в один момент увидел ее всю – разумом, чувствами, зрением – словно узнал и понял то, что до сих пор не разглядел.

Она была невысокого роста, примерно метр шестьдесят два – шестьдесят четыре, довольно стройная, не худая и не полная, как говорится, в самый раз, с хорошей фигурой, ладненькая такая. Ноги, бедра, талия, грудь – все очень гармонично и красиво. На ней был легкий, свободного спортивного кроя костюмчик, подчеркивающий тонкую талию и обозначающий все остальное только намеком.

Высокая шея, правильной формы ключицы, короткая стрижка, темные волосы. Не красавица, но выразительные глаза, улыбчивые губы, и все вместе – очень живое, запоминающееся, милое лицо.

Он как бы видел ее перед собой и обдумывал все то, что отмечал и запоминал в течение дня по деталям, что не давало покоя и будоражило.

И понял.

С ней что-то случилось сегодня, она все время напряжена: то острит, то убегает, то погружается в себя, то улыбается загадочно. Ему стало совершенно ясно, что она одна, без мужа или бойфренда, строит свою жизнь, скорее всего, помогает маме, а может, и еще кому-то.

Но сама, сама – это точно!

Она сильная натура и наверняка – с какой-то непростой историей в личной жизни. Но и с этим она справилась.

Это тоже ясно.

Все это он понял за одно мгновение, пока смотрел ей вслед. «Ну, допер наконец-то. Аналитик хренов, специалист!» – поворчал он на себя.

Он чувствовал, что со всего разгона ворвался в ее судьбу, понимая, что даже его сверхинтуиция не может подсказать, получится у них что-то или нет. Сейчас он абсолютно четко понял, что не сможет и не захочет бежать от нее. И ее не отпустит.

Всё, ворота закрылись до выяснения обстоятельств. И как он

умудрился так попасть?!

У него, между прочим, дело, и хрен знает, как там все обернется. Вполне может так получиться, что – мама, не горюй! А решать сразу две задачи, и обе сверхсложные – это вам не отдых, это полные кранты...

«Ладно, прорвемся, не впервой. Хотя... так, как с ней, наверное, впервой. А я ее еще и не поцеловал даже, а уже планы строю и прикидываю будущее. Да, полковник, ну, ты даешь!» – удивлялся себе Ринков.

Аккуратно и тихо закрыв за собой дверь купе – не как в прошлый раз, когда разбудил Наталью, Антон сразу посмотрел на нее. Она спала, отвернувшись лицом к стене и укрывшись простыней. Или делала вид, что спит.

Даша с мамой громким шепотом, чтобы не разбудить попутчицу, принялись по обыкновению предлагать ему чай.

Он вежливо отказался, лег на свое место, позволив себе еще немного расслабиться и почувствовать ее присутствие рядом, всего в метре от себя.

«Все, теперь самое время подумать».

Звонок застал его, когда он уже выходил из офиса:

– Антоша, – задушевым голосом пробасил генерал. – Здравствуй, дорогой!

– Здравствуйте, Федор Ильич!

– Я опять не вовремя, отвлекаю? Ты же знаешь, я как смерть или беременность – всегда не вовремя, но неизбежно, – засмеялся генерал.

Федора Ильича, генерала ФСБ, бывшего непосредственного начальника Антона, называли в конторе Дед, хотя он был всего лет на десять старше Ринкова.

Он производил впечатление добродушного, веселого, шумного простачка, такого увальня, довольного жизнью и пытающегося осчастливить всех вокруг, все время цитировал какие-то присказки, побасенки, любил посмеяться.

Внешне Федор Ильич соответствовал этому типу – невысок ростом, плотненький, кругленький, с розовыми щечками, небольшой лысинкой и пухлыми ручками. Но в конторе все знали, что генерал обладает блестящим аналитическим умом, огромной эрудицией, прекрасной памятью и по сути своей весьма далек от тщательно создаваемого имиджа добродушного простачка.

Волевой, хитрый, жесткий, великолепный тактик и стратег, он сам

подбирал себе подчиненных, в число которых хотели попасть очень и очень многие. А уж подобрав команду, стоял за них горой при любых обстоятельствах.

Если возникала необходимость, отстаивал своих ребят на всех уровнях, используя все дозволенные и недозволенные приемы.

Это он помог уйти Антону из конторы без особых потерь.

Ну, почти без потерь, но, прощаясь, вздохнул и печально сказал:

– Антоша, ты же понимаешь: бывших у нас не бывает.

И уже через три месяца позвонил и попросил помочь в одном непростом дельце для родной конторы, а заодно – и Родины.

Антон, конечно же, помог – а куда деваться! – но досадуя и ворча.

Правда, в последнее время, если Дед приглашал просто «обмозговать» или «поучаствовать», отзывался не без удовольствия – по ерунде генерал не дергал, а непростые задачи увлекали своей сложностью. К тому же в бизнесе все устоялось и катилось с минимальными трудностями. Антону же всегда хотелось в жизни чего-то острого, интересного, захватывающего – для ума и способностей.

– Ты заезжай, Антоша, – душевно зазывал Федор Ильич, – пропуск я уже выписал. Посидим, почаевничаем. Или на свидание торопишься?

Дед, как всегда, попал в десятку.

Ринкова ждала Марина, и даже что-то там готовила-накрывала. Он уже третий раз переносил свидание, она обижалась, дулась, но все равно звонила.

Антон испытывал легкое чувство вины за свою постоянную занятость, но и чаще встречаться с нею горячего желания не было. Он позвонил на этот раз сам, и они договорились, что он приедет к ней. Он даже разгреб на сегодня все дела...

И вот теперь надо в очередной раз откладывать свидание, заранее зная ее реакцию – обиды, долгие монологи о его эгоизме и общем мужском свинстве. И все последующие воспитательно-наказующие нравоучения и действия, производимые с точно рассчитанной долей нажима – не дай бог пережать и спугнуть мужика! Но в то же время – непременно подчеркнуть, какая она терпеливая, отходчивая, мудрая...

Все это Антон проходил уже не раз и подыгрывал ей, само собой.

Она была из обеспеченной семьи и ее с детства готовили к удачному замужеству, где она уже побывала, набралась опыта, развелась и теперь виртуозно пользовалась всеми способами воспитания и приручения мужчин.

Сейчас в роли «удачного» числился он, Ринков.

«Послала бы на хрен или сковородкой дала по башке без комментариев, может, и прибежал бы скорее, хотя – вряд ли», – уже привычно раздражался он, в одну секунду вычисляя все ее женские заходцы и манипуляции.

Но когда он подруливал к проходной, дослушивая по мобильному обвинительные речи Марины, ему было абсолютно наплевать на нее.

В нем уже взял верх профессиональный интерес, звенела струнка, он полностью переключился на неизвестную еще интригу, задачу. Всегда было так – сознание, организм настраивались на работу, как рояль перед концертом: еще неизвестно, что будут играть, а он уже звенит.

Чаек, конечно, был, и лимончик, и вазочка с конфетами, бутерброды с бужениной и огурцом, и смородиновое варенье.

– Ну, здравствуй, Антоша. – Дед пожал руку, приобнял, похлопал по плечу и, отодвинув от себя, всмотрелся в его лицо. – Похорошел, округлился, возмужал! Почему не женился до сих пор? Сидели б сейчас у тебя дома, и твоя жена-красавица потчевала бы нас пирогами, а не тут, в казенщине кабинетной...

Он все про всех знал, был в курсе личных проблем своих «ребят», часто помогал – ненавязчиво, а иногда и вовсе анонимно.

На то он и Дед.

– Здравствуйте, Федор Ильич. Дела, дела – не до женитьбы, да и где ее взять-то, красавицу, да чтоб еще и пироги пекла?! – засмеялся Антон.

– А ты не там ищешь. Все небось по ресторанам, да по курортам, а там достойных барышень мало. Ты в метро спустишь, Антоша. Цветник! И все умненькие, работающие и с пирогами справятся, и детишек нарожают.

– Что это вы, Федор Ильич, меня сватать взялись?

– Так гляжу – пропадает хороший мужик, золотой генофонд, можно сказать, нации, и счастья тебе желаю.

Это была традиция: непременно выпить чаю, съесть бутерброды, и еще раз чаю уже с вареньем – под легкий шуточный разговор.

Без этого Дед никогда не приступал к делу. Даже если ты точно знал, что будут голову снимать и что ты наворотил такого!..

Без чая и ругать не начинали.

– Ну, к делу, – наконец сказал Дед.

Они пересели за переговорный стол, и генерал протянул Антону фотографию.

Со снимка смотрел мужчина лет сорока пяти ничем не выдающейся внешности, и только по некоторым еле заметным деталям – темные глаза,

легкая смуглость кожи – можно было угадать в нем выходца с Востока.

– Это Хаким, пакистанец по месту рождения. Родители неизвестны, имя, в общем, тоже. Из тех, которыми пользуется наиболее часто – Хаким, Селим, Мухаммед, Роман, Руслан, – принялся пояснять генерал. – Он – лучший из тех, кто прокладывает трассы для продавцов оружия и наркоты. Только для больших поставок, и такие, которые можно эксплуатировать несколько раз. Рано или поздно мы все их накрываем, и тогда он прокладывает новые. К нему обращаются только с серьезными предложениями. Мелкотой он не занимается, крупные партии – не менее десяти миллионов. Обладает феноменальными способностями: знает десять языков, в том числе – японский и китайский плюс несколько диалектов. Совершенно чисто говорит на английском, американском, русском, немецком, испанском, про арабские я вообще молчу. Ориентируется на любой местности; знает практически в совершенстве карты всех основных стран; внешность, как видишь, совершенно усредненная, может выдавать себя за кого угодно – линзы, парик, краска, грим. Естественно, владеет боевыми искусствами. Его услуги стоят пять процентов от партии вне зависимости, прошла она вся или только ее часть.

У него ни разу не было осечек. Даже если партия шла частями. Пока мы или коллеги из других стран или из Интерпола раскапывали маршрут, большая часть товара уже уходила в точку доставки. Поэтому он так дорого стоит. Конечно, его «ведут» постоянно, но он всегда умудряется уйти. Все основные точки его пребывания и общения известны, ну, это оперативка, потом прочтешь. Он знает большинство агентов – как наших, так и не наших – в лицо: у него феноменальная зрительная память. Обычно, получив контракт, выезжает на место один: смотрит, нюхает, слушает, подбирает путь. В первый раз не камуфлируется, потому что может объездить несколько мест, достаточно удаленных друг от друга, и – поди пойми, какое из них он станет разрабатывать. Но как только он определится, активирует свою команду – это три человека.

Федор Ильич протянул Антону еще несколько фотографий.

– Одна женщина, русская, сейчас ей пятьдесят – великая актриса, жаль, что не на сцене, двое мужчин – «кореец» и «латыш». Профессионалы: выезжают на место и как будто растворяются среди местных! А через две недели маршрут готов. Первую, пробную поездку Хаким делает с представителем заказчика, с малой частью товара, потом все проворачивают другие, и если возникают срывы или накладки – не его проблемы.

Так вот, он уже был в Харькове, в Азове, на Кавказе и в Крыму. Сейчас

он опять едет в Крым. Зачем? Там все на виду – неинтересно. Две основные таможни, всего два пути и они – как на ладони. Все сферы давно поделены, все не просто застолблено – забетонировано. Любой большой транзит – убийство для Крыма, все криминальные группировки передерутся, да и здесь, в Москве, тоже. Это в общих чертах. Съезди, Антоша, посмотри, разузнай, подстрахуй ребят. Его «ведут» все, кому не лень, – и братья-хохлы, и мы, и турки – кто на нем только не висит! Его ни в лоб, ни хитростью не возьмешь. Ничем не возьмешь, тут нужен твой дар. Брать его никто не собирается – боже упаси! Но разобраться, что он там варит, надо. Я тебе и контрактник на Южном берегу подготовил для твоей фирмочки. Хотя на хрена им система охраны такого уровня – убей, не пойму, – пошутил Дед.

– Ну, если и контрактник, так отчего ж не поехать? – подытожил Антон.

– Вот и молодец! Тогда – все сначала и в деталях.

Генерал принес из сейфа увесистую папку с оперативными данными и фотографиями, и они принялись за работу.

Антон пробыл у Деда всю ночь. Добравшись домой в восемь утра, улегся спать – выключил себя ровно на час.

В десять часов, уже полностью собранный, он заехал к генералу за последней информацией.

Мишке позвонил, когда уже двигался по Покровке.

– Дуб, привет!

– Влюбился, женился и пропал без вести! – жизнерадостно приветствовал его друг и соратник.

– Дуб, я был у Деда. У меня через час поезд. Давай подъезжай к Курскому, даю тебе двадцать минут, пробок пока нет. Перезвони, сориентируемся, где состыковаться.

– Еду.

Встретившись, они обсудили текущие дела фирмы: как распределить работу, что заморозить, что по ребятам раскидать...

Покурили. Помолчали.

– Смотри там, не влюбись! – напутствовал его Мишка.

У Натальи под подушкой зазвонил телефон.

Проснувшись, она никак не могла понять, откуда идет сигнал и где она сама? Наконец, сообразив, выудила трубку из-под подушки. Посмотрела, кто звонит. На экране высветился номер сестры.

– Натка, это я. Когда приходит твой поезд?

– Подожди, Ветка, ты меня разбудила, – ворчала спросонок Наталья, – я ничего не соображаю. Сейчас вспомню, когда. А вы что, собрались меня встречать?

– Да это все дети. Соскучились и проехаться хотят, а Димку я маме оставляю!

Димке, младшему сынку сестрицы, любимцу всей семьи, недавно исполнилось полтора года.

Наталья начала спускаться со своей верхней полки.

Даша и Устинья Васильевна спали, «партизан» вроде бы тоже.

Она надела шлепанцы, слушая Ветин рассказ о Димке. И так ей было хорошо и радостно от того, что вот есть Ветка, и дети, и расчудесный, шkodный Димка, и всех их совсем скоро она увидит...

Уже взявшись за ручку двери, она вдруг услышала негромкий голос:

– Мы приезжаем в шестнадцать двадцать по местному времени, а вагон у нас двенадцатый.

– Спасибо, Антон Александрович, – поблагодарила Ната и тихонечко вышла из купе.

– Вета, мы прибываем в шестнадцать двадцать, вагон двенадцатый, – громко оповестила она сестру, закрыв за собой дверь в купе.

– Все, Натка, запомнила, целую. Мы встретим тебя!

«Сколько же я спала? И есть хочется. Это меня от коньяка разморило или от настроения дурацкого? Надо умыться, собраться и пойти поесть».

Приняв решение, Наталья вернулась в купе.

Там царила поездная благодать: Устинья Васильевна и Даша по-прежнему спали, «рыцарь» прятался за книжкой.

«Вот и сиди там, – подумала она. – Нечего девушек смущать».

Наталья взяла умывальные принадлежности, косметичку и быстро вышла из купе. В туалете она протерла лицо лосьоном, увлажнила кремом, совсем немного подкрасилась и, внимательно рассмотрев свое отражение в зеркале, подвела итог: «Да уж, хороша – припухшая, помятая! Зато выпалась... Хватит самокритики, пошли в ресторан».

Очень осторожно, чтобы не нарушить общий отдых, она зашла в купе и сразу посмотрела на Антона Александровича. Он полулежал, подперев голову рукой и опираясь на локоть.

– Наталья Александровна, – тихо подал он голос, – а не сходить ли нам в ресторан, поужинать?

Секунду поколебавшись, Наталья прошептала:

– Ладно, давайте сходим!

Она убрала пакет с умывальными принадлежностями, взяла сумочку и, придвинувшись к двери, вопросительно посмотрела на Ринкова.

Очень ловко, одним экономичным движением он соскочил с полки на пол.

«Значит, все-таки спортсмэн, и не просто спортсмэн – уж больно ловок!» – мысленно не удержалась от восхищенной язвительности Ната.

В полном молчании они дошли до вагона-ресторана. Он галантно открывал перед ней двери вагонов и закрывал их за ними.

Заняли столик, освободившийся прямо перед их приходом. Так и не сказав ни слова друг другу, сделали заказ подошедшей, уже знакомой, давешней официантке.

Антон закурил, а Наталья стала разглядывать публику.

Людей к вечеру набежало довольно много – были заняты все места. Шумных застолий пока не наблюдалось, но все к тому шло. За некоторыми столиками уже слегка опьяневшие компании весело и довольно громко смеялись, и, судя по количеству бутылок, выставленных на столах, веселье шло по нарастающей. За соседним столиком, к которому Ната сидела спиной, трое мужчин и одна дама уже подпевали ресторанному магнитофону: «Комбат, батяня...» Правда, пока не форсировали голоса.

– Ну что, Наталья Александровна, – спросил Антон, – может, по коньячку?

– Нет, пожалуй. Я не очень люблю крепкие напитки, обычно предпочитаю красное сухое, но здесь вряд ли есть хорошее, а плохого не хочется.

– А давеча вы пили коньяк...

– Это была разовая акция.

– Да? Ну, ладно. Вы правы: хорошего вина здесь нет, я посмотрел еще в прошлый раз карту напитков. Зато тут есть неплохое шампанское. Хотите?

– Давайте сначала что-нибудь съедим, а потом определимся.

– Давайте.

Им принесли заказ, и они опять надолго замолчали, занявшись своим ужином.

Он ей нравился. Совершенно определенно. И так тепло, по-настоящему нравился!

Понравился сразу, еще когда она на него налетела в тамбуре.

Ну и что?

«И что в этом такого! – разволновалась она, ругая себя. – К чему это напряжение, дрожь в руках?! Ну, нравится тебе мужик, сильно нравится, и что?! Я совершенно ему не подхожу – он вон какой важный, директор! Хозяин. Джинсы, белая футболка, часы, даже зажигалка – все дорогущее, известные фирмы. Одна его дорожная сумка баксов на тысячу, если не больше, потянет. Не монтируюсь я с ним никак. Таким мужикам полагаются молодые породистые кобылки рядом. А до таких старушек, как я, они никогда не снисходят. Ну и ладно, мне фиолетово! Небось ползет за ужин платить, изображая снисходительность к моим копейкам. Ну а как же – мы крутые и всегда об этом помним, и при любом удобном случае это подчеркиваем. А мне до фонаря!»

Наталья вдруг как-то очень расстроилась от этих мыслей.

Ей всегда было жаль таких мужиков и неловко за них.

Они сделали свой бизнес с нуля, а уж кто-кто, а она знала, как это – с нуля, и чего это стоит! Они встали на ноги, заматерели, пережили все, что только можно пережить в период становления. И вот им уже в районе сорока, а рядом скачут молодые ухватистые барышни, которым все эти богатенькие дядечки сильно-пресильно вдруг запонадобились!..

Она, конечно, понимала, что далеко не все эти девочки – дуры, а многие – очень даже наоборот, но когда видела такие пары, почему-то ей становилось стыдно за мужчин.

Нет, конечно, случались исключения: она сама знала одну такую семью и очень за них радовалась, потому что человек был замечательный и его молодая жена – тоже, и любовь у них была настоящая...

Но это редкое исключение – из тех, которые, как водится, подтверждают правило.

Откровенные попытки доказать себе и окружающим, что ты еще молод посредством длинноногой, висящей на тебе девульки, Нате казались нелепыми.

Ей сразу становилось жалко всех: и этих мужиков – сейчас сытых, довольных, снисходительно-щедрых, которым лет через десять придется вытаскивать себя из разводов и свар, как из помойки. И самих девочек, которые через те же десять лет вдруг поймут, что ничего у них больше нет и надо самой что-то в жизни делать...

«Резать, к чертовой матери! Не будем дожидаться перитонита!» – как говорится в «Покровских воротах».

«Зря отказалась от коньяка», – подумала она.

Оказалось, что за своими мыслями Наталья съела все, что ей

принесли, и не заметила даже. Впрочем, Антон Александрович от нее не отставал, справившись со своим ужином так же быстро.

– Может, все же шампанского? За знакомство, так сказать?

– За знакомство мы с вами уже коньяку изволили откушать, Антон Александрович, – все еще под впечатлением своих раздумий съязвила Наталья. – Впрочем, давайте. Возвращаться не хочется, а шампанское – вполне весомый повод задержаться.

– Абсолютно с вами согласен!

Он подозвал официантку, заказал шампанское, фрукты, шоколад. Ната прибавила к заказу кофе.

– У дамы, которая вам звонила, интересное имя, – начал застольную беседу Ринков.

– Это моя старшая сестра Света, но все зовут ее Вета или Ветка, с детства. Она маленькая себя так называла, ну и привязалось.

– Она живет с вашей мамой?

– Нет, она живет на Урале, с мужем и четырьмя детьми. А у мамы они в гостях, как всегда, каждое лето.

– Четверо детей – это серьезно!

– Да, – Наталья заулыбалась, вспомнив их всех. – Старший Иван, ему девятнадцать, учится в Москве, потом идет Маша, ей пятнадцать, за ней – Александр, ему тринадцать, а самый младший – Димка, ему полтора года. Радость всей семьи.

– Смелая у вас сестра.

– Это точно! А у вас есть дети, Антон Александрович?

– Нет, как-то не сложилось. – Он налил в бокалы шампанское и принялся разламывать шоколадку на кусочки. – А у вас?

– Нет, тоже не сложилось, – быстро ответила Наталья.

Это была запрещенная тема.

Табу.

«Сама виновата, чего ты полезла вдруг об этом спрашивать – вопрос за вопрос, ты же знаешь», – поругала себя она и, поспешно схватив бокал, предложила:

– Ну что ж, выпьем?

– Всенепременно!

Они чокнулись, не произнося никаких тостов, и отпили немного шампанского.

– Антон Александрович, зовите меня Наталья, – предложила она и пояснила: – По имени-отчеству получается слишком официально. Только не Наташа – на это имя я не отзываюсь.

– С удовольствием. Но и вы тогда зовите меня по имени.
– Я попробую, хотя это сложно. Вы весь такой, – она покрутила рукой, подбирая слово, – монументальный, что ли, важный. Руководитель.
– Да бросьте вы! Это я с подчиненными монументальный и важный. Так что предлагаю выпить за простоту в общении, вместо брудершафта.
Они выпили по паре символических глотков и закусили шоколадкой. Ната закурила сигарету, в который раз мысленно уговаривая себя расслабиться.

Черт знает что.

С того момента, как они столкнулись в дверях, он постоянно держал ее в напряжении.

Наталья никогда не чувствовала себя неловко в обществе любых мужчин. Она не умела флиртовать, кокетничать, строить планы, заигрывать.

Веселая, открытая, с прекрасным чувством юмора, она была заводилой в любой компании. Острая и язвительная, она никогда не испытывала необходимости во всех этих женских ухищрениях и преспокойно обходилась без них всю жизнь.

Влюблялась, конечно, и даже, как ей казалось, любила, но как-то никогда не ставила перед собой задачи завоевать мужчину: срастется, значит, срастется, а нет – так «сам дурак».

И срасталось, и ухажеров было много, и романы закручивались, и замужество...

Хотя замужество – это отдельная тема.

Но этот мужчина, который сидел напротив нее, чистил апельсин и красиво выкладывал дольки на тарелку, заставлял Наталью постоянно нервничать, беспокоиться о том, как она выглядит, и переживать о морщинах, слегка кривых передних зубах, ненакрашенных ресницах, помятом после сна костюме – все это были мысли, которые она терпеть не могла!

Неожиданно к их столику подошла крупная дама лет пятидесяти пяти.

У нее был очень внушительный бюст, поверх которого лежали стиснутые в замок полные ладошки с тремя перстнями на пальцах. Весь ее вид излучал некое возвышенное состояние чувств, даже высокая взбитая прическа подрагивала.

– Антон Александрович! – заговорила дама, восторженно придыхая. – Я хотела еще раз поблагодарить вас за то, что вы мне место уступили. Это так благородно, так по-мужски! Это такая редкость в наше время!

– Ну что вы, что вы, – отнекивался Антон, слегка привстав и делая приглашающий присесть жест.

– Нет, нет, благодарю вас, мы вон там, компанией. – Она указала на столик, за которым сидели двое мужчин, лет по шестьдесят: один из них был толстый и совершенно лысый, другой – худощавый и лысый наполовину.

Они наблюдали за дамой и отсалютовали Антону, подняв бокалы.

– Отдыхайте, отдыхайте! Вы ведь очень занятой человек и наверняка только в поезде и можете позволить себе расслабиться, – сказала «мадам» и окатила Наталью осуждающим взглядом, выразив в нем все свои мысли в ее адрес.

Наталья схватила бокал и отпила, чтобы не расхохотаться в голос, поставив Антона Александровича в неловкое положение.

«Мадам» продолжала восторженно-хвалебные речи, Антон стоически терпел, а Наталья тем временем принялась рассматривать незваную гостью. Что-то в ее облике смущало Наталью, настораживало, не стыковалось, что ли.

Какие-то едва уловимые нюансы...

Наконец, «расшаркавшись», дама бросила последний неприязненный взгляд на Наталью и ушла к своим кавалерам, а Ринков сел на прежнее место и запил ее приторные дифирамбы шампанским.

– Теперь понятно, почему вы ей свое место уступили, – дала оценку ситуации Наталья, так почему-то и не сумев перейти с ним на «ты».

– Да, это вы верно заметили. Она нас там, в купе, просто затарахтела, и мы трусливо бежали со вторым претендентом на место. Кстати, он с ней за одним столиком сидит – тот, который похудее.

Наталья посмотрела на даму, которая уже вернулась за свой столик, и почему-то вдруг вслух поделилась своими сомнениями:

– Что-то в ней не то.

– Что же? – с внезапным жгучим интересом спросил Ринков.

– Знаете, я очень часто езжу в поездах: до того как обосновалась в Москве, целый год туда-сюда каталась, иногда по несколько раз в месяц. Да и сейчас – раз в полгода, а то и чаще: мама ведь там одна, сами понимаете. Я насмотрелась на очень многих разных людей. Многих, даже слишком, волей-неволей психологом станешь. Этот типаж женщин пропал с просторов родины лет пять назад, вернее, он остался, но слегка... как бы это объяснить? Трансформировался, что ли.

Антон даже дыханье затаил, и Ната это заметила. Она призадумалась и продолжила, поглядывая в сторону дамы:

– Как-то всего в ней слишком: слишком много яркой косметики, крем-пудры на лице и на шее. То, что на шее, – явный перебор, такие дамы эти места никогда не закрашивают. Бюст какой-то железобетонный, а при таких размерах он должен слегка колыхаться обязательно. Платье какое-то слишком уж простенькое, что странно – если есть деньги на дорогую косметику, то уж платье поближе к моде женщина подберет обязательно. Туфли очень дорогие, и это особенно странно при, в общем-то, колхозном виде. И духи! Очень дорогие, тонкие. А еще – такая дама ни за что не поедет в СВ. Подругам она, конечно, может наврать, что ехала в спальном с «о-очень интересным мужчиной» и он к ней приставал. Но на деле таким интереснее в купе – событий больше, людей, с их историями, кстати, тех же мужчин. Ой, извините, что-то меня в психологию потянуло, – спохватилась Наталья, сразу стушевавшись.

«Ай да умница девочка! Супер!»

Ринков такого от нее не ожидал. Нет, что она умная – он понял еще в тот момент, когда она на него налетела и с ходу про партизан толкнула, но чтоб так остро и точно, в самую «десятку» раскрыть маскировку...

«Как бы тебя заполнить? Всю и сразу?»

Он, конечно, понимал, что суета с билетами – неспроста.

Почему? А по многим причинам.

Вычислить его лично не могли. Билет он брал сам прямо перед отъездом, не такой уж и сезон, народу еще мало, по крайней мере, в СВ билеты были. Значит, «спектакль» предназначался явно не для него.

Он уже прикидывал, куда это вставить, и пока отложил на время решение – знал, что по мере развития событий все само впишется на нужное место.

С этим-то ладно.

А вот что делать с Натальей?

Она как-то сразу угасла после своего монолога в духе Шерлока Холмса, и он перевел разговор в более нейтральное русло: последние новости в Москве, кто где живет, какой район лучше...

Под ненавязчивую беседу они неторопливо попивали шампанское.

Когда им принесли счет, Антон потянул было к себе оба листочка, но Наталья очень жестко сказала:

– Нет, благодарю, я сама! – И, вытащив из его руки свою бумажку, полезла за кошельком.

– Ну, хотя бы за шампанское ты... вы позволите заплатить мне? Инициатива-то была моя.

– Ладно, – согласилась она, – платите.

«Хорошая девочка!» – усмехнулся про себя Антон.

Они вернулись в купе и в очередной раз оказались от предложенного попутчицами чая.

«Что у них там скважина, что ли, литрами чай пьют?» – раздражился Антон.

Устинья Васильевна и Даша ему мешали, ну, не то чтобы очень и прямо вот мешали, но ему было бы проще, если б они находились с Натальей вдвоем.

Все засуетились, принялись готовиться ко сну – умывание, очередь в туалет и прочее, а затем разместились на полках, взяв книжки в руки...

Их разбудили на таможне – проверили документы, пожелали доброго пути.

Пассажиры попытались снова быстро окунуться в прерванный сон. Устинье Васильевне это удалось – вскоре она громко засопела. Даша все возилась, переворачивалась, устраиваясь поудобней, но скоро и она затихла.

А Наталья измаялась – сон совершенно пропал.

Она прокручивала в памяти эпизод с проверкой документов.

Как всегда, она трудно просыпалась, ей нужно было время, чтоб прийти в себя окончательно и сообразить, что происходит вокруг. Поэтому, еще сонная, она стала наугад рыться в сумке, доставая паспорт.

На ночь она переоделась в футболку, и сползшая простыня открыла ее ногу, всю – от полоски трусов до пальцев на ноге. Повернувшись, она вдруг увидела, как на нее смотрит Антон, вернее, не на нее, а на эту самую ногу – очень мужским, даже не оценивающим, а как будто констатирующим взглядом.

Нату бросило в жар.

Внутри все мгновенно вспыхнуло!

Быстро спрятав «красоту» под предательскую простыню, она протянула паспорт таможеннику. Почему-то его не менее заинтересованный взгляд был ей совершенно безразличен.

«Вот же черт, черт!»

В купе было темно. Стараясь не шуметь, она лежа натянула на себя брючки, на ощупь нашла сигареты и зажигалку. И потихоньку принялась спускаться со своей полки.

В вагоне стояла умиротворенная тишина. Народ, привыкший к

таможенным проверкам, засыпал быстро.

В курилке тоже никого не было, что в который раз порадовало ее.

Ната подняла руку с зажатой между пальцами сигаретой и другую – с зажигалкой, собираясь прикурить, да так и замерла, окунувшись в свои мысли.

«Наточка, солнышко, ну что же ты, ну что же ты так, вдруг! А?» – уговаривала она себя.

И так ей стало вдруг себя жалко!

«И зачем тебе все это? Ну зачем, да еще так сразу! Ты же не для него. Максимум, что он может предложить, – это легкий курортный романчик, минимум – одноразовый секс. Не то что я против курортного романа, но только не с ним. Я потом вылезать из этого буду неизвестно сколько. Вон, из-за какого-то козла больше трех лет мучаюсь. А тот-то с этим спортсменом даже рядом не шуршал!»

Так, с поднятыми руками, ее и застал Антон.

Он захлопнул дверь, подошел к ней, сгреб ее всю в охапку вместе с незакуренной сигаретой, зажигалкой и пугающими мыслями.

И поцеловал.

Он целовал ее долго, оторвав от пола, прижимая к себе сильными большими руками...

Уронив все лишнее и неуместное сейчас из рук, она обняла его за плечи и прижалась как можно ближе, будто прорастая в него...

Она даже подвывала тихонько от силы переживаемых ощущений, утопивших ее с головой.

Оторвавшись наконец, Ринков заглянул ей в глаза.

Совсем близко.

«С ума сойти!» – с восторгом подумал он и поцеловал ее снова.

Дышать стало совсем нечем, и они «вынырнули» из поцелуя.

Ослабив объятия, он дал ей возможность съехать по нему и встать на ноги.

Она смотрела на него совершенно обезумевшим, отсутствующим взглядом. И глаза у нее в этот момент были совсем не зеленые, а золотисто-карие.

– Что это с нами? – хриплым шепотом спросила Наталья.

– Не знаю, – ответил Ринков.

И, не удержавшись, поцеловал ее еще раз. Легко, уже не так отчаянно, боясь не удержаться на том миллиметре сознания, который еще оставался до потери контроля...

И отступил – подальше от соблазна.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, как будто были не здесь, а где-то там, где чувствовали себя вместе, одним целым.

А потом в один момент они вернулись в реальность, как будто пришли в сознание от глубокого обморока.

И вместе с сознанием вернулась и вся остальная реальность.

Ринков видел, чувствовал, что нравится ей, и видел, как она постоянно себя внутренне одергивает, не разрешая себе увлечься.

Он даже предположить не мог, что у нее в голове и что она напридумывала о нем такого, что все время как будто убегает. И даже не пытался предполагать – бесполезно! К женщинам мужская логика неприменима. А додумывать – что к чему – он не будет, он все у нее выпросит и как-нибудь с этим разберется...

Антон поднял с пола зажигалку, достал свои сигареты и, прикурив сразу две, одну протянул Наталье.

– Ты что-то притихла, – после такого поцелуя на «вы» никак не получалось.

Она открыла рот, собираясь что-то сказать, объяснить... и закрыла, так и не произнеся ни слова.

– Ясно, – усмехнулся он, тихо радуясь за нее и за себя.

Наталья курила, отвернувшись от него, смотрела в темное окно, что-то думала, и это его настораживало. Она затушила сигарету и сказала:

– Прости, я... я спать пойду...

Антон притянул ее к себе, обнял, уткнувшись подбородком в ее макушку.

– Ты только ничего не придумывай – плохого, я имею в виду, не придумывай. Все будет хорошо.

Они еще постояли, обнявшись и слегка раскачиваясь в такт поезду и этому своему краткому единению.

Потом он взял ее за руки, отодвинул от себя, всмотрелся, легко поцеловал в губы и развернул к двери.

– Ну иди, спи. – Хотел хлопнуть по попке и даже протянул руку, но в последний момент передумал, поднял руку и погладил по голове.

Наталья вышла из тамбура, а он снова закурил и, как она только что, невидяще посмотрел в окно.

«Сорок четыре года, куча женщин, прошедших через мою постель, и одна неудачная женитьба, а что можно так очуметь от поцелуя, даже не предполагал. Все, Ринков, ты попал, причем конкретно!

Если мы так целуемся, что будет в постели?!»

Он быстро запретил себе об этом думать: с воображением у него было все в полном порядке, а он и так еще не остыл.

Утром Наталья долго лежала, не открывая глаз, притворяясь спящей и прислушиваясь к тому, что происходит в купе.

Она вся была настроена на Антона, чувствовала каждое его движение.

Устинья Васильевна с Дашей опять накрывали стол к чаю.

«Как в них столько жидкости помещается?» – усмехнулась про себя Наталья.

Стараясь не потревожить ее сон, все трое шептались. Антон на сей раз принял приглашение попутчиц отведать угощения, правда, от чая отказался и сделал себе кофе.

– Может, разбудить Наталью? – предложила Устинья Васильевна. – Время уже много, и чай бы с нами попила...

– Пусть спит, эти таможни ночью ей, наверное, весь сон перебили, – ответил Антон.

«Это ты мне весь сон перебил, а не таможни!» – подумала Ната.

И глубокий сон не стер ощущение его поцелуя, она, кажется, так и спала в этом поцелуе, и проснулась, и вот теперь лежала и прислушивалась к себе...

Как будто стала новой, другой.

Он ее ошеломил. С ней никогда в жизни не было такого!

Были, конечно, страсти, любви, поцелуи – все было.

Но чтобы так...

Как будто в омут головой, чувствуя себя всю и его всего каждой клеточкой тела... и ни одной мысли, только абсолютная зависимость и свобода одновременно.

Это ни объяснить, ни описать невозможно!

Наталья не помнила: сколько это длилось, как произошло. В себя она пришла, уже когда курила и глядела в окно...

Он ее обнял и велел ничего не придумывать.

Какое там «придумывать»!

У нее вообще мыслей не было.

Никаких! Вот так.

Вставать все равно придется, а еще – разговаривать с Антоном. Как?!

Между прочим, Даша с мамой выходят в Джанкое и целых два часа – два! – до Симферополя они будут в купе одни...

И где отсиживаться эти два часа?!

«Ната, ты идиотка! Ну, поезд, дорога, ну, выпили немного, поцеловались – бывает.

Да не бывает!

И не было со мной такого никогда. Ну, что скулить? Ему вообще, наверное, все равно, он-то голову не терял небось... Все! Он сказал тебе «не придумывай» – вот и не придумывай!»

Помолившись про себя, Ната села.

– Доброе утро, Наталья! – поприветствовала ее Устинья Васильевна. – Спускайтесь, как раз к чаю. Сейчас-то не откажетесь?

– Спасибо! Компанию с удовольствием составлю, а пить буду кофе. Только умоюсь сначала.

Антон сидел у окна, напротив, рассматривал ее и улыбался.

А ей бы не мешало переодеться. Он понял, тактично поднялся и вышел.

Наталья встала, оделась, взяла все необходимое для умывания.

– Я быстро, – пообещала она попутчицам и вышла.

Ринков стоял возле купе и ждал ее.

Наклонился и поцеловал в губы легким утренним поцелуем.

– Доброе утро!

Наталья переполошилась, смутилась, завертела головой по сторонам – нет ли кого в коридоре, собралась что-то сказать, но Антон ее опередил и поцеловал еще раз.

– Иди, умывайся, – развернул он ее и слегка подтолкнул.

Так ничего и не сказав, она послушно пошла.

Потом Наталья пила кофе, чувствуя, как все внутри разжимается от горячего напитка, звонкого голоса Устиньи Васильевны и даже запаха сирени.

Поезд замедлял ход, подъезжая к очередной станции.

– Пойду на улицу выйду, – сказала Наталья и стала выбираться из-за стола.

– Пожалуй, я тоже, – поддержал ее Антон.

Она вышла из вагона первой.

По перрону бегали люди, пытаются продать пассажирам какие-то продукты – фрукты, пиво и много еще чего. Наталья отошла в сторону, подальше от коробейников, навязчиво предлагавших что-нибудь купить.

Закурила. Из вагона вышел Антон и направился к ней.

Она выскочила из купе, не дожидаясь его, чтобы не опираться на его руку, спускаясь с лестницы, которую он, конечно же, подал бы.

Пройдя через толпу, Антон подошел к ней.

– Может, перестанешь наконец от меня все время убегать? – с иронией поинтересовался он и, наклонившись к ней поближе, признался: – Я не бью маленьких девочек, впрочем, больших тоже не бью.

– А вдруг ты кусаешься или вообще – маньяк?

– А что, похож?

– Да бог вас, маньяков, знает. Вы все такие зага-а-дочные и под нормальных людей маскируетесь.

– Вот так гораздо лучше! – похвалил Ринков. – А то такое впечатление, что за ночь царевна превратилась в трусливую мышку.

– В лягушку, по сюжету сказки была лягушка...

– Не искушай меня, девочка, я знаю правила превращения лягушки в царевну!

– Все, все, простите, дядечка, больше не буду! – дурным голосом заныла Наталья.

Они оба рассмеялись, снимая напряжение.

Она и сама не понимала, почему бежит от него.

Трусихой она никогда не была.

Но ни один мужчина в ее жизни не затрагивал ее и не волновал так, как Антон Ринков – так глубоко и так неожиданно сильно.

И это напугало ее.

Когда они вернулись в вагон, Антон предложил Наталье пойти в ресторан, надеясь, что она откажется.

Ему было трудно находиться рядом – и не дотрагиваться до нее, не смотреть и не загадывать, как у них может все быть...

Он постоянно помнил, что через два часа они останутся вдвоем в купе, и нервничал, как подросток, посмеиваясь над собой. А в ресторан ему вообще-то надо – посмотреть, как изменилась ситуация, и изменилась ли, если там будут те, кто его интересуется.

Наталья отказалась от его предложения.

Вернувшись в купе, она сразу же забралась на свою полку. Взяла книжку и, мысленно прикрикнув на себя, попыталась читать. А потом и не заметила, как заснула.

Вот как напереживалась!

Она проснулась, когда Даша закидывала на третью полку свернутые матрасы.

– Мы уже подъезжаем, вот и убираем постели, – пояснила свои

действия девушка.

Они с Устиньей Васильевной суетились, проверяли – не забыли ли чего, пересчитывали сумки.

Поезд притормаживал.

– Ну все, Наталья, до свиданья, счастливо вам доехать. Пусть у вас все будет хорошо. Вы очень красивая пара! – уверенно сказала Устинья Васильевна.

Наталья от удивления даже рот открыла.

– Что вы так смотрите? У меня глаз острый: я всегда вижу – у кого сложится, а у кого нет. Бабка моя ясновидящей была, и мне кое-что от нее в этом смысле перепало, – усмехнулась ее растерянному виду женщина и уверила: – Вы с Антоном Александровичем очень друг другу подходите, я сразу почувствовала: у вас все получится! Спускайтесь, я вас перекрещу и поцелую – на прощание и на удачу.

Совершенно обалдев от такого напутствия, Наталья спустилась вниз, подставила щеку для поцелуя и дала себя перекрестить.

Устинья Васильевна подхватила сумки, кивнула ободряюще и вышла. Даша, пропустив ее вперед, остановилась в дверях:

– До свидания, Наталья Александровна. Вы маме верьте, она еще ни разу не ошибалась. Счастливого пути!

«Вот это да! Казалось бы: совсем простецкая тетка, а смотри-ка, все углядела!» – удивилась Наталья.

Она под села к окну и смотрела, как встречаются родственники Дашу с мамой. Они обнимались, целовались, что-то весело говорили все одновременно, хохотали. И было понятно, что прибывшим очень рады, что их давно ждут и любят...

Наталья так за них порадовалась, что на глаза набежали слезы.

Поезд тронулся, постепенно набирая ход.

В купе стояла непривычная тишина: никто не шуршал обертками, не звенел ложечкой в стакане, не предлагал чаю с вкусоностями.

Наталья думала, что вот через два часа ее тоже будут встречать и будут объятия, поцелуи, громкие разговоры и радость встречи. Перебивая друг друга, дети примутся рассказывать самые последние важные новости...

И так хорошо, так радостно, что они есть на свете, ее близкие люди, что она с ними скоро снова будет вместе, а впереди целый отпуск!

Открылась дверь, и вошел Антон.

В руках у него была бутылка крымского красного вина, фрукты и

шоколад.

– Сухого не было, я взял крепленое, надеюсь, тебе понравится. Правда, за качество не отвечаю, ибо купил его на платформе. Бог их знает, что они там продают!

Перекинув все покупки в одну руку, он закрыл дверь и защелкнул замок.

Подошел к столу, поставил бутылку, положил все покупки.

Выдернул Наталью из-за стола, прижал к себе и заглянул, очень близко, ей в глаза...

Какое-то мгновение они смотрели не отрываясь друг на друга, а когда уже невозможно, совсем невозможно оказалось ждать – поцеловались.

Это было так ярко, так сильно, с каким-то пронзительным ощущением вселенского узнавания. Как будто они всю жизнь знали, что у них только так и может быть, и удивлялись: как это они не догадались раньше!

И где до сих пор были?..

И вот наконец-то, ну наконец-то, все правильно!

И страшно хочется еще, еще побыть там, где только они двое, а может, и остаться там навсегда!

Антон, не прерывая поцелуя, сел и усадил к себе на колени Наталью, отстранив ее от себя, заглянул в глаза, поцеловал в распухшие губы, а потом прижал к своему плечу ее голову.

Сердца громко бухали, как будто стучались в грудь друг к другу и просили, умоляли впустить...

– Нам надо остановиться, – ему с трудом удавалось говорить.

– Зачем? – спросила она.

– Потому что еще чуть-чуть – и я возьму тебя прямо здесь!

Она помолчала и предположила:

– Здесь, наверное, неудобно.

Он не ответил.

Отодвинул ее от себя, всмотрелся в ее лицо, поцеловал в щеки и совсем легко – в губы.

Поднял ее со своих колен и поставил. Ната держалась за его плечи – ноги у нее слегка дрожали и слушаться пока отказывались.

Ринков поправил чашечку ее лифчика, в горячке объятий сдвинутого вниз, застегнул «молнию» на ее рубашке, тоже неизвестно как и когда расстегнутую, взял нежно руками за голову, поцеловал коротко, приподнял за талию, посадил на полку напротив и почти торжественно пообещал:

– Когда мы будем в первый раз заниматься любовью, мы будем делать это в кровати, в большой кровати. Всю ночь. А если повезет и не отвлекут

дела – то и день.

Она молчала, смотрела на него.

– Давай попробуем вино и фрукты, – предложил Антон преувеличенно бодро.

Он встал, достал из своей сумки какой-то замысловатый нож и занялся открыванием бутылки.

Наталья все так же молча наблюдала за его действиями.

Ринков разлил вино, развернул пакеты с фруктами и протянул ей стакан.

Она взяла, подвинулась за стол, ближе к окну.

Они держали стаканы и смотрели друг на друга несколько мгновений, а потом чокнулись и выпили.

Вино оказалось терпким, сладким, настоящим крымским, замечательным.

– Может, ничего еще и не будет, – наконец подала голос она.

– Наталья, ну ты же умная, что ты всякую ерунду городишь? Конечно, будет! Еще как будет! – безапелляционно заявил он.

– Антон, вот мы сейчас приедем: меня встречают, тебя встречают. Тебя встречают?

Он кивнул утвердительно головой.

– Ну вот, каждый сядет в свою машину, и мы разъедемся. У тебя бизнес, у меня родственники...

– Ну и что? По-твоему, это повод, чтобы не встретиться больше? Кстати, скажи мне свой номер телефона. – Он достал сотовый, занес в память номер, который она продиктовала, и нажал кнопку вызова. Через какое-то время у Наты зазвонил телефон. Она, не очень соображая, что делает, подхватила, достала сотовый и ответила.

– Вообще-то это я звоню, – сказал Антон, нажав на отбой.

– Зачем?

– Затем, что ты так боишься меня, что запросто могла дать другой номер. А теперь скажи мне точный адрес и номер телефона твоей мамы. И запиши мой!

Она продиктовала адрес и телефон, записала его номер, убрала мобильник в сумочку и залпом допила вино в стакане.

– Ух ты! – восхитился Антон. Он налил ей еще вина и стал разламывать на кусочки шоколадку.

– Ты любишь сладкое? – спросила Ната.

– Не очень. Это для тебя.

– Я не люблю сладкое. Я люблю мясо и рыбу, а торты, мороженое,

шоколад – это не мое. Бывает, захочется, но крайне редко.

– Девушка, вы полны сюрпризов, я еще не встречал женщин, которые не любят сладкое, – усмехнулся Ринков.

– Ну вот, теперь встретил, – сказала она.

Антон пересел к ней на полку, притянул ее к себе, стал нежно целовать ее лицо: веки, нос, скулы, щеки...

А потом прижал ее голову к своей груди и обнял.

– Я не знаю, чего ты так боишься, хотя догадываюсь, конечно. Ты не бойся так, Ната!

Они посидели, обнявшись, слегка покачиваясь. Антон еще раз нежно поцеловал ее и пересел на прежнее место.

От греха подальше.

– Завтра, может, послезавтра – как дела сложатся – я позвоню, и мы встретимся. И прошу тебя еще раз: не придумывай себе страшилок и всякую ерунду, не думай про то, что «так не бывает», и телефон не отключай. Ладно?

– Ладно. А что у тебя за дела такие, в Крыму? – постаралась переключиться на другую тему Наталья.

– Так, бизнес, ничего особенного, контракт на установку охранных систем. В Крыму такого уровня систем нет, вот мы и будем ставить.

– Неубедительно, – засомневалась Ната. – Здесь же президентская резиденция, президент обожает в ней отдыхать. Да и олигархи местные от него не отстают. Уж у них-то системы любые есть, уверена.

Антон в который раз поразился ее пронизательности. Он так ее хотел, что постоянно забывал, какая она умненькая. Впрочем, если б она не была такая умненькая, вряд ли бы он ее так хотел. Нет, хотел бы, но не так сильно. И по-другому...

Черт! Совсем запутался!

– Ну, у президента есть, а для частных лиц – либо в Киеве, либо в Москве. Наш клиент – частное лицо, сам из Москвы, ему так удобней.

Они еще поговорили о работе – и его, и ее – потягивая вино и все время пересиливая себя, чтобы не кинуться целоваться, обниматься, трогать друг друга...

Оказалось, что совсем скоро поезд прибудет в Симферополь, и они заспешили собираться, складывать вещи, по очереди, деликатно выходили из купе, давая возможность друг другу спокойно переодеться.

И вот уже поезд подъезжает к вокзалу Симферополя, все собрано, и они готовы выходить.

Неожиданно, не сговариваясь, они вдруг снова кинулись в объятия.

Вцепились друг в друга совершенно безумно, как будто прощались навсегда!

Наконец Антон нашел в себе силы оторваться от нее, отстранился, потом опять прижал к себе, потерся подбородком о макушку.

– Ну, все, все, Наточка! Все будет хорошо! – И отодвинул ее окончательно, придерживая рукой. – Я приеду к тебе. Не вздумай выключить телефон. Он у тебя оплачен?

– Конечно, оплачен. Не отключу. Вон, меня встречают. – Она показала в окно на перрон, где стояла Вета с детьми, высматривая ее на выходе.

– Пошли, – Антон подхватил ее и свои сумки.

На улице царила жара.

Как только Наталья вышла из вагона, на ней повисли Сашка с Машкой, а через их головы Вета тоже пыталась дотянуться до нее и поцеловать.

Все говорили одновременно, смеялись дети, что-то рассказывали: как доехали, где стоит машина, как чуть не опоздали из-за Димки, который спрятался и его все искали, пока не нашли в шкафу, и ведь умудрился же дверцу закрыть изнутри! Как все хохотали, потом спохватились, и пришлось быстро ехать, чтобы успеть к поезду.

И они чуть не опоздали.

«Слава богу! – подумала Наталья. – А то бы наблюдали «прощание славянки», от Ветки бы ни за что не отвертелась, пришлось бы рассказывать... А что рассказывать?»

Заряжаясь шумным восторгом родных, обнимаясь и целуясь, хохоча вместе с ними, она не выпускала из поля зрения Антона, все еще чувствуя на губах вкус их обжигающего прощального поцелуя...

Его встречал толстенький бодрячок, одетый в легкий летний костюм. Он суетился, забрал у Антона вещи, пухлой ручкой махнул в сторону выхода, пошел вперед и остановился, когда Антон ему что-то сказал.

И Наталья с замиранием сердца увидела, что он идет к ним.

Она вдруг перепугалась ужасно: что он скажет, как поведет себя и что ей говорить, как себя держать?

– Здравствуйте, – солидно и спокойно поздоровался он и представился: – Я – Антон Александрович, попутчик Натальи Александровны. Мы с ней очень подружились. А вы, как я понял, ее сестра, Светлана Александровна, а это – Александр и Мария. Она о вас рассказывала.

– Надеюсь, не выдала наши семейные тайны, мама ей этого не простит! – улыбнулась ему Ветка, и глаза у нее аж загорелись от

любопытства.

– Нет, об этом она умолчала, пока, – легко улыбнулся он. – Я надеюсь, мы все еще увидимся. До свидания. Счастливо доехать, – попрощался он со всеми.

– До свидания, Антон Александрович, вам тоже счастливо, – ответила Наталья.

Ну все, теперь ее Ветка живой не отпустит!

«Спасибо, Антоша!»

Он слегка наклонил голову, прощаясь, и пошел вперед.

– Что за мужчина? – через «з», с явной подковыркой спросила Вета и восхитилась: – А походочка у него – отпад!

Он действительно очень красиво двигался. При таком мощном теле его походка была на удивление легкой, стремительной.

– Отстань, Ветка, тебе же сказано – попутчик, – проворчала Наталья и потребовала: – Поехали, я есть хочу, к маме хочу, и Димка ждет!

– Да, да. Дети! – тут же принялась деловито руководить Ветка. – Взяли сумочки и понесли!

Сколько себя помнила Ната, Вета всегда обожала цитировать фразы из фильмов, присказки, известные анекдоты и афоризмы.

Это от нее Наталья переняла любовь к цитатам, когда она еще была совсем маленькая. Ветка что-нибудь изрекала, а потом, чтобы объяснить сестре – что и откуда она цитирует, рассказывала весь фильм. Став постарше, Натка очень внимательно запоминала интересные высказывания из кино – ей хотелось перецеголять старшенькую сестрицу.

Но – увы!

Перецеголять не удалось. Вета обладала великолепной памятью.

А вот привычка вставлять любимые фразы из фильмов у Натальи осталась.

Они сидели вчетвером в кафе на набережной, естественно, с Машей и Сашей – куда ж без них-то – хотя время приближалось к девяти вечера.

«Мы – другое поколение, – пояснила Маша их с братом требования, – и будем везде и всюду ходить с вами, нам с вами интереснее, мы же не станем употреблять спиртные напитки!»

Никто и не спорил.

Вета была мудрой матерью и глупостями типа «у детей режим» голову ни себе, ни им не забивала на отдыхе. Когда учеба – они его и сами соблюдают, так как загружены, помимо школы, выше крыши – кружками и

секциями. Ну, а отдых есть отдых!

Ребята-то замечательные: умные, веселые, юморные, легкие.

Ужасы подросткового периода – сплунуть три раза, чтоб не сглазить, – обошли их семью стороной, что со старшим Иваном, что с младшими. Им было хорошо всем вместе. Когда собирались большой семьей, без конца хохотали, хохмили, разыгрывали друг друга. Заводилами были Ната и Вета, а вся семья за ними подтягивалась.

Вот и сейчас они сидели за столиком вчетвером и ели какие-то сложные десерты из мороженого, а Вета с Натой потягивали легкое сухое вино.

Машка изображала в лицах диалог со своим одноклассником, тайно в нее влюбленным, Сашка добавлял комментарии, а сестры хохотали до слез...

Конечно, Вета с мамой у нее все выпытали. Ну естественно!

В первый же вечер.

Уже когда закончилось застолье, поутихла бурная радость первой встречи, были рассказаны все главные новости, ушли родственники и была перемыта посуда.

От Натальи наконец оторвали Димку, который тетку обожал и весь вечер висел на ней – орал баском, если его пытались у нее забрать, – и уложили его спать.

Дети убежали во двор, в свою компанию – догуливать.

А Наталья с Ветой уселись на кухне, пили чай и рассказывали все, что могли доверить только друг другу.

– Так что это был за мужик, у поезда, я что-то не поняла? – начала Вета.

«А я надеялась, пронесет!» – безнадежно вздохнула Ната.

Она начала что-то лепетать о попутчике, неразберихе с билетами в СВ...

Но у Веты была хватка – будь здоров! И с умом у нее все обстояло хорошо.

И Наталья сдалась.

Где-то в середине рассказа на кухню подтянулась мама, которая по обыкновению все слышала у себя в комнате, но пришла поддержать разговор и оказать посильную моральную поддержку младшенькой.

Их мама – уникальная личность: бесконечно добрая и невероятно мудрая.

У нее была такая тяжелая и страшная жизнь, что хватило бы не на один роман. Но, несмотря на все трудности, она всю жизнь оставалась веселой и жизнерадостной. Вокруг нее всегда были люди, к ней тянулись как к солнышку!

Когда Наталья ушла от мужа и примчалась к маме, та, конечно, вытерла ей сопли и слезы, пожалела, приголубила, а потом сказала:

– Наточка, это счастье, что ты от него ушла. Он не плохой – он просто не твой. С твоим чувством долга и ответственности ты бы горбилась на него всю жизнь. Вот ты сейчас себя во всем обвиняешь: что терпела так долго, что ушла, но это пройдет, не скоро, но пройдет. Это не самое страшное, что было в твоей жизни. Ты возвращайся в Москву, разозлись хорошенько на себя, перестань себя жалеть и сделай что-нибудь новое, найди новую работу, новое дело. Я не выгоняю тебя. Но рядом со мной ты будешь себя жалеть, плакать, а там ты окажешься одна, поставленная обстоятельствами, и начнешь быстрее действовать. Ты, когда маленькая была, дралась, только если тебя припирали к стенке, но тогда уж доставалось всем без разбора – больше они тебя, старше или сильнее, неважно. Знай, что у тебя всегда есть мы – я и Вета. Но ты должна сама вылезти из своей беды. А мы поддержим.

Конечно, они ее поддерживали, переживали за нее, готовы были помочь в любую минуту. Но они были далеко, а она была одна в Москве.

Тогда, делая ремонт в квартире, Наталья прокручивала всю свою жизнь в голове.

Она понимала, что развод так выбил ее из седла и опустошил, потому что был последней каплей в череде жизненных трудностей, как вишенка сверху на десерте.

Она вспоминала операцию и приговор врачей, свой первый бизнес и полный обвал, когда партнер сбежал, прихватив с собой все деньги, и ей в одиночку пришлось расплачиваться с долгами.

И отъезд в Москву, чтобы хоть что-то заработать и прокормить себя и родителей, и шесть лет работы на мужа, ну и, конечно – сверху вишенка!

Она тогда не только ремонт делала – она сдирала вместе со старыми обоями с себя старую жизнь, «ремонтировала» себя...

И в этот раз мама, выслушав ее, сказала:

– То, что ты так пугаешься, это понятно – тебя слишком часто и больно предавали. Да еще и неизвестно, что этот мужик собой представляет. Но то, что тебя это так волнует и ты испытываешь сильные чувства к нему, – это прекрасно, значит, ты ожила. А получится или не получится – это как бог

даст. Главное, что ты нормально на мужчин стала реагировать. Как там, Вета?

– «Пациент скорее жив, чем мертв!» – подвела итог Вета.

– Натка, пошли в туалет, – прервала ее воспоминания сестра, – хорошее сухое вино имеет обратный эффект, как говорится – «минус попить». Ребята, никуда не отходите, берегите наши телефоны, сумки, а также честь и совесть!.. Натка, перестань дергаться, – по дороге в «заведение» наставляла сестру Вета, – подумаешь, два дня прошло. Тебе мужик сказал: как с делами разберется, так и появится. А не появится, так и хрен с ним – другого найдем. Вон, мы какие умницы да красавицы, «и еще на машинке умеем, и пироги печь».

– Тебе тоже найдем? – усмехнулась Наталья.

– Нет, пожалуй, Левчика оставим. Я к нему привыкла, и деток кормить надо, и любовь, знаете ли, у нас...

– Ладно, оставим.

Они вернулись к столу и обнаружили у Машки с Сашкой какие-то слишком подозрительно хитрые выражения на лицах.

– Так, что натворили? – спросила Вета, уж она-то своих детей знала.

– Почему сразу «натворили»? – возмутился Сашка. – Что мы у тебя, придурки какие-нибудь?

– Тетя Наталья, тебе на сотовый звонил Антон Александрович, ну, тот, который из поезда. Спросил, где ты, я сказала, что вы с мамой в туалете, – доложила Маша.

– Представляешь, какая дура! – вмешался Сашка. – Если б мне сказали, что моя девчонка в туалете, я бы сразу ее со спущенными трусами на унитаза представил. Фу!

– Ничего я не дура, а что я должна была сказать, что они в кустах, что ли?

– Сказала бы, что за вином отошли, – предложил Сашка.

– Еще лучше, что они, алкоголички?! Молчи уже, жених! Какие девочки? Ты вон даже уши не чистишь!

– Что ты пристала к моим ушам? Я сегодня почистил и даже тебе показал.

Хотя у Натальи все сжалось внутри и как-то зазвенело от этой новости, но она не смогла удержаться и рассмеялась вместе с Ветой.

– Так, стоп! – остановила перепалку Вета. – Это все, о чем вы говорили с ним, Маша?

– Я ж рассказываю, а Сашка мешает! Он спросил, где мы находимся, я

сказала: на набережной, в кафе, он спросил: в каком, я назвала, он сказал, что перезвонит минут через десять. Слушай, тетя Нат, а он классный! – поделилась впечатлением Машка. – Я когда ему про туалет-то сказала, он засмеялся и говорит: «Что же вы, Машенька, так неделикатно, девочки, наверное, расстроятся». Представляешь!

– Представляю, – без энтузиазма ответила Наталья.

– Я же говорила, что он позвонит, – вставила сестра.

– Вета! Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты долдонишь: «Я же говорила!»

– Знаю, а что ты напряглась? Еще ничего не произошло.

– Слушай, а у тебя с ним роман? – спросила Маша, ей было ужасно интересно.

– Какой роман, просто в поезде вместе ехали! – отмахнулась как-то неубедительно Ната.

– Значит, будет, он мне понравился. И чего ему тогда звонить, если не роман?

И тут телефон зазвонил. Все замолчали и уставились на Наталью.

А она смотрела на телефон – определился номер Антона.

– Да! – ответила она.

– Здравствуй! Надеюсь, девочке Маше не досталось за достоверную информацию?

– Здравствуй! Досталось, но только от брата Саши.

– Умный мальчик. Как ты смотришь на то, чтобы встретиться?

– Я смотрю положительно.

– Тогда прямо сейчас, я уже к вам подхожу.

И она его увидела.

Он шел по набережной по направлению к ним, метрах в двадцати от кафе.

Одет он был в легкий летний костюм и белую рубашку без галстука, и все это ему невероятно шло, и...

И выглядел он офигительно!!!

Или просто она по нему так соскучилась.

Он смотрел только на нее.

У Натальи быстро-быстро забилося сердце.

Она так обрадовалась, она, оказывается, совсем забыла, какой он!

Смотрела, как он к ним подходит, узнавала, радуясь, что снова его видит, и внутри все звенело...

– Добрый вечер, дамы, – поздоровался Антон, потом повернул голову к Саше: – И господа!

– Здравствуйте! – хором ответили Вета и дети.

Наталья молчала, смотря на него.

Он достал из-за спины две большие чайные розы и протянул их Наталье и Свете.

– А мороженое «дитяам» мы сейчас закажем, – пообещал Ринков.

Все рассмеялись.

Он пододвинул стул из-за соседнего столика и подсел к ним.

– Я больше не могу мороженое, – простонала Маша.

– А я буду! – Саша был готов на подвиги.

– Девушки, чем вас угостить? Вино? – спросил Антон.

Ему ответила Вета:

– Не надо нас ничем угощать, мы уже сами всем угостились, Антон Александрович. Как ваш бизнес? – почти как светская дама спросила

Ветка.

– Бизнес в порядке, двигается. Значит, только мороженое Александру?

– Боже упаси! – веселилась Ветка. Ей ужасно нравилась вся эта ситуация: и как молчит ошарашенная Ната, и как Антон нервничает – но орел, держится молодцом! – Он уже слопал две порции. Это он из вредности.

– Ничего не из вредности! – возбуждился было Сашка, но тут же честно признался: – Но я, наверное, и правда больше не могу!

– Тогда, с вашего позволения, я украду у вас Наталью Александровну?

– Да идите, идите! Гуляйте, а нам домой пора, – махнула рукой Ветка. – А может, она еще и не согласится?

«Что это сестрица разошлась?» – подумала Наталья сердито.

– А я у нее спрошу. Наталья Александровна, вы пойдете со мной прогуляться?

– К морю, – вставила Маша и пояснила: – Здесь, на курорте, если так официально приглашают, то говорят: «прогуляться к морю».

– «После душа Шарко-о я пришел на свиданье, но какой-то пижон вас увел на лима-а-ан», – запел дурным голосом Сашка.

Это был Натальин промах в воспитании – она на днях напела эту старую песенку, и теперь дети вставляли ее везде где надо и уж тем более где не надо.

Все расхохотались, напряжение немного спало.

«Спасибо, Сашка!» – подумал Антон.

– Антон, давайте «пройдемся к морю», – решительно пресекла дальнейший балаган Наталья.

Они встали из-за стола, она чмокнула в щечку Вету и детей, помахала им ручкой.

– До свидания, – попрощался Антон.

– Да, хотелось бы свидания, – Вету было трудно остановить, когда она разрезвится. – Познакомиться, так сказать, поближе. Старшей сестре надо знать, кто ухаживает за младшей!

– И ее племянникам тоже, – добавил Сашка, не отставая от матери.

– Обязательно, – серьезно ответил Антон.

Он взял Нату под руку, и они вышли из кафе.

Антон шел все быстрее и быстрее, почти тащил ее за собой, так что Наталья еле успевала переставлять ноги.

– Мы торопимся? – спросила она.

– Да!

Вот так, просто: «Да» – и все.

Он дошел до темной декоративной арки, украшавшей одно из зданий на набережной, всего в нескольких метрах от кафе, где все еще сидели Ветка с детьми, затащил ее под арку, обнял, отрывая от земли, и принялся целовать.

Наталья сразу перестала дышать, думать, уцепилась за него руками, ногами, повисла на нем и совершенно растворилась в этом поцелуе!

Она забыла, где она, кто и что вокруг, а только узнавала его, как будто не видела много лет и истосковалась в разлуке...

На Ринкова за эти два дня навалилось столько, что продохнуть некогда было.

Информация о перемещениях и делах его «подопечных» поступала к нему из разных источников днем и ночью, по телефону, специально для этого предназначенному.

Он встретился с руководителем оперативной группы, которого давно знал, еще когда работал в отделе, в поезде они ехали в соседних вагонах.

Встречались они, соблюдая все возможные конспиративные предосторожности – «клиент» был ох как непрост!

Обменялись информацией и предположениями по поводу дальнейших совместных действий.

На этот раз Хаким приехал в Крым открыто, не маскируясь, но его группа тщательно конспирировалась. И это было странно – так Хаким еще не работал. Затевалось что-то необычное, дерзкое, быстрое. Что-то очень смелое. И, скорее всего, весьма дорогостоящее, если они так рискуют.

Переполошились все силовики Крыма, они готовы были взять Хакима, посадить, придраться к чему-нибудь и выдворить со своей территории, только б не произошло ничего экстраординарного. Но не могли. Договоренности об этой операции были достигнуты на самом высоком уровне.

Что же они все-таки затевают?

За двое суток они перемещались много раз, причем не вместе, а каждый по разным точкам, что, естественно, усложняло ситуацию и оперативную слежку.

Антон получал информацию постоянно, анализировал, просчитывал.

Он располагал самыми подробными картами Крыма – горы, все известные пещеры, тропинки и проходы, полезные ископаемые, частные хозяйства, санатории и госдачи и множество других объектов.

Он отмечал маршруты «клиентов», пытаясь понять логику их передвижения.

Имелись фотографии всех людей, с которыми встречалась группа Хакима, и оперативные данные по ним, вплоть до шоферов такси и официанток.

Оперативных материалов было столько, что он едва успевал их усваивать.

Но пока ничего не придумал, интуиция молчала.

Одно Ринков понимал и чувствовал потрохами: Хаким готовит нечто такое, чего никогда еще не проворачивал.

Что-то очень дерзкое.

И вот теперь двое из группы Хакима приехали сюда, в этот город, и он за ними. Пора было понаблюдать их вблизи, вживую, как говорится – может, картинка и сложится...

Антон мало спал за эти двое суток, а когда засыпал, видел эротические сны. Просыпаясь, словно выныривая и приходя в себя ото сна, он думал только о Наталье.

Почему, черт возьми, они не встретились в Москве, когда он был не так загружен и можно было заграбастать ее, и сразу забрать к себе жить, и не отпускать от себя!

А еще он думал: как будет объяснять ей эти двое суток своего отсутствия и глухого молчания. Она ведь умная, ей сказочку про «особый бизнес» не скормишь!

Что это за бизнес такой, если нельзя позвонить?!

Ринков не разрешал себе звонить ей, это бы надолго выбило его из дела, он после разговора с нею вообще спать бы не смог, вспоминая ее, слыша ее голос и думая: не бросить ли все к чертовой матери и не съездить ли к ней хотя бы на несколько часов?!

Он волновался, не был уверен, что дозвонится, а если дозвонится, то не пошлет ли она его куда подальше.

Для себя он уже все решил.

А вот ее еще предстояло убедить.

Ему очень помогла ее племянница, разрядив напряжение, и когда он уже шел к кафе, где они сидели, и набирал ее номер, то даже немного надеялся, что опять ответит Маша.

Когда он услышал ее голос и увидел Нату, его словно ударило, сердце заколотилось и жар разлился по всему телу.

Ему захотелось все бросить и забыть, отключиться от всего на свете и затащить ее прямо сейчас в свой номер люкс в частной гостинице на берегу моря, которых здесь становилось все больше с каждым днем.

И пропади все пропадом!

У него в номере имелась кровать огромных размеров, и Антон, посмеиваясь над собой, все приготовил: и сухое красное вино, и цветы. Он даже позвонил и узнал, в какое время можно заказать горячую еду – она же любит мясо. Оказалось – в любое. Еще бы: отель уверенно стремился к мировому уровню обслуживания.

Ринкову понравилась ее сестра, такая же острая на язык, как и Наталья, и ее племянники, не отстающие от сестер. Они помогли ему освоиться и сбить нетерпение, кипевшее в нем, сгладить скованность первого момента знакомства с ними.

Но как только они с Натальей вышли из кафе – все, что он чувствовал, когда скучал по ней, вернулось с удвоенной силой, потому что наконец-то он держал ее за руку, она была совсем рядом: и ее зеленые глаза со смешинкой, и легкий румянец на щеках, и манящие губы, и ее аромат...

И он помчался к первому же темному месту, чтобы поцеловать ее.

Он целовал ее и не мог остановиться!

Он целовал ее, как будто хотел испытать ее до дна, обнимал, гладил, прижимал к себе, переводил дух и начинал все сначала...

И все-таки каким-то образом он сумел оторваться от нее. Потом прижал ее к себе и гладил тихонько по спине своей большой рукой.

– Я соскучился по тебе. Ужасно! – хрипло прошептал он.

– А я подумала, что тебе платье мое не понравилось, – таким же хриплым голосом ответила Наталья.

Он засмеялся, он совсем забыл, какая она.

– Пойдем что-нибудь выпьем.

– За встречу? – Наталья даже не слышала, что говорит, она еще вся была там, в их поцелуе...

– Нет, просто выпьем, – усмехнулся Ринков.

Она помолчала, прижимаясь к его груди.

– Если ты все-таки ничего не имеешь против моего платья, то его надо поправить, – предложила серьезно она.

– Да. Поправить надо, – самодовольно подтвердил Антон.

– И еще где-то была роза...

– Да бог с ней, другую купим. – Он предвкушал все то, что ждет их впереди, и немного нервничал. И пытался немного остудить себя,

успокоить...

На люди-то надо выходить, а ему пока никак нельзя.

– Нет уж, это очень замечательная роза. Не каждый день мне такие розы дарят.

– Хочешь, буду каждый! – Антон поправлял на ней платье, испытывая очередной прилив мужской гордости. Вот как он ее заводит, она даже не замечает, что с ее одеждой...

– Нет, куда я их девать буду? И вообще кто-то предлагал выпить.

– Да, выпить надо обязательно!

– Куда мы идем?

Ему надо было в конкретное место.

В ресторан, который находился недалеко. Там для них был заказан столик. Вот уже сорок минут те, кто его интересовал, находились в этом ресторане в компании с одним пока непонятным господином.

Антон хотел присмотреться: как говорят «клиенты», как двигаются, какой роли придерживаются, как ведут себя – настроиться на них.

Думая о работе и настраиваясь на нее, он постепенно пришел в себя.

Ну вот, теперь можно и на люди.

Ната нашла свою розу, изрядно помятую, но вполне живую. Антон еще раз легонько поцеловал ее в губы.

– Идем. Тут совсем рядом, – сказал он.

Они шли по набережной, взявшись за руки, как школьники.

Когда метрдотель проводил их к столику, Наталья несколько удивилась его выбору: он находился почему-то в самом неудобном месте – в конце открытой террасы, сразу за которой росла большая магнолия. Ее ветки нависали над столом, еще одно такое же дерево росло сбоку. Таким образом, столик отгораживался от зала естественной беседкой. Ветки магнолии создавали полумрак – рассмотреть того, кто там сидит, было затруднительным, а вот укрывшиеся в этой беседке видели всю террасу и вход в зал.

Они присели, метрдотель зажег свечку на их столике, протянул меню и отошел.

– Мы прячемся от твоей жены или следим за кем-то? – весело поинтересовалась Наталья.

Антон посмотрел на нее, в который раз удивляясь ее проницательности.

И когда он привыкнет?

– Последнее, – совершенно неожиданно для себя самого признался вдруг он. – Я не женат. Был когда-то, по молодости. Очень давно.

– И что же случилось с семейной лодкой?

– Разбилась, как водится. Я тогда только училище окончил. Лейтенант. Сразу женился. Мы были очень молодые. Я на заданиях месяцами, она одна дома. Да и дома-то не было. И денег тоже. Она потерпела полтора года и ушла. Правильно ушла.

– Ты военный?

– Бывший, полковник в отставке.

У Натальи поднялись вопросительно брови, в глазах плеснуло веселье.

– Только попрошу безо всяких – «настоя-я-ящий полковник», – предупредил Ринков.

– Хорошо, – смеясь, согласилась она. – Полковник чего?

– Спецназ. ФСБ, – ответил Антон.

– Ого! И как тебя угораздило?

– Молодой был дурной. На подвиги тянуло.

– И как подвиги? Удались? Родина оценила?

– Родина оценила, а подвиги были рядовыми рабочими буднями. Это неинтересно.

– Так. Значит, мы за кем-то следим? А я, значит, для конспирации?

– Ты – для отдохновения души и тела и всего самого лучшего, что может быть у мужчины! – ответил Антон и, подумав, решился: чего уж теперь: – И немного для конспирации.

– Понятно, – кивнула Наталья, сразу как-то перестав веселиться. – Ринков, ты бы хоть предупредил, что романтическое свидание будет проходить в кустах, я бы одела что-то более камуфлирующее!

Она вдруг расстроилась.

Еще в поезде она догадалась, что у него не просто какой-то там контракт мутный в Крыму, что есть в его командировке нечто таинственное. Он все время был на взводе, как туго закрученная пружина. В нем не было легкой беззаботности человека, едущего отдыхать и по ходу немного поработать, выполняя обычный заказ.

Антон следил за выражением ее лица очень внимательно. Она впервые назвала его по фамилии, и это так замечательно прозвучало, что у него даже холодок пробежал по спине.

Но она была расстроена, это было видно и понятно.

– А за кем мы следим, ты, конечно, не покажешь? – строго спросила она.

– Нет.

– И не расскажешь, по какой причине следим?

– Я просто немного помогаю бывшей конторе, всего лишь анализирую

ситуацию, – постарался смягчить напряжение между ними он.

– Ринков, ты же в отставке, вот и сидел бы на печке. Чего ты полез?! – Наталья не могла скрыть, что огорчена.

– Ната, ты чего? Все будет хорошо, я же обещал!

– Ладно, все это, может, и интересно, но малоприятно. Мне надо подумать, как к этому относиться. Я так понимаю, ваши игры только начались?

– Да. Но об этом мы поговорим потом. Ладно? А сейчас давай что-нибудь закажем.

– Мне ничего не хочется. Ни есть, ни пить. Ты себе закажи, а я пока схожу в «дамскую комнату», попудрю, что там надо пудрить, – старательно сдерживая разочарование, сказала она.

Наталья встала, взяла сумочку, Антон поднялся, отодвинул ей стул. Гордой и независимой походкой она прошествовала через террасу в зал.

Он понимал: ей сейчас трудно. Она чувствует, что ее используют, пусть косвенно, но все же. Ринков уже решил, что вопреки всем писанным и неписанным законам и правилам этой работы придется ей кое-что рассказать. Она умница, может, даже подскажет что-то. Вон, как тетку в поезде вычислила! Он ни на минуту не сомневался, что не делает ошибки, принимая такое решение.

За интересующим его столиком тем временем шла оживленная беседа.

Присутствовали «кореец», «латыш» и еще один, уже известный по оперативке Антону, мужчина, отставной морской офицер, который пятнадцать лет назад ушел в отставку с поста адъютанта адмирала, тогда еще Союза. Ему было около шестидесяти лет, сухощавый, по-военному подтянутый.

Что нужно «клиентам» от него? Интересно.

После отставки он осел в Севастополе, имеет трехкомнатную хрущевку и дачный участок. Простой военный пенсионер.

С какого боку он тут?..

Подошел официант, Антон сделал заказ, подумал и все-таки попросил принести вино.

Наталья что-то долго не возвращалась.

И тут Антон перепугался. А вдруг она ушла? Могла же – он ее сильно расстроил, да и какой женщине приятно узнать после сумасшедших многообещающих поцелуев, что тебя используют втемную!

Он вдруг понял, что поставил ее перед неприятным выбором: либо ты принимаешь, что я здесь занят в своих мужских играх и подыгрываешь

мне, либо – извини, у меня «работа».

Он представил, что она ушла на самом деле.

Совсем!

И понял, что тогда он пропал.

Без нее все становилось ненужным и лишенным смысла – и это «задание», и его работа – все.

У него даже сердце защемило.

«Все правильно, – подумал Ринков, – вот ты встретил человека, и оказалось, что без него жизнь не имеет смысла. До встречи с ним ты вроде был в полном порядке, и все получалось у тебя, было интересно жить и дела делать. Но только потому, что в глубине души ты ждал этого человека, ловил его волну и надеялся – поэтому и жил...»

И тут он увидел Наталью!

Она шла к нему.

Ринков почувствовал такое облегчение и радость, что у него перехватило в горле и сердце пропустило пару ударов.

Благодарю тебя, господи!

Он встал ей навстречу и, наплевав на все конспирации и правила оперативных мероприятий, обнял, прижал к себе и поцеловал, без страсти, просто чтобы убедиться – она здесь!

– Ты подумал, что я ушла? – прошептала она, поняв, почувствовав его настроение.

– Подумал и очень испугался! – ответил Антон.

– Я просто встретила старую знакомую, – она рассматривала выражение его лица, – мы очень давно не виделись. Извини, что напугала. Ты меня мало знаешь – если бы я собралась уйти, я бы обязательно сказала. Показательных женских выступлений я не устраиваю, не умею.

Антон отодвинул ее стул, помогая сесть, сел сам, разлил принесенное официантом вино, чувствуя, как отпускает напряжение.

– Я вот что подумала, – заговорила Наталья, снимая остроту момента, – может, тебе стоит вкратце рассказать мне, в чем интрига этого твоего задания, может, я смогу увидеть нечто, чего ты не видишь... Ну, а вдруг? Мало ли.

«Умница моя. Как я вообще жил без нее!» – подумал он.

– Хорошо, но только не сейчас. Сейчас мы допьем вино и пойдем ко мне. Ладно? – умоляющим тоном предложил Антон.

Она смотрела на него, что-то про себя решая. Ринков затаил дыхание.

– А как же твоя помощь родной конторе, тебе же надо быть здесь? – осторожно поинтересовалась Ната.

– Бог с ней, с «помощью»! Куда они денутся!

Она помолчала.

– Вино вполне можно и не допивать, а взять с собой.

«Ура! А я уж думал, что все пропало!»

Антон быстро поднялся, схватил ее за руку, как тогда, возле кафе, и потащил за собой. Не отпуская ее, подошел к метрдотелю, чтобы расплатиться.

Быстрее, быстрее!

До гостиницы идти было минут десять по набережной.

Он шел быстрым шагом, почти бежал. Наталья еле поспевала за ним.

Быстрее! Быстрее!

Они забежали в гостиницу. Не отпуская ее руки, Ринков взял у портье ключ и потащил Наталью к лифту. Гостиница была небольшая, всего четыре этажа, но лифт имелся, ну еще бы – все по европейскому стандарту!

Когда они зашли в лифт, то вдруг, не сговариваясь, отошли в разные углы кабинки и только неотрывно смотрели в глаза друг другу, понимая, чувствуя: малейшее прикосновение – и все, до номера они не доберутся!

Лифт остановился.

Антон побежал по коридору, таща, как на буксире, за собой Наталью.

Дверь! Электронный замок! Карточка!

И все! Все!!

Весь мир остался за дверью.

Они даже не кинулись, не шагнули друг к другу – они сразу слились в одно целое, с полушага, с полувздоха, безумно целуясь, срывая мешающую одежду...

Какая кровать! Они не дошли до кровати.

Потом он обязательно будет нежным, и рассмотрит ее всю, и расцелует, и будет долго, томительно гладить, ласкать.

И скажет ей все самые лучшие, самые главные слова.

Но это потом...

Она висела на нем, обхватив руками и ногами, и Ринков не отпускал ее ни на секунду.

И было совершенно непонятно, как они умудрились-таки раздеться – просто одежда мешала быть еще ближе, еще теснее, сливаясь в одно целое!

В один миг они оказались на полу.

Они смотрели друг другу в глаза, не прерывая эту нить ни на мгновение.

И он точно знал, что сейчас умрет, вот прямо сейчас!

И умер.

Но вместе с ней, так и не прервав нить взгляда.

И они оказались там, где бывают все, кто умирает от любви, и познали что-то, не относящееся к Земле.

Вдвоем. Вместе.

Не прерывая взгляда!

И вместе возвращались оттуда...

– Мы хоть живы? – чужим, охрипшим голосом спросила Наталья.

– Пока нет! – с трудом ответил ей Антон.

Оторвал голову от ковра, в который упирался лбом, и посмотрел на Наталью.

Глаза у нее были золотисто-карие, все еще потусторонние...

Он еще раньше подметил, что глаза у нее зеленые, с золотисто-карими крапинками вокруг зрачка. Когда она возбуждена или, как сейчас, вся еще неостывшая от любви и страсти, они становятся золотисто-карими, а когда злится – зелеными!

Красота!

– Я обещал, что первый раз будет в кровати, а мы до нее так и не добрались! – прошептал Ринков.

Он не мог двигаться, как будто каждая мышца, каждая даже самая маленькая косточка в нем растаяли от счастья...

Удивительно, как он мог еще говорить!

– Ты обещал, что первый раз будет ночь в кровати. Надеюсь, к утру мы до нее доберемся! – усмехнулась она.

– Мы доберемся до нее прямо сейчас, как только я смогу пошевелиться. Тебе тяжело? Я ведь довольно тяжелый...

– Мне весело!

– Что тебя так развеселило? – Он понемногу приходил в себя.

– Ринков, ты такой важный, такой спецназовец, полковник, орел! А не можешь встать...

– Девушка, вы ошибаетесь! – легко поднялся Ринков, взял Наталью на руки и перенес на кровать. Потом вытащил из-под нее покрывало, вместе с одеялом, запрыгнул к ней и укрыл их обоих. Обнял ее и прижал к себе.

– Я мечтал об этом с того момента, как мы столкнулись в тамбуре, и все думал, как это у нас будет. Но я и предположить не мог, что может быть так, как у нас получилось!

Наталья лежала на боку, прижимаясь к Антону, – голова у него на плече, рука – на груди.

– Так, как у нас получилось, могло получиться только у нас. Я тоже не знала, что так бывает. И не знала, что можно так целоваться – просто отключаешься, улетаешь куда-то... всегда уверена была, что это только в книгах так пишут...

– Надо освежить впечатления! – Он перевернул ее. – Как мы там целуемся?!

И принялся целовать, начиная с макушки, постепенно спускаясь: лоб, нос, веки, губы, подбородок. Когда он дошел до груди, поднял голову и прокомментировал:

– Этот вид поцелуев мы еще не освоили!

Они целовали друг друга, гладили, изучали, что-то шептали, а потом заспешили, словно могли опоздать.

И опять повторилось волшебство!

И глаза в глаза, и быстрее, быстрее!

И маленькая смерть... Вдвоем.

И возвращение оттуда. Вдвоем.

И так это было пронзительно и остро, что невозможно было перенести...

Наталья тихо плакала от того, что ее переполняло: незнакомые чувства, эмоции, красота и острота, которые они переживали – и до, и во время, и сейчас, после...

Они лежали на боку, лицами друг к другу. Антон прижимал ее к себе и чувствовал ее всю, успокаивающе гладил своими сильными руками, словно баюкал.

Он понимал и принимал эти ее тихие слезы и чувствовал то, что ее переполняет, и тихонько ее покачивал.

– Ну тихо, Наточка, не плачь! – успокаивал он ее и целовал заплаканные щеки.

– Это так, так... – пыталась пояснить она то, что не поддается объяснению.

– Я знаю, знаю! – шептал Ринков.

Он гладил ее, целовал, укачивал, помогая отпустить высоту переживаемого ими обоими момента, и, отпуская, сам чувствовал светлую радость.

Ната постепенно успокоилась и заснула.

Антон держал ее в объятиях – и так ему было спокойно, он себя чувствовал так умиротворенно. Так правильно! И телами они совпадали, укладываясь идеально друг в друга, идеально совпадая во всех изгибах и впадинках...

«Где же тебя носило всю мою жизнь, девочка? Почему ты раньше-то не нашлась? Сколько лет я прожил, не заполненных жизнью с тобой! Ладно, Ринков, ты же знаешь: всему свое время!»

Он обнимал ее, спящую, и такой покой спустился на него, что опять, в который раз за вечер, защемило сердце.

Наверное, от счастья.

В тишине грянул гимн России.

Ринков посмотрел на часы: всего полдвенадцатого, и удивился – ему казалось, прошло много времени, и обрадовался: вся ночь впереди!

Аккуратно, чтобы не разбудить Наталью, он выбрался из постели, взял телефон, посмотрел на определитель – звонил Мишка.

– Привет, командир, – бодрым голосом поздоровался Дуб. – Помощь квалифицированного специалиста не нужна?

Антон посмотрел на спящую Наталью.

Она свернулась калачиком, отставив в сторону одну ногу, одеяло сползло и прикрывало часть попки и грудь. Наташа была такая хорошенькая! После любви и слез лицо было по-детски припухшим и умиротворенным.

И Антон принял мгновенное решение:

– Нужна. Давай, Дуб, приезжай. Некогда мне этим контрактом заниматься. Совсем!

– Что, влюбился, женился? Или совсем дела хреновые? – все еще балагурил Дуб.

– Первое.

Теперь помолчал Михаил. Уж настолько хорошо он знал командира родного, что по интонации сразу понял, что тот не шутит.

– Вот не слушаешь ты советов боевого товарища! – проворчал Дуб. – Я же предупреждал: не влюбись! – И уже другим, деловым тоном спросил: – Когда я тебе нужен?

– Вчера! Ты самолетом лети, нет времени на поезда. Займешься контрактом, примешь все полагающиеся «московскому гостю» почести на себя. Опять-таки – море, солнце, девочки, позагораешь. А я со своими делами пока разберусь.

– Перед вылетом перезвоню, – четко отрапортовал Михаил и спросил: – Ты как там выгребать собираешься?

– А хрен его знает. Прорвемся!

Дуб, разумеется, все понимал.

Как трудно, почти невозможно совместить неожиданные серьезные отношения с женщиной с тем раскладом, который имелся у Антона в данный момент. Невозможно ей все объяснить. Такова уж специфика их работы! Либо она принимает полностью скупое объяснение странного поведения своего мужчины, либо становится тяжелой обузой – со своими претензиями, непониманием и обидами, хотя и, в общем-то, обоснованными. Ведь вроде бы роман, любовь и все всерьез, а мужик непонятно куда пропадает и неизвестно чем занимается...

Угораздило же Ринка влюбиться именно тогда, когда он выполнял просьбу генерала. Нет бы – в спокойное время! Но Дуб понимал: если Антон решился на такой серьезный шаг, значит, дело того стоило. Таких женщин, которые бы верили, принимали, понимали их работу, было на свете очень немного, Дуб, по крайней мере, таких не встречал в своей жизни.

А еще неизвестно, как там сложится с бандой Хакима, может, придется в Джеймса Бонда поиграть!

Тогда все, накрылась любовь, однозначно!

– Держись, командир, помощь идет!

Антон положил телефон на столик. Посмотрел на спящую Наталью.

И вдруг понял, что очень голоден. Позвонил портье, заказал еду в номер: салаты, отбивные, она же любит мясо, клубнику, черешню. А вино у него было приготовлено заранее и дожидалось в холодильнике.

Он уже собирался нырнуть к ней в кровать, когда позвонил оперативный телефон. Ему доложили последние новости – «клиенты», посидев в ресторане, отбыли по месту пребывания.

«Вот и посидите там, хотя бы эту ночь, дайте дяде Ринку от вас отдохнуть! И все-таки: зачем им этот отставник?»

Он забрался к Наталье в постель и принялся будить ее поцелуями. Поспать они еще успеют...

– Утро? Пора вставать? – сонно спросила она.

– Полночь, но вставать пора, сейчас еду принесут. Хочешь есть?

– Еще не знаю. А что, мне пора домой?

– Даже не мечтай! Тебе теперь домой вообще никогда не пора. Я же тебя украл.

– Слушай, Ринков, а чего тогда ты меня разбудил-то?! – возмутилась Наталья.

Он еще в поезде понял, что она трудно просыпается – ворчит и не сразу ориентируется в пространстве. Вот и сейчас она недовольно

посверкивала на него глазами, и были они зеленые...

Красота!

– Хочешь вина? Мы ведь так и не выпили.

– Хочу, – согласилась Наталья.

– Я совсем забыл. Вон цветы стоят – это тебе. – Он показал на букет красных роз в высокой вазе.

– Я сегодня пользуюсь успехом – всё-то мне цветы дарят. А ту розу, как и вино, мы в ресторане оставили.

– Да и бог с ними, у нас есть и розы, и вино. Ну что, проснулась?

Они снова принялись обниматься...

В дверь постучали, принесли заказ. Антон встал, натянул джинсы и открыл.

– Доброй ночи, ваш заказ. – Официант вкатил сервированный едой столик, в центре которого стояла зажженная свеча. – Приятного аппетита!

Антон подписал счет:

– До свидания.

Наталья стянула с кровати покрывало и завернулась в него, как в тогу. Оно оказалось огромных размеров, ей пришлось подобрать его и держать руками импровизированный подол.

– Зачем оно тебе? Ты такая хорошенькая голенькая, – спросил Антон, подвигая к столику два стула. – Я бы ел и любовался тобой!

– Я ведь не спортсменка, и мне не двадцать юных лет...

– Да нечего тебе прятать, у тебя все очень красивое, я все рассмотрел и потрогал, – уверил Ринков.

Он достал штопор, открыл вино, разлил немного по бокалам и жестом пригласил ее за стол. Наталья села и расправила покрывало вокруг себя.

– Ну что, с почином! – поднял бокал Антон.

– Если у нас такой почин, то смерть наша будет быстрой, но сладкой! – поддержала тост Наталья.

Они выпили. И принялись за поздний ужин.

– Давай, Ринков, рассказывай про свое задание, – с аппетитом уплетая отбивную, предложила Ната, – самое время для застольной беседы.

– Хорошо, я изложу основные моменты, хотя я нарушаю закон и наши жесткие правила, открывая оперативные данные частному лицу.

– Частное лицо клянется страшной клятвой «чтоб я сдох!» не разглашать тайну! – очень серьезно, округлив глаза, ответила Ната.

Антон засмеялся, перегнулся через стол и поцеловал ее в губы.

– Ладно, клятва принята. Слушай.

Он рассказал суть дела, добавив свои комментарии и выводы.

– Я так поняла, вся надежда на тебя и твою интуицию? – уточнила Наталья.

– В этой части операции – да.

– И что она говорит?

– Молчит пока как рыба.

Слушая его, Наталья брала клубнику за хвостики, окунала в розеточку с сахаром и с удовольствием поедала.

– Я вот что думаю, – сказала она, отправляя очередную ягоду в рот. – Этот твой Хаким занимается и наркотой, и оружием? Так?

– Так, – подтвердил Антон.

– А дядечка, с которым сегодня в ресторане встречались ваши подопечные, – бывший военный? И непростой военный, а адъютант при адмирале. Значит, как все секретари, знал кое-какие тайны про этого адмирала. А не могло там быть какой-нибудь аферы с оружием? В те времена запросто можно было вагон с «калашниковыми» «потерять» или заныкать. Может быть, что-то у адмирала на черный день припрятано или еще какая интрига с оружием. Но искать концы надо там, пятнадцать лет назад.

Антон смотрел на нее совершенно ошарашенно, быстро соображал, перебирая варианты, – ведь что-то вроде этого уже приходило ему на ум, просто он, потеряв голову от любви, никак не мог сформулировать эту мысль до конца.

Ринков прислушался к себе. В моменты, когда он бывал близок к правильному ответу, у него слегка холодело внутри – работала та самая пресловутая интуиция. И сейчас это ощущение ожило.

«Пятнадцать лет назад могло быть все, что угодно, там такое творилось с этой перестройкой – и в армии, и на флоте! Натка права, копать надо там! Мать твою! Как же это я прохлопал!»

– Ната, по тебе контора горячими слезами плачет! Ты у меня умница необыкновенная! – перегнувшись через столик, он поцеловал ее и сразу зашептал: – Так, давай выпьем, и мне надо позвонить – проверим твою теорию.

Они выпили, но Антон был уже не здесь, он уже загорелся, включился в работу: встал из-за стола, взял оперативный телефон и набрал Деда – время суток для его звонка не имело значения.

Наталья поднялась, сняла с себя покрывало и пошла в ванную комнату, деликатно оставив его одного.

Она плескалась под душем и даже не пыталась анализировать, что с

ними произошло. Наталья приняла ситуацию такой, какой она была на данный момент, не строя планов, ничего не ожидая, просто наслаждаясь всем, что чувствовала и переживала.

«Господи, благодарю Тебя за то, что я хотя бы узнала, что такое может быть! Что такое можно испытать!»

Открылась дверь, в ванную зашел Антон, встал с ней под душ и принялся ее ласкать под льющимися струями воды. Но внезапно остановился:

– Не будем экспериментировать со здоровьем, я тебя, конечно, удержу, но увлекшись, мы можем тут покалечиться, если поскользнемся...

Он закрыл воду и, мокрую, понес ее на кровать.

– Будем сушиться старым проверенным способом – любовью, – шепотом предложила она.

Через довольно продолжительное время, совершенно обессиленные, они сидели в кровати, подложив под спины гору подушек, и потягивали из бокалов холодный сок.

И тут Антон спросил:

– А почему у тебя детей нет, Ната? Тебе ведь, наверное, лет тридцать пять?

Она сразу напряглась!

Словно захлопнулась и похолодела – он почувствовал это и сел прямо, повернувшись, настороженно заглядывая ей в лицо.

– Все гораздо страшнее, Ринков, – мне тридцать девять.

Она помолчала, успокаиваясь, взяла себя в руки и объяснила:

– У меня операция была, ты же шов видишь? Сложная операция. Так получилось: случился приступ, требовалась срочная операция, но мы с друзьями были в походе. Сначала думали, пройдет, а когда не прошло... Пока добрались до дороги, пока поймали машину, это же трасса, там никто не останавливается, пока добрались в больницу – миновало много времени, я получила кучу неприятных осложнений и все такое. А потом мне сказали: детей не будет, и вряд ли что-то можно сделать.

Она вспомнила уставшего пожилого врача, который ее оперировал и спас.

И как он ей сказал на прощание:

– Девочка, детей у вас, скорее всего, уже не будет.

– Так не будет – или есть надежда? – в отчаянии переспросила она.

– Надо надеяться на чудо. Так бывает: годы лечения и, может, что-то получится.

– Доктор, вы же хирург, а говорите про чудеса! – все так же отчаянно выговорила она.

– В нашей профессии чудеса случаются чаще, чем везде. Безнадежные больные вдруг идут на поправку, а совершенно безобидные болезни могут убить здорового человека. Что это? Вот у моего коллеги, мы с ним вместе учились, был случай в практике. У пациентки – внематочная беременность: надо резать, и как можно быстрее. А она говорит: «Не надо резать, не болит пока, заболит – вырежем». Они ее всем коллективом вразумляли, уговаривали, а она: «нет!» – и все. И что вы думаете – выносила! Сделали кесарево и бегают девочка, здоровая и красивая. Этот случай в учебниках описан. Один раз на миллион, а то и больше, такое случается. Разве не чудо?

Антон крепко прижал Наталью к себе.

– И как ты с этим справилась? – спросил нежно.

– Поначалу кинулась лечиться, что-то предпринимать: врачи, клиники. Через такое прошла – врагу не пожелаешь! До сих пор страшно вспоминать. А потом махнула рукой и с головой полезла в бизнес, чтобы отвлечься, забыться...

– Помогло? – расспрашивал он, тихонько поглаживая ее по спине.

– Еще как. Время-то какое было, как на Диком Западе! Перестройка, кооперативы. Мы с бывшим одноклассником открыли фирму, занимались туризмом и гостиничным бизнесом, еще здесь, в Крыму. Дело у нас сразу пошло. Мы услуги предлагали новые: номера в гостиницах арендовали и ремонтировали под евро, чего никто не делал до нас, и много еще чего делали, что никто до нас не делал. Народ к нам валил! А потом пришел заказ большой – несколько групп, на весь сезон, с полной предоплатой. Мой партнер деньги снял и тихо отбыл в Америку. А я осталась разгребать. Весело было, обхохочешься!

– Давай я его найду, накажу и деньги верну, – резко предложил Ринков.

– Да бог с ним. Зачем? Я тогда такую школу выживания прошла. И научилась многому. Схемы такие придумывала и закручивала – только держись! Тогда и пришлось помотаться в Москву. А когда все долги раздала, со всеми рассчиталась, оказалось, что в Крыму ситуация осложнилась: ни газа, ни воды, ни света, даже отопления не было. Денег нет, заработков нет, отдыхающие не едут. Я и подалась в Москву. Стала работать на фирме у ребят, которые мне помогли рассчитаться с долгами. Там и встретила своего будущего мужа, он работать к ним в это же время пришел. А через шесть лет мы развелись. Ну, это неинтересно. Все, хватит

воспоминаний!

– Ну давай я хоть бывшему мужу морду набью! – предложил Антон.

Наталья расхохоталась. Отставила бокал в сторону и принялась его целовать и щекотать. Она перевернула его на живот и... остановилась, замерев.

– Ринков! Это что такое, я тебя спрашиваю?! – громким возмущенным голосом спросила она.

На его спине белели два шрама: один справа – неровный, широкий, рваный какой-то, сантиметров пятнадцать длиной; и слева, чуть выше почки, – затянувшееся входное отверстие от пули.

– Дай я тебя всего осмотрю! – Она говорила с ним как мама, обеспокоенная здоровьем своего ребенка.

Обследовала его ноги, нашла еще один шрам – от пули, на правой ноге. Насильно перевернула на спину, осмотрела всего спереди. Нашла выходное отверстие на ноге и еще одно выходное – слева, на животе. На левом предплечье – широкий шрам, видимо, от ножа.

В горячке, когда они любили друг друга, она видела некоторые из этих шрамов, чувствовала их под пальцами, но тогда она вообще ничего не соображала, а теперь вот рассмотрела и осознала.

– Ты был хорошим профессионалом? – тем же требовательным тоном спросила она, не замечая, как поглаживает шрам на его руке.

– Да, – Ринкову не нравился этот разговор. И настораживал: он не понимал, к чему она ведет.

– Очень хорошим? Супер?

Он честно ответил:

– Да.

– Тогда какого черта ты так подставлялся! – Она уже почти кричала: – Вот если б тебя убили, где бы я тебя искала?! Что бы я тогда делала?..

Наконец он понял.

Облегчение и радость теплом разлились у него внутри.

– Ну не убили же! Вот же я, здесь. – Он схватил ее, немного сопротивляющуюся от возмущения, прижал к себе, упершись подбородком в ее макушку.

– На войне профессионализм очень много значит, и интуиция, и чуйка особая, но это не самое главное. Главное – везение, помноженное на все это. Иногда, конечно, по глупости бывает, расслабился – и бац – получи сразу.

Он поцеловал ее в макушку, потом в щеку, передвинул ее поудобней:

– Дай-ка я теперь тебя осмотрю, – шепотом предложил Антон.

Наталья провалилась в сон сразу, как выключилась, и спала, закинув руку и ногу на Антона. Он не возражал, ему нравилось. Боясь ее потревожить, Ринков пододвинул оба телефона поближе под руку и убавил на них звуки вызовов. Он тихонько поглаживал ее плечо, испытывая чувственное удовольствие от ее шелковистой кожи, и думал.

Дело он отодвинул до получения информации.

Дважды за ночь звонил оперативный телефон, ему сообщили, что «клиенты» спят, и доложили информацию о Хакиме.

Но сейчас он думал о том, что рассказала Наталья.

Конечно, Ринков понимал, что она рассказала далеко не все и весьма скупо. Действительность наверняка была куда как более тяжелой и страшной. Он представил себе ее в тех ситуациях, которые она описывала, и желание набить кому-нибудь морду усилилось до нестерпимости...

«Найду в этой Америке, отберу все до нитки и наваляю по полной! – Ему так хотелось повоевать за нее! – Еще неизвестно, что бывший муж натворил, судя по тому, что про него она даже не рассказала, – тот еще козел, видимо! Узнаю что – точно морду набью!»

Он восхищался ее силой и слабостью, хрупкостью и жизнестойкостью.

Ведь не стала стервой и не сдалась...

«Все, девочка, больше ты воевать не будешь, теперь у тебя есть свой личный воин. А что детей не будет, ну и ладно... хотя и жаль немного. Но главное – мы нашли!»

С этими мыслями Антон и уснул – совершенно счастливым.

Звонил сотовый Натальи. Долго, раздражающе и настойчиво.

Как всегда, разбуженная, она с трудом соображала, что происходит и где она находится. Не открывая глаз, она стала шарить рукой в поисках источника звука «на автомате». Пришлось все-таки открыть глаза и оглядеться.

И тут она вспомнила – гостиница, номер Антона.

Хозяин апартаментов отсутствовал.

Солнце ярко светило в зашторенные окна.

«Утро, и позднее. Где этот чертов телефон?»

Сумку она нашла брошенной у входа. Ну конечно, где же ей еще быть?!

Звонила Вета.

– Ната! Твое аморальное поведения пагубно отражается на воспитании

моих детей, – голосом классной руководительницы проговорила сестрица. – Не ночевать дома! Какой позор. И даже не позвонить, не предупредить родных и близких!

– Ветка, я тебя сейчас пошлю куда подальше... Ты меня опять разбудила, это становится у тебя дурной привычкой!

– Как ты там, сестра? – уже нормальным, веселым тоном спросила Вета. – Где ты вообще?

– Я в гостинице.

– Какое падение нравов! – хохотнула Ветка. – Ты вообще в порядке?

– В полном. Только есть хочется.

– Еда уже пришла! – Антон вошел в дверь и тут же ее захлопнул перед лицом удивленного официанта, маячившего у него за спиной. В руке Ринков держал какой-то большой фирменный пакет.

И только сейчас Ната сообразила, что стоит посреди комнаты голая, с телефоном в руке. Она ойкнула, быстренько прыгнула в кровать и укрылась одеялом.

– Что у вас там происходит? – подала голос Вета. – Сестра должна знать!

– Подожди!

Антон открыл дверь, впуская официанта, который вкатил столик с завтраком. Еды было много.

– Это завтрак? – ошалела Наталья.

– Скорее полдник, – ответил Ринков и спросил, указав на трубку у нее в руке: – Вета?

Наталья кивнула и поднесла трубку к уху.

– Ната, мы с детьми на пляже, где полагается быть и тебе. Димка тебя вчера обыскался, а маму успокоила Машка, передаю дословно: «Она в надежных руках, мужчину я видела, оценила и одобрила». Мама была счастлива, не за тебя, заметь, а потому что у нее такая умная внучка.

– Плакал, что ли? – Наталья имела в виду Димку, и Вета поняла:

– Когда это он у нас плакал? Стучал ботиночком по столу и кричал: «Ната!» Как Хрущев в Америке, мы помирили со смеху! – Вета помолчала и спросила: – Ты на пляж-то придешь, загульная?

– Нет, пляж мне не потянуть, – вздохнула покаянно Наталья.

– Ну, тогда домой. Не позорь семью, зайди хотя б переодеться.

– Ветка, отстань, что пристала? – отмахнулась Наталья. – Как дети?

– В порядке. Спорят, когда состоится твоя свадьба и где им лучше сесть за свадебным столом. Ладно, я тебя отпускаю пока, потом перезвоню. Целую. Горячий привет виновнику твоего морального падения.

– Пока!

Антон поставил два стула возле столика, подсел на край кровати возле Наты.

– Проснулась? – спросил, погладив ее по голове. Она кивнула. – Как семья?

– Экипаж волнуется. Мое поведение пагубно сказывается на воспитании детей.

– Это точно. А младший, я так понял, плакал, ища отсутствующую тетюшку?

– Он у нас не плачет, а требует. Стучал ботиночком по столу и кричал: «Ната!»

– Суровый парень. А старшие?

– Строят планы, как будут выдавать любимую тетюшку замуж.

– Это они правильно делают. Я бы хоть сейчас. Но, к сожалению, придется ждать возвращения в Москву, – поддержал инициативу Ринков.

– Антон, ты с ума сошел? О чем ты?

– А что, ты видишь другое развитие событий? И почему тебя это так удивляет? Не надейся, я тебя никуда не отпущу, – спокойно заявил он.

– Как порядочный мужчина, и все такое?

– Нет, как сексуально озабоченный мужчина, причем – по поводу одной конкретной женщины. Проще иметь тебя все время под рукой.

– Слушай, в тебе нет восточных кровей? А то звучит как-то очень... по-мусульмански.

– Восточных кровей нет, все наше родное, русское, но ты привыкай к мысли, что теперь ты – моя.

– Ладно, это мы еще посмотрим. А что у нас на полдник?

Наталья опять завернулась в покрывало и села за стол.

Кофе был горячий, с молоком, как она любила, имелись в наличии и тосты с бужениной, и йогурт.

– А жизнь-то налаживается! – откусывая от бутерброда, порадовалась она.

– Вот довел женщину – голая и голодная! – восхитился Антон.

– Тебе ведь работать надо, а мне – в семью, показаться на глаза родным и близким, – утолив первый голод, сказала Наталья.

– Я у тебя теперь самый родной и близкий, – поправил ее Антон, – а работать мне надо, это ты правильно заметила.

– Есть какие-нибудь новости, ну, насчет моей идеи?

– Пока нет, ждем-с. Сегодня приедет Михаил Дубин, это мой друг и зам по совместительству. Мне его надо встретить в аэропорту.

– Все понятно, у начальника роман и задание, где ж ему еще и контрактом заниматься! – догадалась Наталья.

– Совершенно верно, – подтвердил Ринков.

Они позавтракали, и Наталья, приняв душ, стала собираться.

Она привела себя в порядок, надела белье, взяла в руки платье, которое Антон утром поднял с пола и положил на кресло, и обнаружила, что оно порвано от воротника до талии. И восстановлению не подлежит.

Разглядывая платье, Наталья прокомментировала повреждения своего наряда:

– «И сия пучина поглотила ее в один миг!» Это я про нашу страсть, Ринков. Я с самого начала подозревала, что мое платье тебе не понравилось. И как мне теперь домой добираться? Утащить, что ли, покрывало, ведь мы с ним уже практически сроднились?

– Платье мне понравилось, просто все, что под ним, мне понравилось гораздо больше, – сказал Антон, забирая у нее пострадавшее от страстей платье, и продолжил: – Покрывало мы, пожалуй, оставим, не будем нарушать общий дизайн комнаты. Я обнаружил наши боевые одежные потери утром и купил тебе экипировку, пока ты спала.

Он взял пакет из кресла, куда положил его при входе, и протянул Наталье.

– Посмотрим, насколько хорошо я изучил твои размеры, может, придется еще кое-что подучить!

Она достала из большого бумажного пакета с логотипом известной фирмы костюм.

Длинная, до щиколоток, широкая юбка, обтягивающая блузка без рукавов, с маленьким воротничком и рядом мелких пуговиц, длиной чуть ниже талии. Костюм был из натурального шелка, простоту кроя компенсировал дорогой материал и насыщенная расцветка – абстрактный рисунок: переплетение зеленых и светло-коричневых тонов.

– Когда я его увидел, сразу понял, что это для тебя, под цвет твоих глаз!

– Как порядочная женщина, я должна отказаться от дорогих подарков, – сказала Наталья и стала одеваться.

Она посмотрела на себя в большое зеркало, висевшее на стене, и затаила дыхание. Комплект идеально сидел на фигуре и невероятно ей шел. Глаза стали ярче, подчеркнутые расцветкой ткани.

Антон обнял ее сзади за талию, и они оба смотрели в зеркало.

– Ты очень красивая, мне повезло!

– Сто пудов, – серьезно ответила Наталья. – Спасибо, мне очень

нравится!

Когда они спустились в холл, Антон вдруг подвел ее к портье:

– Ко мне приехала жена, – обратился он к администратору, – это надо как-то оформить? Нужны ее документы?

Наталья растерялась.

Ничего подобного она не ожидала, достала из сумочки и послушно протянула ему паспорт, испытывая целый спектр чувств: от удивления до «а, будь, что будет».

Антон посадил ее в подъехавшее по вызову такси, поцеловал на прощание. Они ничего не сказали друг другу, ничего не обещали, все было и так ясно – у него задание, а все остальное зависело от развития событий.

Дома была только мама с Димкой. Она обняла и поцеловала Нату.

– Очень красивый наряд. Я так понимаю, платье пострадало? – спокойно спросила мама о гораздо большем, чем платье.

– Да, сгорело в огне страсти, – ответила Ната, принимая из ее рук рвущегося к ней Димку.

– Главное, чтобы ты не сгорела от этих пожаров.

«Клиенты» отдыхали на пляже, ни с кем не встречались. Хаким тоже загорал, один, проспав на лежаке до полудня. И также ни с кем не встречался.

Все это доложили Антону, и он задумался.

Ну, не загорать же они сюда приехали!

Вчера Хаким ездил в Севастополь, гулял, осматривал город, разговаривал по телефону, который не поддавался прослушиванию, но в остальном вел себя как обыкновенный турист.

«Они чего-то ждут. Вот сто пудов. Чего? Или кого? Ох, чувствую я, сейчас завертится. А мы там, где и были: ничего не знаем, ничего не раскопали. Не опоздать бы!» – размышлял Ринков.

Он понимал, что события вот-вот начнут развиваться с большой скоростью.

Ну, хоть бы за что-нибудь зацепиться!

Позвонил Дед:

– Здравствуй, Антоша! Как там, на юге, жарко?

– Жарко, здравствуйте Федор Ильич! Что нового?

– Есть кое-что... Первое – по поводу твоего запроса. Ты вычислил правильно, пришлось ребятам попотеть с бумагами, уж больно хорошо все подчистили, не подкопаешься. Был вагон с минометами! Вагон, Антоша.

Представил? Перепутали документы, поставили другой код – ждали торпеды для учений, а получили минометы. Торпеды тоже получили, но позже. Следы замели филигранно, чтоб по шапке не получить, но мои ребята раскопали. Груз пропал. Вот так вот. Дошел до Севастополя – и как в море булькнул. Адмирал умер два года назад. Думаю, из тех, кто работал тогда с ним, остался только этот отставной адъютант. Но раз на него вышли, значит, в курсе... Брать его нельзя, сам понимаешь, он, конечно, все расскажет, но дальше? – Дед помолчал и спросил: – Как это они прокололись – встретились с ним так, что их засекли? Наверное, дядька намудрил, по старинке решил: на людях безопасней, в другой город приехал. Но они-то тертые... задумали что-то, это ясно, маневр для отвода глаз, обманка.

– Уверены, что нам ничего не раскопать, документы все уничтожены. Так уверены, что не утруждаются конспирацией. Они за это время с десятками людей встречались, а мы закопались в досье, выясняя, кто такие. Это специально для нас разыгрывается.

Генерал выслушал Антона и продолжил:

– Все так бы и было, и хрен мы что раскопали бы, по крайней мере, не так быстро. Но лейтенант, который руководил разгрузкой, написал рапорт в Москву, в штаб, через голову адмирала. Он точно знал, что должны быть торпеды, указал в рапорте коды груза, который разгружали на законсервированный склад под Балаклавой – его это насторожило. Молодец! Об этом рапорте никто не знал. Он осел среди бумаг в штабе, время такое было. Ребята мои лейтенанта нашли, поехали с ним поговорить. Молодец, Антоша!

Антону вдруг захотелось похвастаться, что это догадка Натальи, но делать этого было нельзя. Он принимал не положенную ему похвалу с сожалением – Деду бы Ната понравилась.

– Новость номер два, – продолжил Дед, – имеет косвенное отношение к Хакиму. Пропала большая партия наркоты из-под Краснодара. Маршрут прокладывал он, опробовал сам с малой частью товара, сдал тропу заказчику и отбыл. А вскоре вся партия пропала. Грызня среди наших наркобаронов идет – мама не горюй! Такое поднялось – друг друга подозревают, обвиняют. Может, Хаким еще и поэтому в Крым рванул, хотя тут не его прокол – маршрут он проложил идеально, провел, сдал, его ведь так и не накрыли. И отдыхать он привык в других местах, гораздо более европейских. Пока это вся информация.

– Ладно, Федор Ильич, подумаем, посмотрим. Они явно чего-то ждут. Потрохами чувствую. Это затишье перед бурей. Нам бы не проморгать,

успеть расщелкать что к чему, – поделился опасениями Антон. – Я вот что думаю, должен быть у Хакима четвертый в команде. Или здешний, который помогает. И о нем даже его команда не знает. Его бригада – для быстрой работы на месте: работа с людьми, переговоры, передача денег, оперативка и так далее. Но кто-то же координирует глобальные перемещения. Я имею в виду связку всей схемы – транспорт, стыковка участков, переговоры. А связь – через Интернет, естественно, по закрытому каналу. Не станет Хаким рисковать и сам вести такую работу. Есть у него специальный человек для этого.

– Хорошо, Антон, я понял. Попробуем покопать, но сам понимаешь, это сложно, небыстро и может оказаться пальцем в небо.

– Понимаю.

Разговор вроде был окончен, но Дед почему-то не спешил прощаться.

– Ну что, Антоша, влюбился? – голосом заботливого дедушки поинтересовался генерал.

Ну да, как это он не сообразил!

«Быстро доложили», – подумал Антон, хотя Дед он и есть Дед, переживает за всех.

– Не без этого, – признался он.

– Девочка хорошая, просто замечательная девочка, повезло тебе, Антон, – довольным тоном похвалил Федор Ильич. – И Мишку ты правильно вызвал. Очень даже хорошо: у начальника роман, ему вроде как не до работы, пусть зам поработает и отдохнет заодно. Он тебе документы по оружию привезет.

Дед помолчал немного и тем же отеческим тоном добавил:

– Ты, Антон, девочку-то нашими играми не спугни. Если прижмет, разрешаю рассказать в общих чертах что к чему. Тебе можно. Девочка хорошая, все поймет.

«Уже», – подумал Антон.

– Спасибо, Федор Ильич, – поблагодарил он за все сразу, и они попрощались.

«На кого из «оружейников» мог выйти фигурант? И был ли у него выход? Скорее всего, был. Кто из известных торговцев это оружие зацепил? А если сам Хаким? Тогда это очень интересно. Если он покупатель, что вполне возможно, не такие уж для него большие деньги – вагон минометов... Но зачем столь явно, зачем – почти открытая игра в проваленную конспирацию?»

Антон спустился в холл гостиницы, выяснил, как взять напрокат

машину: ему надо было встретить Михаила. Он прошел в указанный портье офис, оформил – спасибо за сервис – документы и получил ключи от машины.

Хаким ждал известий от «студента».

Он уже давно собирался уйти на покой, но требовался последний аккорд – большой куш, красивая игра, прощальный фейерверк.

Он ненавидел и презирал своих заказчиков, всех: тупые, жирные, глупые, считающие себя хозяевами мира!

А он, обладающий гениальным стратегическим и тактическим мышлением, должен был работать на них, видя все их просчеты, жадность и самомнение. Свою репутацию он оттачивал и создавал долгие годы: во-первых, чтобы быть независимым, а во-вторых, чтобы ею воспользоваться, когда придет время.

Вот сейчас оно и пришло.

Он умел ждать, умел превращать ожидание в результат.

Поэтому знал точно: когда-нибудь ему подвернется такое дело, которое поможет сорвать самый главный банк!

И вот его время настало.

Он гениально все придумал, просчитал все ходы – вычислить его было невозможно, это он знал точно. Нет документов, нет свидетелей, нет ничего, что бы могло вывести на него.

На оружие он вышел давно, вернее – на адъютанта, который искал подходы к основным «оружейникам». Видно, приперли обстоятельства, он решил рискнуть и заработать.

Информация попала к Хакиму случайно, хотя в случайности он не верил. Он был первым, кто прочитал сообщение о продаже, и сразу понял: вот оно, то, чего он так долго ждал и к чему всегда готовился!

Он тут же снял информацию со стола объявлений, полностью удалил следы сообщения и встретился с адъютантом.

Хаким терпеливо ждал, не предпринимая никаких действий. Все это время он «подкармливал» дядьку, помогая решать его проблемы – смешные, мелкие, ограниченные его убогой фантазией.

И вот настал час для следующего хода.

Теперь Хаким действовал с молниеносностью кобры. Он выверил ситуацию до миллиметра и запустил механизм!

Ему необходимы были весь этот шум и суета вокруг себя и своей команды.

Его «пасли» все, кому не лень. Шорох стоял на несколько держав!

Это было именно то, чего он добивался.

Хаким знал, как работают мозги его обычных заказчиков: они подозревают всех и всегда. Они обязательно услышат шум в Крыму и пришлют своего наблюдателя, когда он вывезет товар. Хакиму обязательно надо было, чтобы представитель встретил его и сам убедился в чистоте сделки.

«Прямо дети!» – как говорится в одном анекдоте.

Он ждал, когда «студент» сообщит, что с транспортом.

Послезавтра начнется подготовка к отправке, потом четыре, максимум пять дней – и все!

Через две недели он растворится без следа.

Все готово. Оплачена клиника, оплачена тайна нового лица, внесен залог за небольшой личный рай на островах.

Он будет потягивать коктейль на своей вилле и наблюдать фейерверк, который устроил напоследок – передел сфер и зон влияния, разборки, устранение «королей» и замена их новыми.

Надо также позаботиться о своей команде и, разумеется, «нежно» проститься с адъютантом и «студентом».

Со «студентом» будет сложнее, но кое-какие шаги Хаким уже предпринял.

Он умеет ждать. Он долго ждал и шел к этому.

И его терпение будет вознаграждено.

Антон изучил бумаги, обсудил с Дубом рабочие моменты, они обменялись информацией и уже подъезжали к городу, и тут Мишка поинтересовался:

– И когда же можно будет лицезреть виновницу моего внепланового отдыха?

– А вот сейчас и увидите. Тебе ведь надо всегда во всем убедиться самому, – усмехнулся Антон и набрал номер Натальи.

– Ну что, Ринков, ты там еще живой? – весело спросила она.

– Наполовину. Тут мой зам мечтает с тобой познакомиться...

– Давай! Давай знакомиться, вдруг он считает, что я сбиваю тебя с пути истинного. Надо успокоить твоих сотрудников.

Антон увидел ее издали, когда они подходили к кафе, расположенному на открытой террасе на набережной.

Она сидела одна за столиком и пила кофе.

Когда мужчины подошли, Антон наклонился и поцеловал ее,

приветствуя, в щечку.

– Здравствуй! – Он успел по ней соскучиться.

– Здравствуй! – ответила Ната и перевела взгляд на его друга: – А вы Михаил?

Мишка был недоволен, раздражен, сам не зная почему, и от этого завелся:

– Да, Михаил Захарович Дубин, – представился он холодно, все еще переживая за Ринка и испытывая чувства, которые так и не мог для себя внятно определить.

– Очень приятно, Наталья Александровна, – в тон ему холодно и официально ответила она. – Ну что ж, приступим к переговорам.

Она жестом указала на стулья напротив.

Мишке стало не по себе и даже немного стыдно.

Действительно, чего это он? Ринк ведь далеко не дурак, и даже более того – умный, а к тому же весьма непростой мальчик, его смазливой мордашкой и страстями сумасшедшими не купишь. И Дед говорил, что девочка хорошая...

– Простите, – промямлил он.

– Прощаю, – ответила Ната.

Она помолчала и вдруг открыто, искренне добавила:

– Я вас понимаю, Михаил, не пугайтесь вы так. Нам и самим страшно!

– Мне не страшно, – подал голос Антон, усаживаясь рядом с ней за стол.

– Значит, только мне, – сказала Наталья.

Мишке как-то вдруг сразу полегчало. Он сам накалил ситуацию и не знал, как из нее выйти, а она своей искренностью сняла трудность момента...

Он сел напротив, но расслабляться окончательно не спешил, присматривался к девушке понемногу.

– Как долетели? – спросила она.

– Хорошо, спасибо. Здесь у вас жарко, а в Москве дожди, холодно.

– Вот и погреемся, – жизнерадостно предложила она.

– Дуб, давай поедим, я голодный! – предложил Антон.

Антон до поры не вмешивался в их разговор.

Он-то знал Мишку как облупленного, ему все и всегда надо было всенепременно перепроверить, удостовериться во всем самому – черта характера, которая не раз спасала жизнь и Мишке, и его друзьям. Бесполезно что-то объяснять, доказывать – пока он сам не убеждался, что так оно и есть, не мог успокоиться.

– Соглашайтесь, Михаил! – весело проговорила Наталья. – Еда – прекрасный повод разрядить обстановку. Когда мужчина ест, он священнодействует. Пока вы обсудите меню, закурите, дожидаясь заказа, можно расслабиться. Потом с аппетитом будете есть, а неудобный вопрос – можно зажевать и сделать вид, что очень занят. Мужчина при деле: не видишь, ем – не трогай меня, женщина. Соглашайтесь, вам сразу станет легче!

Мишка ошарашенно переглянулся с Антоном, который многозначительно усмехнулся, они все втроем дружно рассмеялись, и атмосфера за столом мгновенно изменилась.

– Вот скажите мне, Наталья, почему я вас первым не встретил? – наигранно тяжело вздохнул Михаил. – Я бы вас у Ринка увел!

– Зачем я вам, Миша? – рассмеялась Ната. – Вас своя женщина ходит где-то, ищет, дожидается. И потом, открою вам секрет, Антон еще об этом не знает: я ужасная язва, никому спуска не даю! Трудно со мной.

Дуб с Антоном заказали еду и в ожидании заказа потягивали минералку, которую принесли сразу.

Мишка действительно расслабился, почувствовал, что эта женщина, как бы это определить, «своя», что ли.

Вот именно. Настоящая.

Они ели, разговаривали на разные темы, Мишка рассказал новый анекдот, Наталья тоже.

И тут их неожиданно перебили.

– Ринк! – окликнул кто-то с улицы.

Антон повернулся, рассматривая незнакомого мужчину, который шел по направлению к их столику и радостно улыбался.

Он был среднего роста, лет сорока, довольно стройный, хорошо одет.

«Что за дела?» – подумал Антон и напрягся.

Мишка тоже насторожился, чувствуя настрой командира.

У Антона за спиной встала со своего места Наталья, обошла стул, на котором он сидел, и двинулась навстречу незнакомцу. Они обнялись как старые добрые друзья, он ее поцеловал в щеку, вызвав у Антона весьма ощутимый прилив ревности и усугубив насущность вопроса: «Что за дела?»

– Ринк, солнышко, как я рад тебя видеть! – отстранив немного от себя, рассматривал Наталью мужик. – Ты давно приехала?

– Три дня назад, – искренне радовалась встрече Ната. – Привет, Сережка, я тоже рада тебя видеть! Присядь к нам, хоть Расскажи, как дела,

как Лена, дети?

Наталья подвела своего друга к столику и представила:

– Знакомься, это Антон, а это Михаил.

Мужчины встали, обменялись рукопожатиями.

– Садись, Сереж, будешь что-нибудь – есть, пить?

– Нет, Ринкуш, ничего не буду. Я вообще-то по делам спешу, просто тебя увидел и побежал обнять-поцеловать. Может, потом договоримся встретиться со всеми нашими. Здесь сейчас Костик и Наташка, Игорь с женой вернулся сюда жить. Давай, Ринк, придумай, где и когда, у нас ведь только ты все придумываешь. Встретимся, посидим! – настаивал Сергей.

– Хорошо, я что-нибудь придумаю, отпуск у меня только начался, успеем, – пообещала Ната.

– А почему вы ее называете Ринк? – спросил Мишка, не удержавшись.

– Как почему? – искренне подивился Сергей. – Она для нас всю жизнь – Ринк или Ринкуша, с детства. Она вам не рассказывала?

– Нет, – сказал Антон и посмотрел на Наталью удивленно.

– А вы ее спросите, пусть расскажет, это интересно! Она в нашей компании всегда заводилой была и вечно что-нибудь такое придумывала – только держись! А мы за ней, как овцы за пастухом, бегали. А попадало, между прочим, всем одинаково!

– Да ладно, не наговаривай, – отмахнулась Наталья. – Сами тоже хороши были. Как в общежитие ходить, подсматривать за девушками в душе, так вы быстро сообразили без меня, за что и получили!

– Да, это Костика была идея. Первый, можно сказать, эротический мужской опыт, в восемь лет. Ну и досталось нам тогда, – рассмеялся Сергей и объяснил мужчинам: – Застукали нас на месте! Недавно мой младший попался при таких же обстоятельствах, только они с другом в пляжные кабинки подсматривали. Так верите – не смог наказать, себя вспомнил. – Все рассмеялись. – Ты мне лучше скажи, Ринкуша, ты как? – обратился Сергей к Наталье, переходя на более серьезный тон. – Сделала то, что я в прошлый раз объяснил?

– У меня все в порядке, честно. И – нет, не сделала – зачем?

– Ринк, так нельзя, ты же обещала подумать! – попенял Сергей.

– Ну, вот и подумала: не хочу я во все это лезть! – ответила она. – Давай не будем об этом.

Антон слушал внимательно, почувствовав, что Нате неприятен этот разговор.

– Да с чего ты должна этому козлу все оставлять?! – возмутился ее друг. – Ну хочешь, я к тебе приеду и сам займусь?

– Сергей у нас юрист по гражданским делам, очень хороший, – пояснила Наталья Антону с Мишей. – Вон, видите, как за правду радеет. Все, Серж, остановись, мне это неинтересно и не нужно.

– А можно поподробней: в чем проблема? – спросил почти задушевно Антон у Сергея.

Сергей действительно был хорошим юристом, поэтому промолчал. Он не знал, что за мужики и какие у них отношения с Натальей. Он уже ругал себя мысленно за несдержанность.

Этот спор с Натальей они вели уже давно, еще когда она развелась и в первый раз после этого приехала к маме. С тех пор в каждый ее приезд он пытался ее убедить.

Вот, опять не сдержался...

– Все, тема закрыта! – твердо заявила она.

– Ладно, Ринкуша, извини. Мне пора, жду звонка для общего сбора.

Сергей встал, чмокнул Наталью в щечку, пожал мужчинам руки и ушел.

Антон понял, что сейчас ее бесполезно расспрашивать, и перевел разговор на другую тему:

– Так все-таки почему он назвал тебя «Ринк»? Вроде совсем не женское имя. Поэтому ты так удивилась, когда мою фамилию услышала?

– Конечно!

Наталья была ему благодарна за то, что он не стал настаивать на обсуждении неприятной ей темы, и принялась рассказывать о детстве, их компании и о рыцаре Ринке. Увлечшись, она показывала в лицах, что они вытворяли, вспоминала самые смешные случаи.

Антон с Мишкой смеялись от души, так здорово у нее получалось.

Михаил слушал ее и смотрел на них с Ринком.

Он смотрел на этих двоих и совершенно ясно понимал: с Антоном случилось то настоящее, о чем может только мечтать нормальный мужик – эта женщина и полное совпадение с ней, понимание, приятие. Было видно и как-то отчетливо понятно, что это то самое редкое попадание в десятку, пресловутое: «с первого взгляда», что считается невозможным и придуманным романистами. Оказывается, не придумано – вот они, реальные, счастливые...

Он почувствовал себя лишним – нет, не то чтобы лишним, а как бы вне их мира, их единства.

Они были одно целое, даже не дотрагиваясь друг до друга – они были вместе.

Михаил искренне радовался за Ринка – кто-кто, а командир заслужил такое, и... завидовал, по-хорошему, по-человечески, по-мужски.

Ему вспомнилась вся его холостяцкая жизнь. Девочки, редкие, но случались, ну, куда же деваться, он ведь нормальный здоровый мужик.

Просто секс – без улетания, без единения.

И утро – с претензиями, намеками, требованиями со стороны женщин, его полное внутреннее безразличие при внешнем джентльменстве: конечно, позвоню, конечно, встретимся!

Редкий, одуряюще-изматывающий секс с женщинами-вампи, до полного отключения тела и мозгов. И опять утро, полное «не хочу» – ни видеть, ни общаться, ни даже разговаривать, и вынужденное джентльменство, а куда деваться!..

И где-то глубоко внутри постоянное ожидание – когда же она появится, своя, единственная, родная, когда все пополам, на двоих – и утра, когда ты целуешь ее, спящую, и счастлив до головокружения, что она рядом; и ленивые выходные – обнявшись, молча, потому что все главное говорится не словами; и ночи, когда все, что можешь, без остатка, отдаешь ей, а она – тебе; и радость возвращения домой после работы; и полное единодушие во всем – в любви, в жизни, в юморе, в детях...

Ему вдруг захотелось напиться до потери сознания, чтобы сбросить эту жалость к себе и ожидание кого-то, и понимание бесполезности этого ожидания.

Но надо всеми этими чувствами возобладала чистая радость за них, за этих двоих, и благодарность Богу за то, что увидел: такое все-таки возможно, есть такие женщины, есть такие отношения. Вот так сразу, с первого взгляда! Наперекор всем его невериям и скепсису – есть!

Под общий смех Наталья закончила свой рассказ о детских приключениях.

– Ладно, командир, поеду селиться в гостиницу, вечером увидимся. Береги девушку, а то уведу, больно хороша! – предупредил Михаил, встал, наклонился и поцеловал Наталье руку.

– Можно, я буду называть вас Ната?

– Конечно! А можно, я не буду называть вас Дуб? – шутливо спросила она.

– Я вполне согласен на Михаила. Хотел спросить: у вас сестры нет, такой же замечательной, как вы?

– Есть, и она еще более замечательная, чем я, и мать четверых детей! Потянете? – рассмеялась Наталья.

– И здесь опоздал, – вздохнул наигранно Дуб. – Пойду напьюсь: всех лучших девушек разобрали, что остается старому солдату!

– Ну почему же всех, какие-то еще остались. У меня много друзей, хотите, познакомлю?

– Познакомиться хочу, жениться не обещаю...

– Все, иди уже, жених, селись! – Антон протянул Мишке ключи от машины. – Вечером встретимся.

– Ухожу, ухожу! – И, махнув рукой, Дубин пошел к выходу.

Наталья проводила его взглядом и задумалась.

Он был похож на Антона, не внешне, а, как говорится, – одного поля ягоды. Двигался так же, такое же спортивное телосложение, подтянут, чуть ниже Антона ростом, волосы темные, коротко остриженные. У него была очень обаятельная улыбка – когда он улыбался, появлялась ямочка на правой щеке, делая его моложе и озорней.

– О чем задумалась, Наточка? – спросил Антон.

– Мне твой Мишка понравился. За тебя – прямо горой, вон как меня проверять стал!

– Это он по привычке, – усмехнулся Антон.

– У него нет семьи?

– Нет, он сирота из детдома. Ни родных, ни близких. Наверное, я да его бывшая команда – вся его семья.

– Он очень одинок, хотя хорошо это скрывает.

– Нам вообще с семьями бывает, как правило, сложно, – посмотрел задумчиво в удаляющуюся спину Мишки Антон. – У моих ребят мало у кого есть семья. Наша служба с размеренной обывательской жизнью тяжело совмещается.

Наталья это понимала. Сколько должно быть любви и терпения у женщины, которая проживет жизнь рядом с таким мужчиной!

И дело свое после службы они сами начинали, а это тоже – полная отдача, надо со всеми потрохами быть в этом, иначе ничего не выйдет.

У Антона зазвонил телефон. Он ответил, слушал внимательно. Да, его задание никуда не делось, а она как-то расслабилась и про него забыла.

– Ну, что там? – спросила она, когда Ринков закончил разговор.

– Пока все тихо, загорают. Ох, чувствую я, что-то сейчас завертится.

– А как мое предположение?

– Подтвердилось полностью, я же говорил: ты у меня гений!

Он рассказал ей, не вдаваясь в детали, про «потерянное» оружие.

– Я сегодня над этим думала, и у меня возникли вопросы и некоторые

мысли...

– Говори, говори, ты же умница, помоги дяде Ринку нащупать ниточку. Он обнял ее и поцеловал в лоб.

– Давай вместе размышлять, – сказала Наталья и, убирая его руки, попросила: – Не отвлекай меня, когда ты меня трогаешь или целуешь, я сразу соображать перестаяю.

– Меня это несказанно радует и повышает мое мужское самомнение, – ответил Антон, но все же отодвинулся.

– Вот смотри, – начала Наталья, – они не первый раз камуфлируются, ну, шифруются под других людей. Так?

– Так.

– При этом, как ты рассказал, эти его помощники всегда от вас уходили, вы их теряли на какое-то время. Так?

– Так!

– Тогда почему в этот раз они при всем своем мастерстве и умении скрываться и переодеваться сделали все, чтобы вы их не потеряли? Причем не одного – всех троих. А тетка еще и специально к себе особое внимание привлекла в поезде, с этими тройными билетами на одно место. Зачем?

– Они дают себя засечь специально, – поделился выводами Ринков.

– Правильно, а зачем? – настаивала Ната.

Антон знал ответ, но ему был интересен ход ее мысли.

– Показать, что трассу собираются прокладывать здесь, а они, мол, старательно отвлекают от нее внимание, им же оружие везти, – ответил Антон.

– Да – но зачем? Если они это оружие нашли и договорились, им шум не нужен, наоборот: им выгоднее была бы тишь да гладь. Тут что-то не то. Смотри, они устроили большой переполох на маленькой территории. Для чего делают обычно столько шума? – спросила она.

– Когда большой переполох – уходить легче, особенно если все суется, бегают и не знают, где и что искать, как в нашем случае. Но то – уходить, а им еще оружие переправлять.

– А что, если они хотят смыться с товаром? – предположила Наталья.

– Нет, это не то! – быстро прикинув варианты, pokrutil отрицательно головой Антон. – Партия чистая, в смысле никому из «оружейников» не принадлежит. Ну, вышел на нее Хаким первым, ну, не успели другие, клювом процелкали – таков бизнес. Прятаться и смываться нет смысла. Да и не такие уж и деньги большие! Конечно, большие, но не такие, чтобы из-за них сворачивать весь свой серьезный бизнес и ложиться на дно. А с репутацией Хакима – особенно!

Рассуждая, Антон пытался для самого себя разложить еще раз информацию по порядку:

– Я вот думаю: может, он заодно вложил в что-то еще? Средства у него есть, и вполне достойные средства, может, прикупил еще что-то, уже здесь, в Крыму, чтобы побольше заработать? Надо наших аналитиков озадачить на предмет – не всплывала ли в последнее время еще какая-нибудь интересная партия оружия...

– Нет, – сказала Наталья. – Где логика? Зачем столько шума и такая нарочитая театральность? Я вот что сейчас подумала: кто громче всех на базаре кричит: «Держи вора!» – сам вор, и он, как правило, тихо уходит, пока толпа не пойми кого ловит. Может, он не купил что-то, а украл? И устроил весь этот балаган – пока все шумят, он и скроется...

Антон замер.

Господи, так просто! Ну конечно, украл. Никто другой бы не смог – не рискнул бы и даже мысли такой не допустил бы. Хаким проложил два маршрута: один для себя, другой для заказчиков. Та пропавшая партия наркотиков из-под Краснодара! Ну конечно. Ведь знал же Ринков, что самые сложные схемы – всегда самые простые, только их несколько на один ход...

– Ната, не помню, я тебе говорил, что ты гений?! – Он сграбастал ее в охапку и поцеловал.

– Говорил, говорил. Скажи, что надумал? – потребовала она.

– Ты умница. – Он еще раз чмокнул ее в губы. – Ты невероятная умница! Я потом расскажу, а сейчас мне надо подумать...

– Думай, а я домой позвоню.

«Конечно, он эту партию наркотиков украл. Но как он их ввозить в Крым будет? Это безумие! Тут все, все как на ладони, море просматривается со всех сторон. А может, по дороге где-то присоединится к товару? Опять-таки: как, где, по какой дороге? Там вагон минометов да еще наркотики, места все много занимает. Что же он придумал? Что-то дерзкое, гениальное, иначе бы Хаким не полез...

Так, значит, мы все-таки ориентируемся на ожидание наркотиков здесь – не рискнет он их далеко от себя держать. Да и хрен он из Крыма оружие отдельно потащит куда-то! Нет, он одним махом все вывезет. И все равно непонятно – зачем шороху столько, ну, украл и украл по-тихому, никто не догадается, шуметь-то так зачем?

Надо звонить Деду!»

«Студент» наконец-то вышел на связь: «Транспорт готовится, все идет по графику, деньги за сделанную работу переведены, получение подтверждено».

Хаким уточнил: «Когда будет готов к выходу?»

«Через пять дней».

«Много – через четыре!»

«Хорошо. Встречающие готовы, ждут моего сигнала».

«О начале сообщу».

– Надеюсь, на этот раз одежда не пострадала! – сказала Ната, поднимая блузку с юбкой с пола. – Что ты там такого надумал, что схватил меня и побежал? Я с тобой скоро спортсменкой-бегуньей стану...

– Просто соскучился! – ответил Антон.

Он расслабленно лежал на разгромленной кровати и наблюдал за ее сборами.

– А куда ты собираешься? – поинтересовался он.

– Домой. Ты же сейчас с Мишей встречаешься. И потом: перед тем как организовывать парный бег на длинные дистанции, ты ведь что-то задумал, звонил, запустил механизм операции. А я домой, к маме и детям...

– Да, домой к тебе мы сейчас и поедem. Ты соберешь необходимые вещи: ну, там – щетку, косметику, белье, купальник – все, что нужно на первое время, и мы их сюда привезем.

– Это зачем? – удивилась она.

– Я тебя от себя никуда не отпущу, ни за что. А завтра, рано утром, у нас с тобой экскурсия в Балаклаву. Мы отсюда на машине поедem, посмотрим город, окрестности, а потом к группе присоединимся, – пояснил Ринков.

– А Михаил?

– Дуба мы сейчас с собой возьмем, для моральной поддержки командира при знакомстве с твоей мамой. Дела мы с ним уже обсудили, до завтра он отдыхает.

– Ясно, – Наталья не стала спорить, достала телефон и набрала номер.

– Устроим переполох в родном семействе... Мама, это я. Мы сейчас приедem – с Антоном и его другом.

Мама открыла дверь, рядом с ней стоял Димка и держался за ее юбку.

– Здравствуйте, Антонина Кузьминична, – поздоровался Ринков. – Я Антон, а это Михаил!

– Здравствуйте, проходите, – пригласила мама сразу всех.

Димка запросился к Наталье. Она взяла его на руки, и он уставился на незнакомых дядек.

В коридор вывалились скопом Вета и Сашка с Машкой.

– Большой сбор, – сказала Ната.

По дороге они заехали на рынок, где Антон, не слушая Натальиных отговорок, купил фруктов, овощей, сладостей, мороженого, вино и цветы.

Цветы он протянул Натальиной маме, а пакеты с продуктами – Вете и детям.

– Кто? – громко спросил Димка, указывая на Антона пальчиком.

– Антон, – сказала Ната.

– Атон, – повторил Димка и кивнул головой.

– А это – Миша, – показала она на Мишку.

– Миса, – кивнул Димка.

– Ну, вот все и познакомились, – подвела итог Вета, – давайте стол накроем.

К приезду гостей не удалось подготовиться заранее, привычного для их семьи обильного стола не получилось. По этому поводу мама расстраивалась и ворчала:

– Хоть бы предупредила за пару часов, Наталья, мы б пирогов напекли, приготовили вкусенького, а так какой-то перекус получается!

– Ничего себе «перекус», бабушка, мне мороженого и на обед, и на ужин хватит! – выступил Сашка.

– Сашка, не позорь семью, – смеясь, притворно «воспитывала» сына Вета, – тебе надо тетку в лучшем виде представить: она изволила кавалера привести со товарищем, а ты как хомяк – только бы кушать!

– А что такого? У меня растущий организм, его надо кормить и баловать.

– Да ты только что миску клубники слопал! – возмутилась Маша.

– Вот это и был «перекус», – засмеялся Сашка.

– Дети, люди первый раз в доме, что они о вас подумают! – урезонивала внуков, посмеиваясь, Антонина Кузьминична.

– Что мы – нормальные дети, потому что любим поесть, – предположил Сашка.

Антон с Мишкой смеялись. Им нравилась Натальина семья: улыбчивая, мудрая мама Антонина Кузьминична, заводная Вета, веселые, шепутные и смышленные дети.

Нравилось, как они, продолжая шутить и пикироваться, быстро, все вместе накрывают на стол.

«Перекус», как выразилась Антонина Кузьминична, превратился в богато и красиво сервированный стол всего за несколько минут. Откуда-то появилось овощное рагу, рыбка домашнего засола и красивая пузатая бутылка с домашним сухим вином:

– Это наша тетя делает, необыкновенно вкусно, – объяснила Вета.

Разложенные на большом блюде порезанные овощи, ваза с фруктами, свечи в середине стола... Всё быстро, весело, подначивая друг друга, смеясь.

Никто не испытывал неловкости, зажатости. Было сразу понятно, что это очень дружная радушная семья и гости «как снег на голову» – здесь частое явление, им рады. И всегда накрывают замечательный обильный стол из того, что есть в доме.

Димка не слезал с Натальиных рук.

Он прижимался к ней, тяжело вздыхал и говорил: «Ната», это было так уморительно, что служило еще одним поводом для смеха.

– Соскучился? – спросила у него Ната.

– Ната, де? – пояснил Димка, разведя в стороны ладошки и скривив удивленную мордашку.

– Это ты не у нее, а вон у дяди Антона спрашивай, – сказала Вета.

– Атон, де?

– Все, брат, я ее себе забрал, уж извини, – шутливо ответил Антон.

– Ато-он... – укоризненно попенял ему Димка.

К машине, проводить их, вышли Вета и дети. Антонина Кузьминична с Димкой выглядывали из окна лоджии, как будто они в Москву уезжали, а не в гостиницу. Но это тоже была традиция – провожать, даже если идти лишь на соседнюю улицу.

– Что, у вас такой роман, что мы тетю теперь не увидим? – спросила Машка.

– Такой, – смеясь, ответил Антон, – но вы ее увидите.

– Издалека, – вставил Сашка, – она нам ручкой помашет!

– Дети, не приставайте к человеку, – смеялась Вета, – он может сбежать, а в наши планы это не входит!

Антон взял у Натальи сумку, положил ее в багажник. Мишка, наблюдая за всеми, то и дело посмеивался, ему очень нравилась эта семья, и то, как Наталья иногда смущалась и невольно вспыхивала, но держалась молодцом.

И опять он позавидовал...

– Наточка! – позвал ее вдруг незнакомый женский голос.

Все, стоявшие у машины, обернулись.

– Диночка! – обрадовалась Ната и побежала навстречу подруге.

Они обнялись, расцеловались и снова обнялись.

Когда родители получили эту квартиру и семья переехала из большой старой коммуналки, первой, с кем познакомилась здесь маленькая Ната, была Дина.

Дина была ее ровесницей, и они сразу подружились.

Никакие подростковые дразги, интриги и сплетни их не коснулись. Любые попытки со стороны сверстников разбить их дружбу только сильнее ее укрепляли. Они вместе давали отпор всем; бегали тайком от родителей на море – туда ведь не разрешалось ходить детям одним; осваивали огромные парки – они облазили там все деревья; воровали персики и шелковицу; сидя на сливе, смотрели кино в летнем кинотеатре ближайшего санатория; получали от родителей нагоняи; ныряли на диких пляжах с валунов, добывали мидии и жарили их на раскаленном куске кровельного железа – и чего только не было в их прекрасном южнобережном детстве!

Они дружили очень давно, крепко, по-настоящему, всегда поддерживая друг друга и помогая во всем.

У Дины сложилась очень непростая жизнь, как и у большинства их ровесников, но она была оптимисткой и на все беды, которые сваливались на нее, лишь махала ручкой и говорила: «Ой, ладно, все живы, все здоровы, а с остальным справимся!»

Она работала старшей медсестрой в реанимации, знала и умела побольше многих врачей и часто спасала больных без их помощи.

Замуж она так ни разу и не выходила.

У Дины была необыкновенная фигура: высокая пышная грудь, тонкая талия, крутые бедра, стройные красивые ноги – при росте метр семьдесят. Да еще копна длинных вьющихся темных волос, яркие темно-синие глаза, обаятельная улыбка – зрелище не для слабонервных!

Мужчины неизменно оборачивались ей вслед, а многие женщины тихо Дину ненавидели...

– Ната, это просто свинство! Три дня, как приехала, а мне даже не позвонила, – возмущалась подруга после того, как они обнялись, расцеловались и снова обнялись.

– Извини, Диночка, так получилось, – каялась Наталья.

– Извиню, если прямо сейчас где-нибудь присядем и поболтаем!

– Натка, может, ты нас познакомишь? – предложил Антон.

- Да, да, Дина, знакомься: это Антон, – представила его Наталья.
- Это я виноват, что она не звонила, я ее украл, – признался Ринков. – А это – мой друг Михаил, – и он указал на Мишку.
- Михаил ловко поцеловал Дине ручку.
- Очень приятно! – чуть порозовев щечками, ответила Дина, с трудом отвела взгляд от глаз мужчины и посмотрела на Наталью: – Маша мне намекала, правда, Маша?
- Я не намекала, а сказала прямо: «У нее роман», тетя Дина, ты забыла!
- Маша, – вмешалась Вета, – все уже поняли, что ты и деликатность ходите порознь, нечего это еще раз демонстрировать.
- Вот-вот, она вечно как ляпнет! – подтвердил Сашка.
- Ната, – задушевым голосом обратилась Вета к сестре. – Все, что могли, дети уже сделали, чтобы опозорить семью.
- Ма-а-ма... – протянул, извиняясь, Сашка.
- Дина, составьте нам компанию, – предложил Антон.
- Давай, Дина, мы поболтаем, а они свои мужские вопросы обсудят, поехали с нами! – загорелась идеей Наталья.
- Поехали, только маму предупрежу, я к ней в гости шла, – согласилась Дина.
- Диночка, я ей сейчас позвоню, скажу, что ты с Натой, а вы езжайте, – подала голос с лоджии Антонина Кузьминична.

Они устроились в уютном кафе на летней площадке, прямо возле моря.

Есть Наталья, Антон и Миша уже не могли после домашнего застолья и «легкого перекуса», голодной была только Дина. Она начала отнекиваться:

– Что я – одна есть буду, а вы все на меня смотреть? Я стесняться начну, кокетничать, мизинчик отставлять, клевать как птичка, изображая из себя нежную розу...

– Дина, мы не будем вас смущать, – пообещал Мишка, – честное слово! Вы же с работы, вам обязательно надо поесть.

– Ну хорошо, но попить я тоже не откажусь, – согласилась она.

И Наталья вдруг отчетливо поняла, что Дина заинтересовала Михаила – он за ней ухаживал, немного флиртовал, заигрывал, но легко, без нажима и напора.

Она вдруг занервничала.

Антон чутко уловил ее настроение, наклонился к ней и спросил:

– Что случилось? Ты как-то напряглась.

– Пойдем пройдемся немного, – тихо предложила Ната.

Он кивнул.

– Мы сейчас вернемся, минут через десять, – объяснила Наталья подружке, – ты пока ешь, Миша тебя будет охранять.

Они с Антоном неторопливо отошли от кафе.

– Ну, что случилось, Ната?

– Мишка запал на Дину, а я переживаю, – призналась она.

– Это же хорошо, что они друг другу понравились. Чего ты? – удивился Ринков.

– Не знаю, понравился ли он ей, но дело не в этом. Я боюсь, как бы он ее не обидел ненароком, не специально, я ведь вижу, что твой друг – нормальный мужик. У Дины такая внешность, на нее как на мед мужики слетаются. И обижаются хамят, возмущаются, когда она их отшивает. Им кажется, если у женщины такая фигура, то она должна думать только о сексе в больших количествах, и вообще – доступна для любых предложений. А ее всю жизнь это обижает, и она очень болезненно это переносит. У Диночки очень трудная жизнь была, она знаешь какая умница, и совсем другая – в прямом смысле: форма не соответствует содержанию. Я привыкла ее защищать в таких ситуациях, у нас даже особая тактика разработана, чтобы без проблем из таких ситуаций выходить. Но Миша ведь не знает, какая она... Вот я и переживаю!

– Наточка, – Антон обнял ее, прижал к себе, – ты не волнуйся. Дуб у нас джентльмен и тем более – не дурак: он разберется. – Он усмехнулся: – Вы сегодня с Мишкой дуэтом выступаете: он за меня волновался, тебя проверял, ты – за Дину. Прямо спасательный отряд защитников!

Они поцеловались, постояли, приходя в себя после поцелуя, как всегда, мгновенно загоревшись...

– Давай возвращаться, а то опять все бросим и побежим в гостиницу! – прошептала Ната.

Они вчетвером прекрасно проводили вечер.

Дина с Натальей рассказывали истории из своего «боевого» детства, мужчины тоже вспоминали свои детские приключения.

Им было легко, весело и как-то свободно...

У Антона зазвонил телефон. Он извинился, встал и отошел в сторону. Мишка тоже извинился и поднялся из-за стола, давая женщинам возможность поговорить наедине.

– Динка, я по привычке так встревожилась, – призналась Наталья. – Я

же сразу просекла, как он на тебя смотрит, даже на Антона наехала.

– Наточка, защитница ты моя, – умилилась Дина и чмокнула Наталью в щеку. – Все в порядке. Он очень хороший: никакого хамства, ни пошлости, ни намеков. – Она задумалась и честно, как и всегда, призналась: – Он мне нравится, очень. Я даже не помню, чтобы мне мужчина вот так, сразу, понравился. Мне с ним легко и спокойно.

– Ну, слава богу! Успокоила подругу, – выдохнула Ната.

– А скажи-ка мне, подруга, как у тебя дела там, в Москве? – перевела разговор на другую тему Дина. – Что, так и не реализовала то, что Серега предлагал?

– Дела у меня хорошо, работаю, живу. Серегу сегодня видела, он тоже меня спрашивал. Отвечаю: не собираюсь. Не хочу я, Дина, в это лезть. Денег мне хватает, зачем мне это?

– Денег не может хватать, у них всего два состояния: их или нет, или их не хватает. А тут дело принципа!

– Да пошел он, вместе с принципом! Вот ты бы полезла?

Дина задумалась.

– Не знаю, может, и нет. А теперь объясни мне, что у вас с Антоном? Курортный роман или что серьезнее?

И Ната рассказала подруге все по порядку: как они с Ринковым встретились в поезде, а потом уже здесь...

Она старалась не делать каких-то далеко идущих выводов, отложив все размышления и страхи на потом.

– Судя по всему, – подвела итог Дина, – твой Ринков – мужчина серьезный. Может, у него получится твои бега остановить. Ты же скоро четыре года как от всех мужчин, словно заяц от охотников, бегаешь. Мне еще поэтому того козла так наказать хочется! Ты и сейчас готова деру дать, придумаешь что-нибудь типа: «Я ему не подхожу, ему дети нужны» – и рванешь, очередные раны зализывать. Уж я-то тебя знаю...

– Ладно, Дин, хватит! Ты, как всегда, права. Давай лучше выпьем!

– Давай.

Они подняли бокалы, и Дина произнесла тост:

– За то, чтобы твой Антон держал тебя очень-очень крепко, чтоб ты не смогла убежать!

– Я вам обещаю, Дина, что не дам ей от меня убежать! – очень серьезно уверил Ринков, который неслышно подошел к столу.

Но смотрел он на Наталью, давая это обещание только ей.

Подтянулся и Михаил – вручил дамам по букету.

Антон протянул Наталье руку, помогая ей встать из-за стола, и

объяснил Мишке с Диной:

– Простите, но у нас срочное дело, мы вас покидаем, надеюсь, вы скучать не будете...

Антон пытался разбудить Наталью.

Он ее целовал, щекотал, стягивал с нее одеяло и уговаривал:

– Ната, нам пора вставать... Давай просыпайся, и завтрак уже ждет, кофе остынет.

– Ринков, отстань, у меня законный отпуск, я его полгода зарабатывала!

– Вставай, доспишь в машине, нам в Балаклаву надо ехать.

– На место преступления? – оживившись, спросила она.

– Не совсем так, но рядом.

– Тогда бы дал бедной девушке ночью выспаться, раз так рано надо вставать!

– Не могу, ты меня слишком сильно волнуешь!

Антон поцеловал ее и с тягостным вздохом поднялся с кровати.

– Я лучше отойду, а то мы никуда не поедem. Вставай, Ната, или я тебя сейчас в душ отнесу!

– Не надо нести, зачем нести, мы сами дойдем, – ворчала она, но из постели выбралась и, обойдя Антона по дуге, пошла в душ.

Ринков уверенно, легко и спокойно вел машину, по радио звучала тихая приятная мелодия.

Стояло совсем раннее утро.

Очень яркое, еще не выцветшее от дневного зноя небо почти сливалось с морем. Пейзажи, пролетавшие мимо, просто захватывали дух: горы, подсвеченные рассветным солнцем, сосны, кустарники с яркими желтыми цветами, спускающиеся к самой дороге, серые глыбы скал. И над всем этим плыла музыка!..

Наталья почувствовала такое умиротворение и чистую звенящую радость, словно соприкоснулась с чем-то очень высоким на мгновение... Почувствовала, как замирает сердце, останавливается дыхание от единения с этим миром и этой красотой!

Мелодия закончилась, что-то стал говорить диктор, прерывая этот удивительный миг.

– Я Дине не позвонила, как она там? – вспомнила Наталья.

– Еще очень рано, она, наверное, спит, не беспокойся. Приедem – позвонишь, – успокоил Антон. И спросил: – Скажи мне лучше, о чем это

вчера говорил твой друг Сергей?

– Не хочу я об этом. Такая красота вокруг... Смотри! – ответила она, уходя от ответа.

– И все-таки! – настаивал Антон.

– Ты, наверное, был очень хорошим агентом или «шпиёном», как это у вас там называется?

– Не был я ни агентом, ни «шпиёном», я же не разведчик. Я работал в аналитическом отделе. Просто я умный.

– И настойчивый, – добавила она.

– Да. Так что давай рассказывай, о чем речь!

– Да ничего интересного. Он предлагает мне судиться с бывшим мужем. А я не хочу и не буду.

– Что, собственность не поделили? – продолжал настаивать на подробностях Ринков.

– Ничего мы не делили, – ответила Наталья, – я просто ушла – и все.

– Что значит: «ушла – и все»? – допытывался он. – К кому-то конкретно, к другому мужчине?

– Нет, просто в никуда. Взяла сумку с вещами и ушла. Правда, он дал мне немного денег, чтобы с голоду не померла, и на том спасибо.

– Сколько это – «немного»? И что у него осталось?

– У него остались фирма с миллионными оборотами, квартира, две машины... А «немного» – это на хорошую поездку в Европу. Сережке просто хочется меня защитить, ну, и ему кажется, что надо восстановить справедливость. – Наталья задумалась, уговаривая себя успокоиться, и продолжила: – Мы вместе строили бизнес, с нуля. Оба вложили в эту фирму все, что могли: он – мозги и жгучее желание денег, я – связи, стратегию, знания – все остальное. А дальше – как обычно: «Я крутой, все мое, а ты иди попробуй что-то доказать: недвижимостью на родителей, машины на родственников оформлены! В уставе три учредителя, мифических, тебя там и близко нет, ну, все сама знаешь, сама все документы и бухгалтерию вела». А я и не собиралась что-то там просить или доказывать – просто ушла. Все, конец истории, это неинтересно...

– Интересно, – удивился Антон. – Ты же умная. Если вела бухгалтерию, все его ходы-выходы знаешь. Что, альтруизм, Наталья?

– Да не хочу я! – завелась тут же она в ответ. – Как вы не понимаете? Копаться в этом дерьме, копейки считать, лишний раз себе напоминать, что дура была и человека не разглядела. Что мне это – из огня да в полымя. Я еще от первого прессинга по долгам не отошла, а полезла что-то строить! Ну, построила, а с кем строила – только потом разглядела. Да и бог с ним...

– Вот ему точно морду набью! – зло пообещал Ринков.

– Да брось ты, это неинтересно. Он несчастный человек, его даже жалко! – отмахнулась, чуть скривившись, Ната. – И он не один такой, таких сейчас большинство. Так трястись над своими деньгами, каждый раз испытывать предынфарктное состояние, когда приходится их не на себя, любимого, тратить, а на жену, или маму родную, или любовницу! Им же жить некогда – только трясутся: не дай бог потерять бабки! У таких ведь ничего нет – ни любви, ни семьи нормальной, ни смелости. Самое интересное, что все равно потеряют – когда так боишься, обязательно потеряешь! А вы говорите – судиться... чего с больным человеком судиться.

Наталья задумалась, понемногу остывая от своей запальчивости, и продолжила:

– Мне не надо этого. Деньги я зарабатываю, мне и маме хватает. Амбиций таких, чтобы за три тысячи баксов платье носить, у меня нет. Машину покупать я не собираюсь пока – не люблю я автомобильное движение в Москве. Если что-то глобальное – ремонт или мебель новую, или шуба нужна, так я пару месяцев поавраю и справляюсь. Можно, конечно, путешествовать, но так, как я хочу, не получается.

– А как ты хочешь? Что-то экстремальное?

– Боже упаси!

Она задумалась, как лучше объяснить, это были очень личные мысли, но все же решилась поделиться:

– Я очень люблю Чехию, Испанию, Португалию, но не так, как все. Моря и солнца мне здесь хватает, я к маме по нескольку раз в году езжу, загорать я не люблю, звездность отеля меня мало волнует. Я вот с Прагой абсолютно совпадаю, чувствую ее, очень люблю по ней гулять, но не езжу, потому что это все не то. Мне хочется вдвоем, взявшись за руки, брести по улицам неизвестно куда, заходить в маленькие магазинчики, рассматривать всякие безделушки, сесть в подвернувшемся кафе, выпить пива, а если это Испания, то вина... Чтобы никуда не торопиться, заблудиться вдвоем в городе, брести к морю, зайти в таверну, подальше от туристов, попробовать местные деликатесы, вернуться в гостиницу, лучше простую, с балконом, видом на море, открытыми дверьми, летящими легкими занавесками... – Наталья спохватилась: – Извини, тебе, наверное, неинтересно.

– Интересно! Очень! – каким-то приглушенным голосом ответил Ринков.

Он стал притормаживать, съехал на обочину и остановил машину.

– Давай выйдем, постоим, – предложил он и стал выбираться из машины.

Антон довольно часто бывал в Европе по делам своей фирмы.

А когда переговоры и дела заканчивались, он с трудом переносил вечера перед отъездом, когда оставалось время и можно было осмотреть город.

Он хотел и подсознательно даже мечтал о таком вот отдыхе, о котором говорила Ната.

Именно так: вдвоем, за руки, потеряться вдвоем в чужом городе, брести неизвестно куда, заходить в кафе, целоваться. Он гнал от себя эти ожидания, потому что был уверен – в его жизни такого никогда не будет. Не будет у него такой женщины, во всем созвучной его душе.

Где ее найдешь-то, созвучную?

Сейчас, когда Наталья делилась своими очень личными мыслями, у него перехватило дыхание, так это совпадало с его ожиданиями.

Они стояли – она впереди, он сзади, обнимая ее руками за талию – и смотрели на картину, открывающуюся перед ними. Крутой склон, поросший можжевельником, море, спускающиеся к морю горы, встающее солнце...

– Мы обязательно поедem в Прагу, и в Испанию, и в Португалию, и будем гулять, взявшись за руки, – пообещал Антон.

Они специально выехали пораньше, Ринкову надо было присмотреться.

Они объехали окрестности города, свернули на старую заброшенную дорогу. Несколько раз Ринков выходил из машины, оглядывался на местности, отмечая для себя нужные детали. Потом проехали по всему городу и, оставив машину на стоянке, пешком прошли туда, где было обозначено начало экскурсии.

Экскурсии проходили на небольших катерках, курсировавших вдоль берега.

Гид рассказывал об истории города, войнах, проходивших в Крыму, значении и важности расположения Балаклавы и еще о многом.

Их подвезли к очень красивым гротам.

В скалах укрomно прятались естественные заливчики, добраться до самого интересного из них можно было, только нырнув и проплыв под водой в проход, похожий на арку.

Это было не такое уж простое дело – нужно было угадать момент между приливом и отливом волны.

Экскурсовод объявил, что они здесь останются и желающие могут поплавать, а кто посмелее – попробовать поднырнуть в грот. Довольно много желающих бросились купаться, но никто не решался проплыть внутрь грота.

Вода была такой чистой, что просматривалось дно, в обрамлении скал и яркого синего неба эта картина завораживала потрясающей красотой!

– Ты будешь плавать? – спросила Наталья у Антона.

– Да, чуть попозже, – ответил он.

По оперативным данным, его фигуранты снимали жилье на полтора дня в Балаклаве и поучаствовали именно в этой экскурсии. Спрашивается: зачем? Они разъезжали по всему Крыму, производили массу встреч с разными людьми, а тут – экскурсия какая-то. Вот он и поехал, чтобы на месте осмотреться и сделать выводы на этот счет. Тем более именно в этом городе проездом побывал и Хаким. И что самое настораживающее – совсем недалеко отсюда находился тот заброшенный склад, на который разгрузили гранатометы.

– А я, пожалуй, сейчас поплаваю.

Ната не стала, как другие, осторожно спускаться по лесенке, приставленной к катерку. Она встала на борт и нырнула – очень красиво, по

дуге, войдя в воду.

Антон смотрел, как она ныряет, восхищаясь ее мастерством.

Она долго не показывалась на поверхности, и Ринков вдруг занервничал, поднялся с бортика, на котором сидел, вглядываясь в поверхность воды. Натальи все не было, неосознанно он потянулся расстегивать рубашку, продолжая внимательно искать ее взглядом. И тут она наконец вынырнула – далеко, возле самого каменного уступа перед гротом.

– Ну, акула! – не то восхищаясь, не то возмущаясь, воскликнул Антон.

Он разделся и нырнул следом за ней, Ната поплыла ему навстречу. Они встретились на полпути – он вынырнул прямо перед ней и сразу принялся отчитывать:

– Ната, больше меня так не пугай!

– Ты что, Антон, все нормально! – удивилась она. – Я очень люблю плавать и нырять, я же здесь родилась и выросла.

– Ну и что, это же море, может случиться что угодно! – Антон ворчал, осознавая, что действительно испугался, притянул ее к себе одной рукой и поцеловал в соленые губы.

– Хорошо, не буду, – сразу согласилась она.

Они наслаждались теплой водой и окружающей их красотой.

И вдруг, совершенно непонятно – отчего, Ринков почувствовал какое-то странное напряжение, слегка зазвенела интуиция, что-то его насторожило...

Он стал осторожно осматриваться вокруг.

Высокие поднимающиеся скалы, грот, выступающая в море глыба камня, за ней, вдоль берега – еще один залив; стоят катерки, ожидая экскурсантов, решивших поплавать; люди в воде, кто-то подбадривает смельчака, рискнувшего пронырнуть в грот...

Все вроде спокойно.

Что же тогда?

Всех экскурсантов, как и гидов и моряков, на катерах, он рассмотрел еще на берегу, до отправления, никто не вызвал подозрений.

«В чем дело?» – прислушивался к себе Антон.

Он привык доверять своему чутью, безошибочно предупреждавшему об опасности.

К нему подплыла Наталья.

– Что-то случилось? – уловила она его настрой.

– Пока не знаю, но что-то не так. Давай-ка держись ко мне поближе на всякий случай!

Он заплыл за корму, подтащив за собой Наталью так, чтобы между берегом, экскурсантами и ими находился катер. До берега, вернее до входа в грот, было недалеко, метров тридцать. Антон продолжал осматриваться.

И вдруг он увидел!

Наверху, на краю скалы, стоял человек и рассматривал в бинокль окрестности. Расстояние между ними было большое, но Антон сразу понял: Хаким!

Хаким осматривал весь берег. Медленно, тщательно, неспешно.

Позиция у него была очень удобная. С той точки, где он стоял, просматривалась часть города вдаль, и вход в акваторию, и вся прибрежная полоса. Он медленно переводил бинокль вдоль берега. Вот сейчас он начнет рассматривать их группу...

Решение пришло до того, как он успел его обдумать.

– Ныррем, Ната, вдохни поглубже, нам надо доплыть под водой до залива! Быстро, раз, два, три!

Они нырнули и поплыли как можно быстрее.

Наталья не стала задавать вопросов, не спорила, она была так настроена на Ринкова, что сразу почувствовала: это очень важно для него.

Впереди уже виднелась подводная часть арки в скале, через которую надо было проплыть в закрытый грот.

Воздуха у них совсем не оставалось, сил тоже...

Чтобы пронырнуть, надо было ждать, когда отойдет волна, и только в этот момент безопасно проплыть под аркой. Времени не оставалось, поэтому Ната опустилась поглубже и поплыла вперед. Она выскочила на поверхность внутри грота, как пробка из шампанского. Антон ей немного помог, сильно дернув вверх за руку – он вынырнул первым.

Ната, держась рукой за край скалы, постепенно приходила в себя и выравнивала дыхание.

– Наточка, ты умница, ты просто молодчина! Как ты, в порядке?

– Ринков, я все поняла! – Она никак не могла отдышаться. – Тебе не нравится моя фигура, поэтому ты решил приобщить меня к спорту, не словом, а делом: пробежки по набережной, ночной марафон в постели, а теперь – быстрое подводное плавание, на время. Может, оставим как есть, ну его, этот спорт, мне моя фигура нравится...

– Мне тоже очень нравится!

Он притянул ее к себе, поцеловал в соленые губы и объяснил тихим голосом:

– Там Хаким, наверху, на скале. В бинокль осматривает окрестности. Нельзя, чтобы он нас с тобой увидел. Он нас еще в поезде, в ресторане,

«срисовал» и запомнил. Два раза одни и те же лица, да еще здесь, где у него какой-то явный интерес: в такие совпадения он не верит. Ладно, в городе бы столкнулись – ну, отдыхают люди, роман у них, это понятно. Но если роман, чего в Балаклаву поперлись, уже надоели друг другу за несколько дней? Он такой факт не упустит.

Ната уже отдышалась и внимательно его слушала.

– Ты очень здорово плаваешь, мне повезло, если бы не это, он бы нас засек, сто пудов! Но как он здесь оказался и почему мне не сообщили, что он сюда направляется? Значит, он от них ушел! Твою мать! Телефон на катере в вещах!

– Ринков, нам ведь возвращаться все равно придется. Сколько он там торчать будет?

– Не знаю. А возвращаться придется, это точно.

Ко входу в грот подплыли два парня из их группы, один из них прокричал:

– Как вам удалось пронырнуть?

– Решили попробовать, и получилось, – ответил Антон и спросил: – Там наверху, на скале, человек стоит, мне показалось, он нырять собрался, ненормальный!

Один из парней отплыл подальше и стал смотреть наверх.

– Нет никого, не рискнул, наверное, – прокричал он.

– Вот и славно, – тихо, для Натальи, пробомотал Антон.

– Возвращайтесь, уже отправляемся, – позвал громко второй парень, – а мы посмотрим, как вы это проделываете!

– Ну что, ты готова? Надо выбирать, путь свободен.

– Да, давай ты впереди.

Они подплыли поближе к выходу, дождались нужного момента. Антон нырнул первым, Ната сразу за ним. Вынырнув на другой стороне, он поддержал ее, давая возможность передохнуть, а сам в это время внимательно осматривал скалы вокруг.

Никого не было видно, да и он чувствовал, что Хаким ушел.

Антон поцеловал Натю и пошутил, процитировав из известного фильма:

– Наяда моя!

Она рассмеялась.

Они поднялись на катер, Ринков сразу же связался с кем-то по телефону и долго разговаривал, отойдя на корму, которая в это время пустовала.

Когда они ехали в машине, возвращаясь назад, Наталья спросила:

– Ты мне так и не сказал, о чем догадался...

Антон рассказал ей о проложенном Хакимом маршруте и о пропавшем грузе огромной партии наркотиков. Что к пропаже был причастен Хаким, Ринков не сомневался:

– Я только не могу понять, зачем он так рискует: прет два груза сразу, и как он вообще собирается его отсюда вывезить!

Какая-то мысль, даже не мысль, а намек, мелькнула у Ринка там, в Балаклаве, но он так и не смог ее уловить...

Оставшуюся дорогу они ехали молча, слушали музыку.

Наталья дремала.

Ему нужно самому сходить туда, на склад оружия.

Ребята его, разумеется, проверили, но он и не собирался проверять.

Ему нужно местность посмотреть, почувствовать это место.

Днем это делать нельзя, сегодня уже чуть не засветился, да и, может, кто за складом приглядывает. Серьезной системы охраны там нет наверняка, если вообще какая-то есть. Если Хаким там и был, то по-тихому, один раз – убедиться, что все на месте, он абсолютно уверен, что про склад никто не знает и не будет привлекать к нему внимание.

«Вот и славно! А мы сходим, посмотрим что почем. Чего его туда сегодня принесло? И ведь смог от всех наблюдателей и наших, и ваших уйти на раз, два!»

Идти ночью – это не прогулка под луной, это серьезное мероприятие, с маскировкой и кое-каким оборудованием.

Все это надо объяснить Наталье, а как это сделать – Антон еще не придумал.

Когда они вернулись в гостиницу, Наталья сразу пошла в душ, а Антон заказал обед в номер.

Номер, который он снимал, был довольно просторным.

Слева от входа располагались три двери: большая гардеробная со стеллажами для вещей, рядом – дверь в ванную с душем и туалетом, следующая дверь вела в еще один туалет. Половина выступающей стены отделяла эти двери от гостиной.

Прямо от входа начиналась большая гостиная: кожаный диван, два кресла, столик. Слева от дивана, возле половинчатой стены, – красивый комод, на нем музыкальный центр. Справа от входной двери – большой телевизор, отделенный ажурным стеллажом. В центре, занимая почти всю

комнату, раскинулся большой персидский ковер. Справа – французское окно во всю стену, с выходом на балкон. На противоположной входу стене, справа – широкие раздвижные двери в спальню, постоянно открытые.

Почему-то они с Натальей ни разу не пользовались столиком в гостиной, предпочитая сидеть у сервировочного, стоявшего возле кровати. Телевизор и музыкальный центр они пока не включали, им это было не нужно.

Не зная, как ей объяснить свой ночной поход, Антон включил музыку и переставил привезенный официантом заказ на столик у дивана.

Наталья вышла из душа и воскликнула, увидев эти приготовления:

– Боже, какой политес! А я без вечернего платья!

– Ничего, ты во всех нарядах хороша! Давай поедим.

Они ели и болтали, а он так и не сказал ей о том, что задумал.

Вскоре Антон увидел, что Ната засыпает прямо за столом, поднял ее на руки, отнес на кровать, устроил поудобней, обнял и полежал с ней рядом. Когда она уснула, Ринков поцеловал ее, осторожно выбрался из постели и пошел звонить Деду, руководителю группы и Мишке.

Генералу он рассказал о новостях, сделал несколько запросов по документам.

С руководителем группы договорился о необходимом снаряжении на сегодняшнюю ночь, обсудил детали взаимодействия.

Последним Антон набрал номер друга:

– Привет, Дуб, как идут наши официальные дела? Богатеем?

– А то! Объем работ я посмотрел, контракт они изучили, в общих чертах – договорились. Цифры, размеры снял, надо посчитать, и вперед – подписываем смету, и можно наших ребят с аппаратурой присылать!

– Молодец! Дуб, у тебя вечер, вернее ночь, не занят?

– Настоящий мужчина на такие вопросы не отвечает. А что, вы предлагаете ночное гулянье?

– Ага, и очень конкретное гулянье. Ты мне нужен, вдвоем веселее.

Дуб помолчал, понимая, о каком «гулянье» идет речь.

– Ты мне свидание испортил! Как мне теперь девушке объяснять свое отсутствие?

– Вот и я не знаю! – вздохнул Антон.

Они договорились о встрече.

Им необходимо было метр за метром изучить карту. Решить, как лучше идти, чему уделить особое внимание, проговорить детали разведывательного рейда.

В принципе это была не боевая операция, ничего сложного не

ожидалось – осмотреться на местности, проверить склад внутри...

Но Антон и Мишка были боевыми офицерами, прошедшими через такие ситуации, которых хватило бы на дивизию специалистов. Они твердо знали, что не бывает простых или сложных операций, в экстремальных условиях ситуация может измениться в одну секунду. И, казалось бы, совершенно простая задача может обернуться чем угодно – от неравного боя до полного провала операции.

Поэтому они привыкли к каждому оперативному мероприятию готовиться тщательно, детально, просчитывая любые варианты развития событий.

Антон вернулся к Наталье в постель, прижал ее к себе и уснул.

Ему надо было выспаться.

Ната проснулась хорошо отдохнувшей, непривычно быстро приходя в себя ото сна. Рядом спал Антон, одной рукой держа ее за талию, другой – за плечи, его правая нога была закинута поперек ног Натальи, не давая ей пошевелиться. Она попыталась осторожненько выбраться, но он прижал ее к себе еще крепче и проснулся.

Мгновенно.

– Ты выпалась?

– Да, просто замечательно отдохнула.

– Ната, нам надо поговорить.

– Не пугай меня, Ринков! – Она занервничала: – Говори сразу, чтобы я ничего не придумывала!

Он помолчал:

– Мне надо еще раз туда съездить. Посмотреть местность, проверить склад, изучить подходы-отходы, дороги к нему. Послушать, присмотреться.

– Ночью? – уточнила она.

– Ночью, днем никак нельзя. Может, кто из местных там присматривает...

– Ясно, – спокойно ответила Ната, – разведывательный, так сказать, рейд.

– Что-то в этом роде.

– Боевой друг Миша, как я понимаю, тоже принимает участие?

– Правильно понимаешь. Ничего сложного. Просто сходим, посмотрим и вернемся, – почти весело уверил он.

Наталья выбралась из его объятий и пошла умываться.

Конечно, она расстроилась. Бог его знает, что там может случиться...

«Ната, он специалист, он участвовал... Он все про это знает, ему виднее, как надо. Что ты паникуешь, ну не в стан же врага он собрался!

Давай бери себя в руки!» – уговаривала она себя, пока умывалась.

Она вышла из ванной.

Ринков сидел в кресле, напряженный, и ждал ее.

Он нервничал, не зная, как она отреагирует, но чувствуя, что от того, как она примет ситуацию, зависит очень многое.

Наверное, даже самое важное – сложится у них жизнь или нет.

Ната подошла и забралась к нему на колени, он тут же прижал ее к себе.

– Я не могу обещать, что не буду волноваться. – Она помолчала. – Думаю, ты прав, я бы сама на твоём месте полезла бы проверить, что там.

Антон поцеловал ее в макушку, зажмурился и прижался лбом к ее голове.

– Моя мама всегда так отцу говорила: «Саша, не могу обещать не волноваться...»

Он помолчал и продолжил:

– Они с отцом рано поженились, сразу, как он училище окончил, он военный был, в ВДВ служил. Она с ним по всем гарнизонам моталась, а потом и я с ними. Когда надо было в школу идти, меня у бабушки в Москве оставили. Через несколько лет отца в штаб перевели, и они с мамой тоже в Москву приехали. Мама у меня была замечательная: веселая, быстрая, мудрая, на ней весь дом держался. У нас дача была в Ильинском с огромным участком и двухэтажным старым домом. Там всегда летом вся семья собиралась: дядьки, тетки, братья, сестры. Мама была стержнем всей дачной жизни. Они по вечерам садились на веранде и часами чай пили, шутили, в преферанс играли, рассказывали истории, а мы, дети, подслушивали. Когда отец вышел в отставку, они туда совсем переселились. Однажды поехали в Москву, на день рождения тетки Лены, сестры матери. На их машину налетел грузовик с пьяным водителем за рулем. Они сразу погибли, оба. Я на задании был, узнал только через две недели. А дачу я потом продал – она без мамы словно умерла... И вроде как родственники все остались, а семьи дружной не стало. Теперь все как-то порознь.

Ната обняла ладонями его голову, приподняла и нежно поцеловала в уголки губ, затем заглянула ему в глаза и сказала:

– Зато никто из них друг друга не пережил. Это тоже счастье.

Антон притянул ее к себе и крепко поцеловал в губы, отгоняя печальные воспоминания и благодаря ее за понимание и утешение.

– Я поеду сейчас домой, к маме. С Диной встречу. Вам ведь с Мишей, и с кем там еще, наверняка надо все обсудить, – ласково сказала

она.

– Да, Дуб скоро появится. Потом мы пойдем все вместе поужинаем. Ты знаешь здесь хороший ресторан, где вкусно кормят?

– Конечно, знаю.

Дома Нату засыпали вопросами, восклицаниями, баловали преувеличенным вниманием. Димка, как обычно, забрался к ней на руки и все вздыхал: «Ната!» – и прижимался к ней. Ей пришлось его купать, кормить, укладывать спать и петь колыбельную...

Дина зашла за ней, чтобы вместе идти в ресторан.

Узнав об этом, мама тут же усадила девочку за стол.

– Нечего вам по ресторанам питаться, загубите желудок. Поешьте дома, а там по салатику легкому возьмете, десертик какой-нибудь, деньги сэкономите и здоровее будете! – И добавила, как бы между прочим: – Да и мужчин своих, девочки, надо дома кормить, а не в ресторанах!

Сопротивляться было бесполезно, они с аппетитом поели, выкатились из дома сытые, как колбки, и решили идти пешком: поговорить и «утрясти» мамин ужин.

– Как вы вчера вечер провели? – спросила Ната.

– После вашего откровенного побега? – усмехнулась Дина.

– Ну, любят люди по набережной бегать, вместо зарядки, что ж теперь? – смеялась Наталья.

Дина с Михаилом улыбнулись друг другу с пониманием, когда Антон спешно увел Наталью, и не стали обсуждать своих влюбленных друзей.

Когда Дина под ненавязчивый легкий разговор ни о чем доела свой ужин и они допили вино, она, тяжело вздохнув, призналась:

– Я бы с удовольствием с вами прогулялась, Миша, природа и погода располагают и собеседник вы очень приятный, но я даже не знаю, как со стула встать и домой добраться. День сегодня трудный выдался на работе, сил не осталось. Да еще вина выпила, немножко развезло меня... Так что, извините, прогулка отменяется.

– Может, отменять не будем, а перенесем на завтра? – предложил Мишка. – А домой мы вас сейчас доставим.

– Хорошо. Давайте завтра. У меня как раз выходной, – легко согласилась она.

Миша помог ей встать, галантно подав руку. Недалеко от кафе он поймал такси и поехал вместе с Диной. Проводил до дверей квартиры, спросил номер телефона, поцеловал ее тонкие пальцы и ушел.

– Я даже расстроилась. Представляешь? – поделилась Дина с подружкой. – Никаких намеков, мол: «Вы мне нравитесь». Просто: ну, не сегодня, так прогуляемся завтра!

– Это же хорошо, Динка! Ты же терпеть не можешь, когда сразу переходят в атаку! – порадовалась за нее Ната.

– Это я с другими терпеть не могу! А с ним я бы точно сразу – «в атаку»!

– Так! – Наталья даже растерялась. – Дина, ты что? Любовь с первого взгляда?

– Да не знаю я! – с отчаянием сказала Дина и безнадежно махнула рукой. – Наверное... Мне с ним так спокойно, так хорошо рядом. В жизни никогда такого не испытывала. Вот сейчас знаю, что его увижу, и нервничаю, как девчонка!

– Диночка! Он хороший, замечательный, но вы оба такие... – Ната с трудом подобрала определение: – У вас может быть только что-то очень настоящее, либо вообще ничего. Характеры – огонь, да и досталось вам обоим в этой жизни!

– Все это так, правильно, – улыбнулась грустно Дина. – Но вот я сейчас думаю, что бросила бы все к чертовой матери и пошла бы за ним куда угодно, если б он позвал. Вот так, подружка! И мне от этого страшно, и мысли дурацкие, как у школьницы: понравилась я ему или нет?!

А Мишка испугался. Первый раз в своей жизни он так испугался самого себя и своих неожиданных чувств.

Как только он увидел Дину, там, возле машины во дворе Натальино дома, когда она подошла к подружке, – его словно токомшибануло!

Он глаз от нее отвести не мог и сразу понял: «Все! Я попал!»

Он смотрел на нее – на ее руки, лицо, как она двигается, слушал ее голос, как она говорит и смеется, чувствовал ее колдовской запах и погружался во все это, как будто тонул – совершенно безысходно...

Он понял сразу, что она – та женщина, которую он ждал, которая грезилась ему ночами и в горячем бреду ранений. Образ ее в его воображении казался размытым, нечетким, но таким понятным, родным – та женщина, которую он уже не надеялся найти, когда-нибудь встретить.

Сорокадвухлетний мужик, которого жизнь закалила как дамасский клинок, благополучный, здоровый, богатый, уверенный в себе – вдруг исчез.

Он снова почувствовал себя тем беспризорным мальчишкой, который

дрался как волчонок в детском доме за кусок хлеба, за свое «я», за свою жизнь!

Не может он, детдомовский безродный оборванец, подходить такой женщине! Не может!!

И от этого ему хотелось завывать и, как в детстве, поступить наперекор людской презрительной, брезгливой жалости к ним, детдомовцам, – схватить ее и утащить, присвоить себе.

И это пугало его безумно.

Он видел, как напряглась Наталья, и понял: она боится за Дину, и сразу решил, что она его осуждает, что он не подходит ее подруге.

И по старой сиротской привычке обозлился.

Он даже встал и отошел, чтобы немного успокоиться, скинуть бессильную обиду.

Он так ее хотел прямо сейчас, всю, так что приходилось жестко себя контролировать, как в бою. Он боялся напугать Дину силой своих эмоций и желаний. И очень удивился, когда Наталья спокойно ушла с Ринком, оставив их вдвоем с Диной, и даже осторожно рискнул спросить у самого себя: может, он ошибся и Наталья не считает его таким уж недостойным?..

Мишка обрадовался, что прогулки не будет, хотя, по логике, она предполагалась – прекрасный курортный вечер, набережная...

Но в этот вечер ему трудно давался самоконтроль.

Отказаться от этой женщины он уже не сможет никогда! Поэтому Михаил и напросился на завтрашнее свидание, надеясь пересилить в себе все эти страсти и просто побыть рядом.

Когда Ринк предложил «ночное гулянье», Мишка испытал два противоположных чувства одновременно – облегчение, потому что точно знал: он не сможет просто ходить с Диной под ручку, гулять, мило беседуя, как бы жестоко он себя не контролировал; и досаду, замешанную на надежде – а вдруг она его не прогонит?..

В ресторане, ожидая ее прихода и постоянно поглядывая на двери, он весь извелся, не зная, насколько его хватит, чтобы удержать себя от того последнего шага, после которого назад пути не будет.

«Господи! Помоги мне!» – подумал Мишка, увидев Дину.

Дина с Натальей подошли к столику. Мужчины встали, Антон поцеловал Нату в щечку, поухаживал за дамами, отодвигая стулья, все расселись, стали заказывать ужин, отказавшись от спиртного. Мужчины, невзирая на поздний час, заказали горячие щи. Ната про себя отметила это, понимая, что подготовка к «ночной работе» уже началась.

Легкая беседа за столом не клеилась.

Все четверо чувствовали напряжение, хотя совершенно по разным причинам. Мальчики уже фактически находились в работе, Ната переживала за них, а Дина...

А Дина вдруг не выдержала:

– Вы знаете, я думаю, что сегодня у всех был трудный день, и поэтому не получается у нас легкого застолья. Правда? Вы извините, но я, пожалуй, пойду, мне завтра на работу.

И она постаралась дружески улыбнуться, хотя все внутри у нее дрожало от напряжения и слезы подкатывали к глазам.

Михаил весь вечер был неизменно галантен, подчеркнуто вежлив и, как ей показалось, холодно отстранен с нею. Больше она не могла этого выдержать. Всему есть предел!

Еще по дороге в ресторан Ната предупредила, чтобы Дина даже не смела думать о том, чтобы попытаться заплатить за себя. Вот и хорошо, не надо ждать счет!

Дина резко встала, взяла сумочку, наклонилась и поцеловала Наталью.

– До свидания, надеюсь, мы еще увидимся! – попрощалась она с мужчинами, ухитрившись напоследок улыбнуться.

Наталья вскочила и пошла ее провожать.

– Наточка, ты же сама все видишь, я ему неинтересна, – пожаловалась Дина, когда они вышли из ресторана. – Поймаю такси и поеду домой.

– Я вас отвезу, Дина, – раздался у них за спиной спокойный голос Михаила, который совершенно бесшумно вышел следом за ними.

– Не надо! – резко ответила Дина.

Еще и в одной машине с ним ехать!

– Диночка, пусть тебя Миша отвезет, что ты будешь такси ловить, – уговаривала ее подруга.

Дина подумала и решила:

– Хорошо, спасибо.

«Бог с ним, пусть везет! Я ведь большая девочка и смогу это выдержать. Буду в окно смотреть, – мысленно уговаривала она себя. – А то еще решит, что я истеричка какая-то!»

Она расцеловалась и попрощалась с Натальей и решительно направилась к машине, которая стояла недалеко от входа в ресторан.

Но когда уже взялась за ручку дверцы, то вдруг совершенно отчетливо поняла: нет, не поедет она с ним. Она просто не сможет!

Он проводит ее до дверей квартиры, поцелует руку и опять уйдет. Как вчера!

– Нет, – отрезала Дина, отдернула руку от дверцы машины и

посмотрела на него, – я больше не могу!

– Я тоже, – тихо произнес Михаил.

Он рванулся к ней, оказался неожиданно рядом, прижал ее к себе и стал совершенно неистово целовать: волосы, лоб, веки – куда пришлось!

– Миша... – шептала Дина. – Мишенька...

Он не слушал, не мог – поцеловал ее в губы, затянув поцелуй почти до обморока!

Оба тяжело дышали, он крепко обнимал и прижимал к себе.

– Миша... – начала Дина, но он ее перебил:

– Я больше не могу без тебя, просто не могу, и все! Кончились у меня силы сдерживаться.

Он ждал, что она его оттолкнет или даже по морде даст, но она лишь счастливо рассмеялась:

– Миша, давай попробуем доехать домой!

– Что? – Он растерялся и не мог поверить.

– Домой! У меня тоже больше нет сил сдерживаться.

– Дина... – Мишка опять кинулся ее целовать. – Диночка!

Кое-как оторвавшись друг от друга, они все-таки сели в машину.

До ее дома было пятнадцать минут езды.

Они долетели за семь!

Ната с Антоном брели неторопливо по набережной, держась за руки.

Со всех сторон доносилась музыка, громкий смех – обычный вечер курортного города.

Антон спросил:

– Ты домой поедешь, я имею в виду – на ночь?

Она остановилась, посмотрела на него внимательно.

– Нет, я буду тебя ждать в номере. Ты волновался об этом?

– Да! – Он притянул ее к себе.

Они постояли, помолчали, обнявшись, и Ната, уходя от всего несказанного, трудного, еще непонятного, от своих страхов и нерешительности, сказала:

– Динка влюбилась в твоего Мишку!

– Он тоже, – ответил Антон, жалея, что она перевела разговор на другую тему.

– Не может быть! – Она подскочила, ударив его в подбородок макушкой.

– Ой, извини. – Она тут же поцеловала ушибленное место.

– Еще как может! – уверил ее Ринков. – Я его знаю и таким первый раз

вижу.

– Господи! – воскликнула она. – Только бы у них все получилось!

– По-моему, у них уже все получилось... – усмехнулся Антон и предложил: – Пошли, нам с Мишкой скоро ехать, придется прервать романтическое свидание.

А Михаил все никак не мог оторваться от этой женщины!

Он жалел, что у него не десять рук, чтобы обнимать ее всю сразу...

Ему пора было уезжать, а он не знал, как расстаться с ней, как объяснить свой неожиданный отъезд в самый неподходящий момент.

– Диночка, родная моя, мне нужно сейчас уехать. У нас с Ринком дело одно очень важное, по работе.

– В Москву? – поникла Дина, с трудом ориентируясь в действительности.

Они лежали на полу.

После первых сумасшедших минут – они даже дверь входную не закрыли! – и не до дивана им было, его еще раздвигать требовалось, какое там!

Они просто наскоро побросали на пол одеяло, подушки, плед... и кинулись друг к другу.

Он поцеловал ее и засмеялся:

– Нет, не в Москву, тут недалеко. Я утром вернусь. Ладно? – спросил он и заглянул ей в глаза.

– Утром? – Она стала осознавать, что вот прямо сейчас он собирается уходить. – Подожди, я ничего не поняла. Ты сейчас уйдешь, что ли?

– Да, но я вернусь рано утром. Ты меня отпустишь? – встревожился Михаил.

– Что, это очень важное дело? – удивилась Дина и чуть отодвинулась, чтобы лучше видеть его лицо.

– Просто его надо сделать, – быстро ответил он. И переспросил настороженно: – Так ты вступишь меня утром?

Он боялся – все равно он оставался оборванцем, даже со всеми своими нынешними регалиями и заслугами и положением в социуме.

– Конечно! – удивилась его напряженному волнению Дина. – Только мне на работу надо будет...

– Слава богу! – Он перевел дух. – Я так боялся, что ты неправильно меня поймешь!

– Миша, как неправильно? Что ты бросаешь меня и убегаешь в тот самый момент, когда, по идее, все только начинается?

– Да, потому что выглядит все именно так...

Он запутался и поцеловал ее, пытаясь успокоиться.

Ну не выгнала же она его прямо сейчас.

Может, все хорошо будет!

– Ты же не знал, что у нас сегодня все так получится...

– Я знал, что будет фантастически! С самого начала, когда только тебя увидел. И еще я знаю, что я тебе не подхожу. Я детдомовец, я даже толком не понимаю, как нормальные семьи живут...

Вот он и высказал ей свои страхи. И, холодея внутри, ждал, что она ответит. Быть посланным далеко и насовсем все еще оставалось перспективой!

– Ну и что? Можно подумать, что те, которые росли в полных семьях, все живут счастливо и весело! При чем тут это, Миша? – поразилась она.

– Ну... Я же беспризорник был, шпана... А ты сильная, умница, красивая, вся такая... домашняя! Такие девочки совсем для других мальчиков предназначаются.

– Миша, ты Дуб, это точно! – возмутилась Дина. – При чем это? Главное – какой ты сейчас. Ты не сломался, а закалился, сильнее стал от всего, что на тебя свалилось. Ты – замечательный, настоящий, сильный мужчина! А я что-то среди папенькиных-маменькиных мальчиков таких не встречала в своей жизни!

Ему захотелось плакать.

От облегчения и радости, от предчувствия будущего счастья, от того, что она нашлась наконец и теперь рядом.

Он прижался лбом к ее лбу, загоня слезы внутрь, перевел дыхание, поднял голову, заглянул ей в глаза и спросил:

– Ты выйдешь за меня замуж? – И опять затаил дыхание.

– Ну конечно, выйду, Мишенька! – рассмеялась она.

– Хорошо! – Он стал быстро ее целовать. – Диночка, хорошо, просто замечательно!

Зазвонил будильник, выставленный на сотовом телефоне на полчаса раньше их отправления. Мишка встал, нашел брюки, на поясе которых висел телефон, выключил будильник и принялся быстро собираться. Дина завернулась в плед и подошла к нему.

Михаил умудрялся делать три дела сразу: одеваться, целовать ее короткими поцелуями и говорить:

– Диночка, ты не ходи на работу, пожалуйста. Вот прямо завтра увольняйся. Как только я здесь все закончу, полетим в Москву и сразу

поженимся, пока ты не передумала...

– Я не передумаю, ты не бойся!

Он уже стоял у дверей и никак не мог уйти. Дина его перекрестила, поцеловала, прижалась к нему и попросила:

– Не думай ни о чем плохом. Позвони, когда будешь возвращаться, я завтрак приготовлю.

– Не надо завтрак – тебя надо. Хотя завтрак – это тоже здорово!

Мишка поцеловал ее еще раз – на прощание – и выбежал из дома.

Он уже опаздывал.

Антон с Натальей не спеша дошли до гостиницы к положенному времени.

Ринков, не скрывая сожаления, объяснил ей, что если они придут раньше, то обязательно окажутся в постели, и ему будет сложно себя от нее «отдирать».

Они поднялись в номер, Антон созвонился с руководителем группы, чтобы узнать, все ли идет по плану.

Появился Мишка, сразу подошел к Наталье, взял ее ладони в свои руки и, заглядывая ей в глаза, попросил:

– Наточка, пожалуйста, позвони Дине, объясни ей как-нибудь нашу поездку, – он все еще немного опасался, не мог до конца поверить, что у них с Диной все будет хорошо.

– Конечно, Миша, ты не волнуйся, – пообещала Ната.

– Все, Дуб, пошли, – приказал Ринков.

Наталья поцеловала его в губы, Михаила – в щеку, перекрестила их обоих:

– С богом!

Как только мужчины ушли, она сразу позвонила Дине.

– Да, – Ната услышала, что Дина плачет.

– Диночка, не расстраивайся, пожалуйста, они действительно ушли по важному делу, – принялась уговаривать Наталья.

– Я и не расстраиваюсь! – продолжала плакать подруга.

Наталья успокоилась.

– Чего ты плачешь тогда, глупенькая! – прикрикнула она.

– От счастья!

– От этого не плачут, а радуются!

– Вот я и радуюсь. Он мне предложение сделал...

– И что ты ответила? Да прекрати реветь!

– Со-огласилась, конечно! Я же его всю жизнь ждала, – заревела Динка с новой силой.

– Или прекратишь плакать, или я сейчас приеду – соплю тебе вытирать! – притворно строго пригрозила Наталья, сама еле сдерживая слезы.

– Не надо приезжать, я сейчас успокоюсь. Мне поспать надо хоть немного...

– Вот и поспи. Теперь все хорошо будет!

– Я тебя люблю, Натка! Ты меня всю жизнь спасала, а теперь мужика родного привела...

– Ты меня только за это любишь?

– Нет, за твой стержневой характер тоже. И ни за что, просто так люблю!

– Я тебя тоже. Давай, Дин, попробуй уснуть.

– Ладно, умеешь ты подружку успокоить...

Антон с Михаилом подъехали к пляжу, где в условленном месте их дожидалась спрятанная сумка со всем необходимым. Мишка вышел и растворился в темноте. Через пять минут он вернулся, закинул сумку на заднее сиденье и сел на свое место.

Следующим пунктом плана значился частный дом на окраине города, в гараже которого они оставили машину с прокатными номерами – «девятку», пересели в нее и выехали на трассу.

Им предстояло провести еще примерно полчаса в пути, можно было поговорить и расслабиться.

– Я женюсь, командир! – весело сообщил Мишка.

– А она согласна? – уточнил Ринков.

– Да.

– Я рад. Везет же тебе, Дуб!

– А что, у тебя с этим проблема? – подивился Михаил.

– Пока, да, – Антон вспомнил, как Ната ушла от разговора о свадьбе. – Но я справлюсь.

– Кто бы сомневался!

Они помолчали, думая каждый о своем.

Через десять минут Антон выключил музыку – расслабон закончился, началась работа.

Ринков поставил машину возле пятиэтажки, на самой окраине города – вроде как кто-то из гостей остался на ночь.

Подъезжать ближе к интересующему их месту и светить в городе

машину он считал лишним. Прихватив поклажу, товарищи спорым шагом направились из города.

Они нашли то место, которое Ринк присмотрел днем, – небольшая площадка между скалами, укрытая с двух сторон валунами. С третьей стороны располагался крутой спуск к морю.

Они переоделись в полную темную экипировку, ботинки, перчатки, натянули маски, рассовали по карманам необходимые приборы и приспособления.

Ринк поставил телефон на режим вибрации и закрепил его на ремне.

Дуб прилаживал нож к ноге и, увидев, что Ринк берет пистолет с глушителем, жестом спросил:

«Зачем?»

«На всякий случай», – тоже жестом ответил Ринков.

Они убрали свои вещи в сумку и спрятали ее здесь же, в камнях.

Попрыгали, поприседали, проверяя, все ли правильно закреплено, ничего не звякает, не брякает...

Поднявшись из укрытия наверх, они встали спинами друг к другу и медленно осмотрелись. Людей, машин, каких-либо шевелений и движений не наблюдалось.

«Пошли», – подал знак Ринк.

Они побежали, взяв сразу очень хороший темп, – совершенно бесшумные две быстрые черные тени, почти незаметные.

Им повезло, небо было безлунным, и черная южная ночь скрывала любое движение.

До нужного места расстояние оказалось приличным. На полпути у Ринка завибрировал телефон, он поднял руку вверх, предупреждая Дуба, перешел на легкий темп, достал телефон, прикрывая ладонью свечение.

Ему сообщили: «латыш» и «кореец» ушли из-под наблюдения, словно растворились.

Ринк убрал телефон, жест рукой – и мужчины взяли прежний темп.

Им надо выйти к старой, много лет неиспользуемой грунтовой дороге, которая вела к складу. Когда они до нее добрались, Дуб присел, разглядывая колею, Ринк стоял, прикрывая его, внимательно осматривая периметр.

«Одна машина. Совсем недавно. Грузовик. В сторону склада», – показал жестами Дуб.

Опля!

Вот тебе и легонькая прогулка!

«Вперед», – приказал Ринков.

Склад находился в очень удобном для военного времени месте.

Высокие скалы как будто расступались, пропуская дорогу до самого моря. Параллельно, справа в скале, – вход в пещеру, где и располагался склад. Вход был не виден как с моря, так и с берега, заметить его можно было только с противоположной стороны или подойдя вплотную к площадке перед дверью.

Берег здесь был совершенно непригоден для купания: на несколько километров в обе стороны – острые выступающие скалы, сильный прибой и глубина.

Найти эту заброшенную дорогу тоже было непросто: она пряталась за холмами, и съезд на нее практически исчез, вытертый временем.

Понятно, почему это место никто не посещал больше пятнадцати лет, да и тогда это было, скорее всего, случайностью.

Дорога спускалась вниз, под гору, на площадку у входа в склад, и дальше шла круто вниз к небольшому заливчику, искусственно расширенному и углубленному, с расчетом, видимо, на подход катера – для удобства погрузки.

Сейчас на площадке стояла грузовая «Газель» с потушенными огнями.

Ринк занял позицию возле скалы слева, с которой прекрасно просматривались площадка и сам склад, и изучал происходящее в бинокль ночного видения.

Дуб прикрывал его сзади, следя за подходами.

Из «Газели» тем временем вытащили сколоченный из досок стол и перенесли его в склад.

Людей работало двое, Ринк узнал «корейца» и «латыша».

«Ну вот они и нашлись. А это вам зачем?»

Они извлекли еще один стол и отнесли в склад. Затем из склада вышел «кореец», сел за руль и, не включая фар, на малом ходу, стал разворачивать машину.

«Латыш» в это время закрыл склад, потом пристроил к двери какое-то охранный приспособление, подошел к машине и достал из кузова метлу. Машина стала тихо взбираться в гору, «латыш» замел следы на площадке и, пятясь, так же заметал следы автомобиля с дороги.

Дуб с Ринком слились со скалой.

«Газель» проехала мимо них, набирая ход.

Они заняли прежнюю позицию.

Выждав довольно продолжительное время, Ринк подал сигнал: «Пошли».

Все так же – Ринк впереди, Дуб спиной к нему – спустились к складу. Внимательно осмотрев замки и двери, Ринк нашел только одно, самое примитивное охранное приспособление. Быстро справившись с ним и с замком, совершенно бесшумно он вошел внутрь.

Остановился, прислушиваясь не только слухом, а всеми чувствами.

Нет, никого не было. Включив фонарик, Антон приступил к тщательному осмотру – сначала стены, потолок, пол. Постепенно продвигаясь вперед, он добрался до следующей, широко распахнутой двери, за которой находилось большое помещение, заставленное ящиками с минометами. К двери была проведена сигнализация, старая, еще с военных времен, которая сейчас была отключена.

Ринк вошел. Справа, поставленные друг на друга, стояли четыре стола – те самые, которые выгружали «клиенты».

«Вот на кой они вам?» – подумал Ринков.

Он открыл некоторые ящики и заглянул внутрь. Минометы в разобранном виде, даже с заводскими пломбами. «Готовы к употреблению!» Он сосчитал количество ящиков и, осмотрев еще раз все вокруг, вышел из склада.

«Все тихо», – показал Дуб.

Ринк закрыл замки, приспособил на место «охранку».

«Пошли».

Им надо было сделать еще одно, довольно рискованное дело.

Ринк хотел осмотреться с той же точки на скале, где стоял Хаким.

Что-то же ему надо было там.

Что?

Стоять ночью на краю скалы – это все равно что столб на плацу, да к тому же ни черта толком не разглядишь, но днем нельзя, мало ли кто может увидеть!

Он смотрел в бинокль, очень внимательно, и опять в подсознании мелькнула какая-то полуоформившаяся мысль, догадка, и опять он не смог ее зацепить, не смог уловить.

«Что-то здесь Хакиму надо было... это важно. Что?!»

Ринк услышал отдаленный шум, а Дуб подал сигнал: «Внимание!»

Они залегли на землю. Вдалеке показался мелькающий свет фар. До дороги было далеко, но машина ехала по целине, приближаясь к тому месту, где притаились Дуб с Ринком.

Машина, старая «Волга», ехала зигзагами, из нее доносилась громкая музыка, нарушая мирную тишину южной ночи.

Ринк подал знак: «Я – водителя, ты – пассажира».

Две тени метнулись навстречу машине.

В машине находились двое, парень и девушка. Она то хваталась за руль, что-то ему кричала, то пыталась открыть дверцу со своей стороны, очевидно, в панике.

Машина на приличной скорости, виляя, неслась к обрыву.

Ринк поднял руку и показал: «Раз, два, три – пошли!»

Они подбежали каждый со своей стороны, и почти одновременно, рукой, плечом и частью корпуса, влетели в открытые окна автомобиля. Ринк выдернул ключ из зажигания, автомобиль обиженно чихнул и встал.

При таком резком торможении непристегнутые пассажир с водителем должны были неизбежно сильно удариться о руль и лобовое стекло, но Ринк с Дубом их придержали.

Парень, как и предполагалось, находился в сильном подпитии и сразу полез разбираться:

– Что за дела? – далее последовал трехэтажный мат.

У Ринка имелись свои претензии ко всем пьяным водителям, поэтому он совсем не нежно выволок хлопца из машины и вырубил одним коротким ударом, особо не церемонясь.

Девушка плакала, еще не придя в себя от пережитого ужаса.

Дуб помогал ей выйти из машины и утешал:

– Ну все, все живы, все нормально.

– А вы кто? – сквозь слезы спросила она.

– Служба спасения, – ответил Ринк и поинтересовался: – Это муж или друг?

– Нет, что вы! Сосед. Я с работы шла, он остановился, говорит: «Давай подвезу». Я только когда села – поняла, что он пьяный, а он: «Давай покатаемся» – и по газам, и не остановить, – продолжая плакать и всхлипывать, рассказала она.

– Сосед, значит... А машина его?

– Нет, его отца.

Девушка огляделась вокруг и поняла, что до обрыва осталось всего метров двадцать.

У нее расширились глаза; глубоко вздохнув, она собралась заплакать еще сильнее.

Мишке надоело.

– Так, все! – суровым голосом приказал он. – Быстро в машину! Сейчас домой отвезем.

Она икнула, перестала плакать и метнулась на заднее сиденье.

– Везет нам с тобой, командир! Кросс на сегодня закончен, с

комфортом доберемся!

Парня они оставили там, где и лежал, – придет в себя, протрезвеет, да и поумнеет, может, пока домой доберется...

Они забрали сумку из камней и довели девушку до дома.

Она показала, где обычно стояла машина соседа, Мишка припарковался, отдал ей ключи, чтобы она бросила их в почтовый ящик, и посоветовал:

– Вы не говорите никому, что катались так сегодня. Родители расстроятся, а остальные не поверят, что вас спасали. А «герою» вашему скажите, что с ним не катались, что знать ничего не знаете – померещилось ему спьяну.

– Да, конечно, я и не собиралась. Спасибо вам большое! У вас, наверное, учения?

– Да, учения, – ответил Михаил. – Так что – молчок!

Они мчались по пустой трассе.

Было совсем рано, только-только завязывался рассвет. Тихо играла музыка.

Разбивая молчание, Ринков вдруг усмехнулся и сказал:

– Ты можешь себе представить, Мишка, а ведь всего неделю назад мы с тобой уезжали из офиса черт знает во сколько. Не особо торопясь, ехали домой, придумывая, чем бы занять вечер, может, лишний раз в тренажерный зал сходить или с бумагами поработать. А сейчас едем к своим женщинам и очень торопимся...

– Это точно! – заулыбался Михаил. Он задумался, перестал улыбаться, помолчал, глядя в окно, и сказал: – У наших ровесников дети уже школы оканчивают, в институтах даже учатся уже кое у кого, а некоторые уже дедушки. А мы с тобой, Ринк, то воевали, то бизнес поднимали. Ну, хорошо служили, ну, подняли бизнес, а дальше-то что и для кого?.. – Он помолчал еще немного и совсем разоткровенничался: – Я давно понял: пока через кучу дерьма не пройдешь – ничего стоящего не получишь. А уж мы-то прошли – на десятерых хватит! Может, мы все-таки уже заслужили свое самое лучшее. Не осточертевшую семейную жизнь с чужим человеком, вынужденным сексом раз в неделю, скандалами, недовольством, загулами на стороне... Не одноразовых женщин и уютный холостяцкий флер, а своих, родных женщин, с которыми – одна жизнь на двоих!

Мишка замолчал и опять посмотрел в окно, на пролетающие мимо сосны.

– Ты совершенно прав, Миш! – поддержал его Антон. – Помнишь, как мы с ребятами больше суток изображали из себя рельеф местности, когда «чехи» рядом лагерем стали?

Михаил кивнул.

– Я тогда лежал и думал: «Для чего-то ведь это все надо?» И так и не понял – для чего. А сейчас думаю: а вот для этого – чтобы все преодолеть и получить награду. Чтобы, познав, что почем в этой жизни, не размениваться! Ты ведь сам знаешь, когда я уволился в запас, так хотелось спокойной семейной жизни, до боли в сердце... Так остохренела эта казенщина и что никто тебя дома не ждет, тепла захотелось. И ведь варианты были – и у тебя, и у меня, и женщины хорошие нам встречались. Но, может, именно потому, что видели в жизни столько всего, мы чувствовали: нет, лучше никак, чем просто потому, что время пришло и тебе борща домашнего захотелось да теплого тела рядом или страсти захлестнули!

Они помолчали.

Мишка вдруг с грустью сказал:

– А знаешь, Ринк, я думаю, девчонки – и твоя Наталья, и Дина моя – тоже свою войну прошли! Только мы с тобой за «державу» воевали, а они – за себя. – Он подумал секунду и продолжил: – А может, и за нас! И воевали они, чтобы не поддаться этому всеобщему психозу жажды денег; с тем, что, как оказалось, просто работать мало, а надо женщине обязательно в какой-нибудь гребаный бизнес влезть, чтобы безбедно прожить, ведь если ты не с бабками, так ты вообще никто! С тем, чтобы не пустить в свою жизнь козлов всяких. Вон, у нас – половина клиентов таких козлов! У которых, если жена дома сидит, то она уже и не человек, и наизнанку выворачивается, чтобы «отработать» свое содержание, и бабки постоянно униженно выпрашивает. Девочек, за то, что по этим правилам не играют, как только жизнь ни была... А они выстояли, не сломались! И нас дождалась. Просто пришло для всех нас время любить и награды получать!

Михаил говорил очень эмоционально, распалился и теперь успокаивал себя: ведь все хорошо, чего он разошелся-то?..

– Я уже не верил, что такое возможно в моей жизни. Мне казалось, что все, поезд ушел, какая уж там может быть настоящая любовь и своя особенная женщина, когда жизнь почти прошла. А сейчас думаю: нет, не прошла, а только начинается, – тихо признался Антон.

– А я думал, что такое не для меня, уверен был, что недостоин... Я ж детдомовец!

– А кто ж тогда достоин, Дуб, если не ты?! – возмутился Ринков,

повысив голос. – Те же жлобы, что ли?

– Вот и Дина говорит то же самое, – улыбнулся Мишка.

– Потому что она, слава тебе господи, мудрая женщина.

Они замолчали.

Каждый задумался о только что сказанном, и оба немного стыдились своих откровений, хотя всегда были честны друг с другом и не скрывали своих мыслей. Но такие чувства они испытывали впервые в своей жизни, и это было очень личным и еще очень непрочным и зыбким.

– Я в последнее время все думал: может, дачу купить? – сказал Михаил. – Теперь точно куплю!

– Дача – это здорово! Я тоже куплю.

– Рядом, – усмехнулся Мишка, – они ведь подруги.

И мужики рассмеялись, радуясь жизни и предвкушая скорую встречу с любимыми.

Когда подъезжали к городу, Мишка позвонил Дине.

Она сняла трубку после первого же гудка:

– Да!

– Я тебя разбудил? – спросил он, млея от звуков ее голоса.

– Нет, я не спала. Ты где? У тебя все нормально?

Наплакавшись вечером, она и не заметила, как заснула, и проспала часа два.

Проснувшись внезапно, как от толчка, встала и включила везде свет. Не зная, куда себя деть, она придумывала себе занятия: полежала в ванной, кинулась было убирать да бросила. Так и застал ее звонок Михаила – неприкаянно слоняющейся по своей однокомнатной квартире...

– У меня все нормально! Через полчаса приеду! – отрапортовал Дуб.

– Завтрак готовить? – обрадовалась она.

– Потом, ладно?

– Ладно! – покладисто согласилась Дина.

Антон усмехался, слушая этот разговор.

Раньше, выйдя из боя или выполнив очередное задание, они гасили адреналин в крови спиртом или водкой – что попадет, хорошей закуской и сном. Сейчас, хоть это ни боем, ни серьезной разведывательной операцией и не назовешь-то, а так, почти «прогулка», но он рвался к Наталье, желая утонуть в ней.

Он понимал всех мужиков всех времен и народов, которые после

опасной охоты или после боя кидались к своим женщинам – утверждать жизнь!

Он вошел в номер и сразу увидел Нату.

Она сидела в кресле, поджав под себя ноги, одетая в его футболку, и читала какую-то книжку.

– Антон! – подскочила, уронила книгу, кинулась ему на шею, повисла на нем, обняв руками и ногами, и принялась целовать короткими горячими поцелуями, быстро спрашивая: – Все в порядке? Ты в порядке? Ничего не случилось?

– Наточка, все нормально, обо всем расскажу потом... Я тебя хочу ужасно! – ответил Антон и побежал в спальню, неся ее на руках.

– Как первобытный мужчина! – сразу загоревшись, прошептала Ната.

– Вот именно, – подтвердил он.

И поцеловал ее так, что они оба мгновенно забыли обо всем на свете.

Они срывали друг с друга одежду, Антон даже рычал от нетерпения, и Наталья, принимая шквал его эмоций, сама становилась неистовой и торопила:

– Быстрее, Антон, быстрее!

Они потерялись, как становилось для них уже привычным, отдавая, без остатка, друг другу все, что могли!

Дина готовила завтрак, хотя время было уже обеденное. Она стояла у плиты, одетая в длинную футболку, достающую ей до середины бедер. Мишка, сидя на стуле и пользуясь малыми размерами кухни, всякий раз, когда она проходила мимо, задирает край футболки и целовал ее в тугую попу. Она смеялась его мальчишеским выходкам и чувствовала себя абсолютно счастливой.

– А вот скажи мне, Михаил, – уклоняясь от его рук, весело спросила Дина, – тебе ведь надо делами сегодня заниматься?

– Надо... Вот сейчас мужчина поест, позанимается своей женщиной и пойдет на охоту за добычей!

– Но у женщины сил уже нет! Она больше не может! – с наигранным ужасом воскликнула Дина.

– А я ее всю поцелую, поглажу, уговорю...

– Ну, тогда она наверняка согласится! – рассмеялась Дина.

Она поставила перед ним на стол огромную тарелку, на которой красовался омлет с болгарским перцем, грибами, луком и зеленью и две поджаренные сосиски.

– Ешь, кузнец благосостояния и женского счастья! – чмокнула его в

макушку и вернулась к плите, варить кофе.

Мишка ел, совершенно разомлев от счастья, и посматривал на нее.

– А вот, скажи мне, Дина, – спросил он, – ты на работу звонила: сообщить, что увольняешься?

– Звонила.

Она села за стол, поставив две кружки с кофе, одну большую – ему и поменьше – для себя.

– Ты поедешь по делам, а я поеду на работу, писать заявление об увольнении. Моего главного инфаркт хватит!

– Только не передумай, – переполошился Михаил.

– Нет, я не передумую, но уговаривать меня будут.

– Я сейчас доем и тоже начну тебя уговаривать! – пообещал он.

Ната проснулась днем.

Все утро они не спали. Антон рассказывал ей про «рейд по фронтам», как назвала это Наталья.

На самом интересном месте рассказ прервался: они бросились целоваться и опять терялись друг в друге.

Когда она начала выбираться из постели, Антон, конечно, проснулся, но она его снова уложила, успокаивающе погладив и коротко поцеловав в ключую от щетины щеку.

– Спи, спи, тебе отдохнуть надо, – сказала она и поцеловала его в уголки губ.

Антон выпустил ее и опять заснул.

У Наты была намечена встреча с Сергеей и другими членами их детской компании.

Желая как можно скорей расправиться со всеми обязательствами и обещаниями, чтобы потом быть постоянно с Антоном и ни на что не отвлекаться, она обзвонила всех вчера, когда была у мамы. А так как сегодня наступила суббота, все с радостью согласились встретиться.

Она уже собралась и наносила последний штрих, подкрашивая губы у зеркала в ванной, но вдруг остановилась, поставила колпачок от тюбика на раковину и, задумавшись, закручивала и откручивала столбик помады, внимательно ее рассматривая.

Поднесла руку ко лбу, потерла неосознанным жестом, задела колпачок, и он упал. Возле раковины, на полу, стояла высокая ваза с водой: завядшие цветы Наталья из нее выбросила, а воду вылить не успела. Колпачок упал прямо в вазу и не тонул, покачиваясь на воде...

Она присела, все так же обдумывая продолжающую формироваться и развиваться мысль и переводя взгляд с помады на колпачок и обратно.

И вдруг подскочила, сильно ударившись головой об угол раковины.

– Ой! – потерла ушибленное место и побежала в комнату, держа помаду в руке.

– Я поняла! Я поняла! – Она забралась на кровать и стала тормошить Ринкова.

Он сразу проснулся, сел и очень спокойно спросил:

– Что, солнце мое?

– Ринков, ты бывал беден? – торопясь ему объяснить, громко спросила она.

– Бывал.

– Хорошо, значит, ты меня поймешь!

Она была очень возбуждена, глаза горели, щеки покраснелись.

Антон засмотрелся:

– Но ты не был бедной женщиной. Вот, смотри, когда совсем нет денег, а выглядеть надо хорошо и закончилась вся помада, ты берешь и из нескольких тюбиков выковыриваешь остатки помад, все это, тщательно размешиваешь, делаешь такую колбаску и засовываешь в один пустой тюбик – вот так! – Она показала как и посмотрела на него победительницей. – Так вот, то оружие, ну, те минометы, они пустые внутри и широкие, и преступники туда наркоту расфасовывать будут! Никто и не додумается ее там искать! И столы для этого привезли – фасовать...

Антон был потрясен простотой и неординарностью решения и в который уже раз восхитился ее умом.

Он вскочил, стал ходить по комнате, не обращая внимания на свою наготу.

– Конечно! Черт побери! Натка! Какая ты умница! Господи, ну конечно! А фасовать будут все вместе, поэтому и столов четыре...

– Ринков, пожалуйста, оденься. Твой вид мешает мне сосредоточиться на деле! – рассмеялась Наталья.

Он подошел к ней, крепко поцеловал, потом схватил джинсы и натянул их на себя.

– А еще, мне кажется, я поняла, как он сюда ввезет наркотики!

– Мое мужское самолюбие рыдает.

– Нечего ему рыдать, может, я ошибаюсь. Ты бы и сам все понял, просто я тебя постоянно отвлекаю! – махнула рукой она.

– Это точно! – весело подтвердил Антон. – Но я готов расплачиваться

даже своей мужской самоуверенностью.

– Ринков, зачем такие крайности? Не надо трогать святое. Мне достаточно признания, что я очень умная...

– Ты самая умная из всех женщин, которых я встречал!

Он полез к ней целоваться. А оторвавшись от нее, отошел подальше.

– Рассказывай, что придумала...

– Понимаешь, это все на ассоциациях. Я красила губы, посмотрела на помаду, и хлоп – все сложилось, а потом упал колпачок от помады в вазу с водой, я посмотрела, и хлоп – еще одна догадка!

– Большинство идей приходят именно так, – подтвердил Антон.

– Я думаю: он же не будет везти сюда эту наркоту просто так, в вагоне? Он ее как-то спрячет?

– Конечно, но проблема в том, что ее много.

– Севастополь и Балаклава – все еще военно-морские города. Так?

– Так! – подтвердил Антон.

Ему очень нравилась ее манера рассуждать, выстраивать логическую цепочку, заключая каждую фразу вопросом-утверждением: «Так?»

– Ты же изучал, я видела, какие поставки идут сюда постоянно. Чего больше всего завозится, и регулярно, из России?

– Горючее! Топливо в цистернах! – Антон схватился за голову: – Твою дивизию!

– Ты такой смешной, когда хватаешься за голову, похож на мальчишку! – посмеялась Наталья.

– Но на таможенном терминале все цистерны просвечивают рентгеном, – размышлял он.

– Да ладно! – возразила Ната. – Что ты, эти таможни не знаешь: может, они и просвечивают те, что идут для русской части флота, а что для украинской, скорее всего, так, спустя рукава. Если герметично пристроить груз возле люка, например, никто особенно и рассматривать не будет. Но, может, я и ошибаюсь...

– Это стоящая версия.

– Ладно, ты работай, а я пошла. – Наталья поднялась, поправляя одежду.

– Куда ты? – спросил Антон.

– У меня встреча с друзьями детства.

– И когда ты собираешься домой вернуться? – тоном строгого мужа поинтересовался Ринков.

– Куда «домой»? – не поняла она.

– Сюда.

– Ринков, это не дом, а гостиничный номер! – напомнила она Антону. Он подошел к ней, обнял и нежно сказал:
– Дом – это всюду, где мы вдвоем, даже если это гостиничный номер! Ната положила свою ладонь на его щеку, заглянула в глаза и сказала:
– Я стараюсь справиться со всеми своими страхами, честно. Но это непросто.
– Я тебе помогу, девочка! Ты только не убегай! – нежно ответил Антон.
– Не убегу. Это я тебе совершенно точно обещаю! – со всей серьезностью заверила она.
– Вот и хорошо! А все остальное мы преодолеем! – Он поцеловал ее. – Ну, иди на свою встречу, я тебе позвоню и заберу тебя.
Поцеловав его еще раз на прощание, Ната ушла.

Хаким чувствовал опасность.
Шкурой чувствовал, нутром, на уровне инстинкта – надвигается опасность.
Как? Кто?
Никто не мог выйти на него – все было продумано и отшлифовано до мелочей.

Он разделся и лег на пол, на теплый ворсистый ковер, дал приказ всем мышцам, начиная с пальцев на ногах и заканчивая кожей на голове, расслабиться.

И стал прокручивать, как кино, перед мысленным взором все события последних дней – людей, разговоры, обстоятельства встреч – кадр за кадром, с того момента, как сел в поезд.

Агентов всех спецслужб, которые вели наблюдение за ним и его людьми, он знал в лицо и только что не здоровался с ними. Эти лица были постоянными, примелькавшимися.

Он еще и еще вспоминал всех людей, виденных в поезде, по дороге в город – шоферов, официанток, продавцов; людей, проживающих в гостиницах, где он останавливался, – всех, кто мелькал за эти дни. Он пытался вспомнить: не встречались ли они дважды, где и при каких обстоятельствах.

И не находил ничего, что бы его насторожило.

Тогда он «пустил раскадровку» событий, час за часом, полагаясь на свои ощущения, зная точно, что любая, даже самая незначительная деталь, вызывающая подозрение, мгновенно даст сигнал в мозг.

Нет, никаких зацепок.

Он шаг за шагом прокрутил весь план, пытаюсь найти слабое место.

Но в плане изъянов не было, он был гениален, просчитан с ювелирной точностью.

Тогда что?

Товар уже доставлен, сегодня начнется его перевозка, тоже просчитанная бесконечное количество раз. Есть, конечно, допуски на случайности, но даже если они возникнут, не должно возникнуть осложнений.

Может, кто-то из его людей догадался о заключительной фазе операции и начал свою игру?

Может! Хотя они доверяют ему абсолютно.

Надо проверять.

Одним молниеносным движением он поднялся с ковра.

Чувство опасности не прошло.

Антон позвонил Деду:

– Здравствуйте, Федор Ильич!

– Здравствуй, Антоша! Чем порадуешь?

– Есть две рабочие версии. Первая – они будут забивать наркоту в минометы, для этого и столы завезли.

Генерал помолчал, обдумывая сказанное, потом проговорил:

– Неожиданно, но интересно. Поясни!

– По моим прикидкам, им как раз хватит места, чтобы все рассовать. Что не поместится в стволах, в ящиках сложат, но несколько минометов оставят пустыми. На случай проверки заказчиком оружия.

Еще утром он созванивался с Дедом: докладывал о «рейде по фронтам» подробно, упомянув, что количество ящиков совпадает с указанным в документах.

– Тогда становится понятной шумиха, связанная с пребыванием Хакима в Крыму, – продолжил Антон. – Он очень хорошо знает, как рассуждают его обычные заказчики. До них наверняка дошел шум, вызванный его появлением здесь вместе с командой, Хакима будут проверять на вывозе оружия. Думаю, про то, что он приобрел эту партию оружия, уже объявлено кому следует. Хакиму надо, чтобы его встретил представитель «баронов». Хаким знает все – как они проверяют товар, где и что конкретно будут смотреть. Он выложит незаполненные ящики так, что именно с них начнут осмотр. Представители «баронов» пересчитают и примут количество всей партии, откроют и проверят всего несколько ящиков, но без пристрастия. У Хакима безупречная репутация, он пользуется огромным уважением. Они извинятся, официально поздравят с

удачной сделкой и предложат купить у него партию. И все. Зеленый свет! Представители доложат «баронам», что Хаким чист, ему, мол, просто повезло выйти на оружие, имеет право заработать! Это гениальный ход!

– Да, Антоша, похоже, ты прав! Очень элегантно придумано! Но как ты догадался? – спросил Дед.

На этот раз Ринков решил похвастаться:

– Это не я, это Наталья!

– Да ты что?! Ну и девочка! Я же говорил, что хорошая! – воскликнул Дед и усмехнулся: – А ты, значит, не выдержал, рассказал?

– Рассказал, – покаялся Антон. – И не жалею. Кстати, вторую версию тоже придумала она.

– Ох, заберу у тебя ценный кадр в контору, раз у нее так голова варит, – пошутил Дед.

– Ну нет, не отдам, самому нужна.

– Так ты жениться собираешься, что ли?

– Да, и как можно быстрее!

– Слава богу, поздравляю, порадовал ты меня.

– Мишка, кстати, тоже жениться собрался, на ее подруге, – усмехнулся Ринков. – Рвется в Москву, чтобы сразу в ЗАГС...

– Вот спасибо за новость! А то за вас сердце изболелось. Такие мужики – и холостякуете, маетесь!

Дед помолчал.

– Михаила придержи пока при себе, неизвестно, как события развернутся. Может, тебя прикрывать придется – тьфу, тьфу, чтоб не сглазить... Я сейчас ребятам дам задание проанализировать данные, а потом перезвоню, расскажешь, что там еще твоя Наталья придумала.

Антон задумался:

«Все верно! Только при таком раскладе – расфасовка – становится понятен весь шум, устроенный им здесь! Ну, Хаким, как говорится: «Голова-а!»

Генерал перезвонил через пятнадцать минут. Антон рассказал ему о цистернах.

– Это, конечно, всего лишь версия, но в нее отлично укладывается его приезд в Харьков – почву прощупать на таможне. Однако, скорее всего, он груз на пароме, через Керчь, перебросит. Или перебросил уже. Вот чувствую я, Федор Ильич, что груз уже пришел, он уже здесь. Наверняка они сегодня ночью будут разгружать. Проморгали мы его проход через таможню. Но копать на обеих надо!

– Покопать, мы, конечно, покопаем, но сам знаешь, что на этих

таможнях творится, тут твоя Наталья права! И если товар уже прошел, что вполне возможно, то вряд ли мы что накопаем, – вздохнул генерал. – Ему нужны будут фасовочные аппараты?

– Думаю, он уже эту проблему решил, достаточно самого примитивного. Наверняка сегодня они все уйдут из-под наблюдения – товар принимать. Однако у нас есть одно большое преимущество, – напомнил Ринков, – Хаким совершенно уверен, что выйти на оружие невозможно, что нигде не оставлено никакой зацепки, документов и даже упоминания об этих минометах. Наверное, в Москве, в штабе, кто-то проверял для него документы...

– Проверяли, – подтвердил Дед. – Знаем, кто. Но ничего не нашли.

– Поэтому он действует так нагло и решительно. Жаль, там нельзя аппаратуру установить – плато, все, как на ладони.

– Ну, установить-то не проблема, все можно, только вряд ли он кого-то посвятил в план вывоза, даже свою команду.

– Да. И делиться с ними Хаким тоже не собирается – похоже, это его большая игра.

– Наверняка! За адъютантом присматривают, но Хаким виртуоз, тут смотри – не смотри, он что-нибудь да придумает. Возле склада наши люди в засаде, может, они смогут проследить, где принимать груз будут. Но это сложно – плато, как ты сказал, и чутье у него, будь здоров...

Дед и Антон помолчали, потом генерал продолжил:

– Мои ребята проанализировали твое предположение и совершенно согласны: должен быть четвертый, диспетчер. По их выводам, Хаким может его лично и не знать – все переговоры осуществляются через Сеть. Вот здесь становится сложнее. Его он убрать должен обязательно, а как он его вычислит? Все серьезные хакеры у нас на учете, но ты же знаешь: они подрастают как грибы после дождя, это может быть кто угодно и где угодно. Скорее всего, он осуществляет не только связь с покупателями, но и работы по плану отхода. Ребята ищут... Задал ты им задачку, Антоша!

– Я понимаю. Сейчас начинается самое интересное. Как он вывезет-то будет? Не могу пока сообразить. Сколько им дней понадобится, чтобы расфасовать товар?

– По моим подсчетам, четыре дня, может, три, смотря в каком темпе работать будут.

– Значит, у нас есть четыре дня... Ну, пусть фасует, а мы пока подумаем, – сказал Антон.

– Брать их сейчас, конечно, нельзя. Если ничего не раскопаем по вывозу, будем брать в последний момент, но это очень неудачный расклад.

Хотя то, что ты накопал, – Дед помолчал, усмехнулся, – с Натальей своей – это очень много, мы и не ожидали таких результатов. Сам знаешь, с Хакимом уже несколько раз прокалывались...

– Сейчас он будет крайне осторожным. У него в досье сказано, что он чувствует опасность, даже если она только еще назревает, – напомнил Ринков.

– Да, но в этот раз он ничего не бросит, а будет доводить до конца – это его джекпот!

– Только поэтому у нас есть возможность его взять. Ладно, Федор Ильич, будем думать, щупать.

– Давай, Антоша! Передавай от меня восхищение и поклон своей Наталье.

– Передам!

Они попрощались.

Антон достал карту Крыма, на которой были указаны все дороги, в том числе – давно не используемые и заброшенные, все железнодорожные пути с тупиками и нерабочими колеями. Рядом он разложил графики завоза больших партий товаров железной дорогой, морем, воздушным транспортом и автотранспортом.

И погрузился в анализ.

От работы Ринкова отвлек звонок телефона. Он посмотрел определитель – Марина!

«Господи! Я про нее совсем забыл! Хорошо хоть Натки нет...»

– Да, – ответил он.

– Антончик! Куда ты делся? – преувеличенно жизнерадостным тоном спросила она. – Почему не звонишь? Обиделся, что я тебя поругала? Мне твоя секретарша сказала, что ты в командировке. Ты где?

– Я в Крыму. Здравствуй, Марина.

– В Крыму?! – Она замолчала, что-то прикидывая в уме, потом спросила: – Ты там надолго?

– Не знаю, как дела сложатся, – сухо ответил Антон.

– Ну хорошо, тогда я завтра прилечу. Побудем вместе, отдохнем!

Ну конечно! «Прилечу!» Мужчина один, на юге – это недопустимо, все хорошее: солнце, море, пляж – должно быть связано только с ней! Да и юг – это так опасно, так много свободных женщин...

Все эти ходы Антон прекрасно понимал.

«Как я вообще мог с ней встречаться? Спать? Принимать эти игры, подыгрывать?..» – поражался он самому себе.

Ему стало тошно.

Если быть честным, Марина не виновата, это ее стиль и образ жизни, она просто такая, как есть, она не умеет по-другому. Но он-то куда смотрел, старый козел, влезая в отношения с нею? Ладно, пора с этим закончить.

– Марина, прилетать не надо! – строго распорядился он. – Я хотел при личной встрече все объяснить, но раз ты позвонила, придется по телефону.

– Что объяснить?

– Я женюсь. Я встретил женщину, с которой намерен прожить всю оставшуюся жизнь. Извини...

Марина опять помолчала, над чем-то раздумывая, Антон почти чувствовал, как скрипят шестеренки у нее в голове.

– Это просто курортный роман! – заявила она, не сильно-то его удивив. – Тебе захотелось секса, мы ведь давно этим не занимались, тебе же постоянно было некогда! Ну ладно, ты там погуляй. Я все понимаю. Вернешься в Москву – и мы серьезно это обсудим. Нам давно пора жить вместе, тогда не будет этих твоих загулов!

– Мы ничего не будем обсуждать. Разговаривать и встречаться мы тоже не будем. Мне очень не хочется тебя как-то обидеть, но мы с самого начала договаривались, что не даем друг другу никаких обязательств, – напомнил он.

– Это ты договаривался, а я тебе такого не обещала! Я потратила на тебя столько времени! – Она кричала, изменив своей выверенной манере быть всегда спокойной и сдержанной: – Значит, на какой-то местной или отдыхающей лахудре ты женишься, а с нормальной женщиной ты жить не можешь!

Антон ждал: пусть выговорится, ведь он заслужил ее упреки.

Ведь знал, какая она, и не собирался пускать ее в свою жизнь, но все-таки встречался с ней! И неважно, что инициатором этих встреч всегда была она.

Он чувствовал себя виноватым.

– Ты сволочь, Ринков! И очень хорошо, что мы расстаемся, я от тебя устала – ты зануда, с тобой неинтересно, одно было неплохо – только постель! Я уверена, ты еще очень пожалеешь, но назад я тебя не приму. И больше не звони мне! Козел!

И она бросила трубку.

«Вот и славно! – с облегчением подумал Антон. – Какого черта я не сделал этого раньше?!»

Его тяготила эта связь, эта женщина, эти непонятные отношения. Только сейчас он понял, как все это было ему неприятно, трудно, но он

почему-то терпел...

Так, хватит. Спасибо, что была, – и пока!

Ринков вернулся к карте, но его опять отвлек телефон, на этот раз – оперативный. Ему сообщили, что все «клиенты» снова виртуозно ушли от наблюдения, практически все одновременно.

«Значит, товар уже пришел, это я правильно прочувствовал. Куда и как? Черт, это мы упустили! Надо ехать в Севастополь – через него все идет. И ехать прямо сейчас! Походить, присмотреться, может, что соображу на месте. Ведь зачем-то Хаким проторчал там несколько дней!»

Антон позвонил Михаилу:

– Привет, Дуб! Ты где?

– Привет, командир! Вот сейчас выхожу от Дины и собираюсь ехать к нашему клиенту.

– Это хорошо, что ты еще в городе. Давай так: ты сейчас мне машину подгонишь, а к клиенту на такси поедешь или лучше возьми еще одну машину в прокате.

– Срочный выезд? – забеспокоился Мишка.

– Да, надо в Севастополь съездить, посмотреть, что там и как...

– Подстраховать? – предложил Дуб.

– Нет, спасибо, там ничего особенного, просто пройду, город посмотрю. И вот что: ты пока в Москву не торопись, ты мне здесь нужен, – распорядился Антон и усмехнулся: – Придется тебе потерпеть с женитьбой!

– Что-то намечается?

– Не знаю, пока не знаю, посмотрим, как события будут развиваться. Побудь здесь, на всякий случай.

– Понял. Ладно, командир, позагораем, в море поплаваем. Все-таки курорт...

– Вот и отдыхай. Дине привет передавай!

– Передам. Может, увидимся вечером? – спросил Михаил, подумал немного и добавил: – Хотя нет, вечером – вряд ли...

Антон засмеялся, прекрасно его понимая.

– Ладно, Дуб, давай, я тебя жду.

– Буду минут через пятнадцать!

Антон думал, как лучше проехать по Севастополю, с чего начать, на чем заострить внимание. Надо взять с собой Нату, обязательно!

Он набрал ее номер. Когда она ответила, в трубке слышались громкие голоса, смех и звон бокалов.

– Что-то случилось, Антон? – вместо приветствия сразу же спросила она.

– Ничего не случилось! Просто я сейчас тебя заберу, и мы поедem в Севастополь. Извини, что испортил тебе встречу.

– Это так важно и срочно? – уточнила она.

– Не знаю, насколько важно, но срочно. Ты поедешь?

– Ну конечно, поеду!

Он обрадовался: он немного нервничал, боялся, что она откажется. Ну на самом деле: звонит – все бросай, поехали!

– Скажи, где вы находитесь? – поспешил уточнить он, пока она не передумала.

Ната назвала адрес, где проходила встреча с друзьями, и объяснила, как удобней туда проехать.

– Через полчаса буду. Спасибо, что согласилась поехать!

– Служу Отечеству! – засмеялась Наталья. – Все, я тебя жду.

Когда они уже ехали в машине, Антон спросил:

– Что ты объяснила своим друзьям, почему они тебя так спокойно отпустили?

– Я сказала, что Родина в опасности, – изображая пафос, пошутила она, усмехнувшись. – Я объяснила, что это связано с работой, правда, не пояснила, что не с моей. Они так тут натерпелись без работы и без денег! Только несколько лет, как все налаживаться началось. Так что «работа» для них – магическое слово!

Антон стоял спиной ко входу в здание автовокзала и рассматривал площадь перед собой.

Ната, выйдя из машины, отошла выпить квасу, который продавали на розлив из бочки, стоящей неподалеку.

Разрабатывая маршрут, Ринков первым пунктом вывел приезд на автовокзал. За забором, огораживающим территорию, располагались железнодорожные пути, перейдя которые можно было сразу попасть на железнодорожный вокзал.

Самые крайние, почти не используемые, куда часто загоняли составы в отстойник, проходили как раз рядом с забором автовокзала. Антон хотел присмотреться именно к этим путям, на всякий случай – ну, может, там в отстойнике есть что-то, что наведет на какую-нибудь идею.

И вдруг всем своим существом, каждой клеткой он почувствовал опасность!

Он мгновенно сконцентрировался на своих чувствах и ощущениях.

Не меняя позы и выражения лица, не позволяя себе напрячь ни одной мышцы, он стал медленно осматриваться. На нем были светоотражающие очки, сейчас онигодились – он абсолютно точно знал, что его глаз не видно через затемненные линзы.

Ринков внимательно оглядел людей вокруг. Взгляд вправо – нет, все спокойно, взгляд влево – здесь тоже вроде все нормально, вперед...

На один миг, переключая внимание с группы людей слева на площадь впереди, он пересекся взглядом со стариком.

Антон словно ударил током: «Вот!»

Через мгновение он понял: это Хаким!

Не разгадал и не увидел, а именно понял! Старик тем временем дошел до лавочки у автобусной платформы и совершенно спокойно сел на нее, явно никуда не торопясь.

Это был самый обыкновенный старик – лет за семьдесят, худощавый, выцветшие голубые глаза, дряблая кожа, руки в старческих пигментных пятнах с выпирающими венами, седые волосы. Одет в старые светлые брюки и такого же возраста голубую льняную рубашку с короткими рукавами, на голове – летняя полотняная кепочка, в руках – матерчатая цветная сумка.

Еще читая досье Хакима, Антон «настраивался» на него: старался думать как он, почувствовать его знания, уверенность в себе, как в специалисте, пытался влезть в его шкуру. Когда он увидел его в вагоне-ресторане поезда, то как бы уловил его эмоциональный фон, его индивидуальность. И все это время держал в себе этот настрой как камертон.

Сейчас только благодаря своей интуиции и этому настрою он и почувствовал Хакима, уловил вибрации опасности, исходящей от этого человека.

Сразу!

А два сильных, быстрых, умных и необыкновенно чутких зверя, замерев и остановив для себя время, «считывали» друг друга.

Хаким мгновенно узнал этого мужика и почувствовал его нервозность. Здесь, где закручивалась основная часть операции, виденное уже прежде лицо! И этот человек был напряжен – не от него ли исходит опасность?..

Он сел на лавочку, недалеко от подозрительного мужика, ему надо было «принюхаться» к нему, понять, почему он нервничает и что здесь делает. Всего минут пять – и все станет ясно. Узнать его в великолепной

маскировке этот мужик никак не может, да и никто сейчас не может: он полностью включился в образ, жил жизнью этого старика.

Так что: «Простите, ребята – сегодня не ваш день!»

Хаким настраивал свои чувства как инструмент на волну этого человека.

«Он меня засек!» – вдруг ясно понял Ринков.

Если немедленно, прямо сейчас что-то не придумать, не убедить его в случайности встречи – все, операция будет провалена. «Думай, Ринк! Быстрее!»

И тут к Антону подлетела Наталья и совершенно не свойственным ей высокомерным, капризным тоном громко начала возмущаться:

– Что, их нет?! Это просто какое-то свинство! В конце концов, они тебя полдня уговаривали приехать. Пошли их подальше!

– Да, – недовольным голосом, подражая ей, ответил Ринков.

Он импровизировал, доверяясь задумке Натальи, и весь положился на чувства и интуицию, а анализ шел параллельно, но запаздывал.

Ничего не думать! Только чувствовать!

Антон достал оперативный телефон, набрал номер группы, работающей в Севастополе. Ответили сразу же, и Ринков громко, жестко принялся отчитывать:

– Господа! Я не привык так работать. Я десять минут нахожусь на автовокзале, как мы и договорились, а ваших представителей все нет!

– В Севастополе? Срочно? Кто-то рядом? Сколько у нас времени? – молниеносно сообразили ребята.

– Десять минут назад! – продолжал он. – Это больше нужно вам, а не мне.

– Кто? Хаким? Будем через пять минут!

– Да! Что значит: «Простите, мы задерживаемся»?!

– «Вольво», серая, местные номера, этого человека он точно не знает. Уже подъезжает!

– За вас поручился мой клиент, только поэтому я согласился с вами встретиться. Учтите, если через пять минут представитель не появится, я уезжаю! – не выходя из образа, грохотал возмущенно Ринков.

– Прикрывает старый «Мерседес», синий, – сказали ему в трубку. – Будет стоять по маршруту троллейбуса. Две минуты... они уже там, – бодро отрапортовал наконец невидимый собеседник Антона.

Он отключил телефон.

– Ну что за дела? – возмутилась, словно капризная барышня, Ната. –

Приперлись в этот Севастополь, а они еще и опаздывают! Ты сейчас начнешь делами заниматься. Зачем ты меня взял с собой? Я бы на пляже полежала, мне педикюр надо сделать!

– Да ладно! – снисходительно-купеческим тоном ответил Антон. – Я быстро все обговорю, посмотрю, что они могут заплатить и что хотят. – Он притянул ее к себе одной рукой, быстро погладил по попке и, добавив в голос интимности, сказал: – Работать ведь не я буду, я только оценю!

– Перестань! – Ната выбралась из его объятий. – Ты знаешь, мне сказали, тут крутой дельфинарий, раз уж мы сюда приперлись, может, на дельфинов посмотрим?

– Дельфинов мы ночью с тобой посмотрим, – «пошутил» Антон. – Мы же собирались в ту церковь на горе и в ресторан, поэтому сюда и заехали, по пути!

– Ничего себе – по пути! – продолжала ныть Ната, надув губки, но уже легко, без нажима. – Сначала мы ее проехали, а теперь возвращаться будем...

– Ладно, я уже все это слышал, – с легким раздражением ответил Антон.

На привокзальную площадь на приличной скорости влетела «Вольво» и резко остановилась возле них. Из нее выскочил представительный мужчина лет сорока, одетый в темный костюм, несмотря на жару. В машине остался сидеть шофер.

– Простите, бога ради! – торопливо начал извиняться мужчина. – Форс-мажор, так сказать: колесо прокололи! Извините!

Антон молчал, изображая барское недовольство. Ната со скучающим видом достала из сумочки небольшой веер и стала им обмахиваться.

– Прошу в машину, господа! – предложил мужчина.

– Спасибо, мы на своей, – в меру строго ответил Антон. – Показывайте дорогу, мы за вами.

Он взял Нату под руку и, не торопясь, направился к своей машине.

Весь настроенный на Хакима, он старался почувствовать: сработала их уловка или нет?

Хаким слушал очень внимательно.

Слушал и пропускал через себя, чувствовал.

Это просто стечение обстоятельств. У мужика бизнес – это ясно. Это он понял сразу, когда увидел его в первый раз в поездном ресторане. Такое не сыграешь, чтобы так себя вести, нужно в достатке и сытой жизни лет десять прожить. С женщиной у них роман там же, в поезде, завязался – это

он видел, баба вздорная: как она его бросила в ресторане и ушла, махнув ручкой, Хаким помнил. Да и «мадам» про этого мужика докладывала: обычный бизнесмен, чуть выше среднего уровня. Женщина для него старовата, таким молодые полагаются, но у него, наверное, в Москве молодых полно, при деньгах-то. А здесь решил отдохнуть от «кобылок», на них сколько сил надо и денег, а эта и сама вроде не бедная, за себя заплатить может. Значит, и секс поспокойней, и особо тратиться не надо...

Южный берег маленький, а такие мужики очень мобильны, как правило, на машинах по всему берегу раскатывают. А тут еще, видно, выгодное дельце подвернулось.

Нет, мужик не опасный: расслабился сразу, как только перед ним лебезить начали.

Нет – этот мимо!

Все, иди, мужик, вместе с бабой своей, не мешай! Только время зря на них потратил... Надо работать.

Хаким быстро посмотрел на машину, к которой шла эта парочка, – прокатные номера, все так и должно быть, похвалил он себя.

И Хаким настроился на работу.

Проходя мимо лавочки и даже слегка задев Хакима ногой, Ринков всем нутром почувствовал: тот снизил напряженность.

Поверил! Сработало!

Не позволяя себе никаких чувств, кроме тех, которые сейчас отыгрывал, Антон дошел до машины, открыл Наталье дверцу, помог ей сесть, обошел машину, сел за руль, не торопясь развернулся и пристроился за выезжающей с площади «Вольво».

Только выйдя из поля зрения Хакима, он достал телефон и позвонил:

– Старик, слева на лавке сидел.

– Старика видели. Спасибо, ведем!

Не выдержав, тот, кто говорил с ним, восхищенно воскликнул:

– Мне еще в академии говорили, что вы шаман! Как вы его просчитали?! В три секунды!

«В одну, – подумал Антон, – и чуть не вляпался! Если б не Ната!..»

И только сейчас посмотрел на нее.

Ната сидела, развернувшись к окну.

С того момента, как они отъехали с площади, они не сказали ни слова друг другу.

Он не знал, что сказать.

Он не знал, как она догадалась. Он не знал, не понимал, как у нее

получилось так верно, в самую десятку. Он не знал, что сейчас там, на вокзале, произошло.

Но он точно знал: она его вытащила, спасла ситуацию.

Ему позвонили:

– «Хвоста» нет, он купился.

«Я уже знаю!» – подумал Антон, чувствуя себя опустошенным.

– Останови, пожалуйста, – придушенным голосом попросила Наталья, – меня сейчас вырвет...

Антон просигналил фарами идущей впереди машине и, быстро съехав на обочину, остановился.

Она выскочила из машины и начала глубоко дышать. Ринков, выскочив следом, кинулся к ней:

– Все хорошо, солнышко, дыши, дыши! Присядь на корточки. Голову – в колени. Дыши!

Наталья старательно дышала, Антон присел рядом и все гладил и гладил ее по спине.

– Вот так, моя хорошая, вот так, дыши! – успокаивал он ее.

К ним подбежал оперативник из «Вольво», который уже снял пиджак и галстук.

– Что, девушку укачало? – спросил он.

– Девушку укачало от страха на автовокзале. Это она нас всех выручила, – ответил Антон.

– Ни фиги себе! – восхитился оперативник и, помогая разрядить обстановку, шутливо спросил: – Девушка, а вы не замужем? Можно вам предложение руки и, так сказать, сердца сделать?

– Замужем, – ответил, усмехнувшись, Антон.

– Жаль! – приворно огорчился сотрудник и уже другим тоном поинтересовался: – Антон Александрович, мы вам еще нужны?

– Нет, свободны. Молодцы, спасибо, быстро сработали. Езжайте, у вас теперь дел невпроворот.

Он выпрямился, пожал оперативнику руку, тот попрощался, отошел было на два шага и повернулся:

– Знаете, я очень рад, что увидел вас, как говорится, вживую. Я о вас столько слышал, а сегодня увидел в работе и обалдел! И жена у вас необыкновенная... До свидания! – махнул он рукой и побежал к машине.

Наталья поднялась с корточек, Антон ее обнял, поддерживая, она уткнулась ему в плечо и оттуда глухо спросила:

– Как вы это снимаете? Ну, напряжение после такого потрясения, когда все заканчивается?

– Водкой или спиртом... это раньше, а теперь я бегу к тебе снимать, – улыбнулся Ринков.

– Нет, это мне сейчас не потянуть... Наверное, женщины по-другому устроены. А вот выпить – в самый раз. Только не водки, а коньячку хорошего...

– Конечно, родная! Сейчас нальем, – согласился Антон, нежно поднял ее голову, заглянул в глаза и спросил: – Ну, ты как? Получше?

– Да, отпустило. Поехали, а то стоим тут...

– Ты есть хочешь или только выпить?

– Только выпить.

– Сейчас организуем!

Они устроились в парке, на скамейке. Ринков купил хорошего коньяку, апельсины, черешню, попросив продавщицу ее помыть. Он разлил коньяк в одноразовые пластмассовые стаканчики. Молча, не чокаясь даже, она выпила. Антон вслед за ней. Закусили апельсином, который Антон почистил и разломал на дольки.

– Какое кощунство: такой коньяк – и из пластмассовых стаканчиков! – сказала Наталья.

– Экстремальные условия, – пожал плечами Антон.

Он посмотрел на нее внимательно и спросил:

– Ната, что это там было, на вокзале? А? Как ты сообразила, поняла, как это у тебя получилось?

Она вдруг осознала, что ей надо поговорить о случившемся, чтобы окончательно снять напряжение и самой понять: что же произошло.

– Я не знаю, как все получилось! – начала объяснять она. – Я пила квас, вкусно было, смотрела на тебя и вдруг поняла, почувствовала в один момент, как ты напрягся весь, у меня было такое ощущение, что сейчас станут стрелять! Я даже стаканчик уронила. Смотрю: а ты все так же спокойно стоишь на месте. Но я знала, что все изменилось. У меня мысли как пули стучали, даже больно было! Почему, почему, почему?! Значит, кто-то рядом, кого не должно быть и кто не должен тебя здесь видеть! У меня было очень боевое детство, одна из наших с Динкой игр называлась «Догадайка»: надо было догадаться, какая у подруги проблема, на расстоянии и помочь ей, подыграть в какой-то сцене. Вот так мое детство мне помогло! Я подумала: надо убедить этого человека, что ты здесь случайно. Я устремилась к тебе, почти бегом, но сдерживала себя, останавливала, что-то играла на ходу, а когда подошла, сразу все само собой сложилось – и слова, и жесты, и голос... У нас получилось?

– Получилось. Еще как получилось! Ты нас всех из такой задницы

вытащила! – восхитился Антон, обнимая ее и благодарно целуя в висок.

– Кто это был? – спросила Наталья, отстраняясь, чтобы видеть выражение его лица.

– Хаким! Я тебе рассказывал, что они все ушли из-под наблюдения. Он был так заgrimирован, просто высший класс. Старик, который сидел на скамейке, заметила?

– Нет, я вообще ничего не слышала и не видела, кроме тебя, наверное, я плохой агент!

Антон засмеялся, поднял ее со скамейки и пересадил к себе на колени.

– Ты самый лучший агент в мире!

Он продолжил:

– Хаким изменил не только внешность, он изменился и сам, по сути. Он стал именно этим стариком... Его невозможно было вычислить.

– Но ты же вычислил!

– Да, по взгляду. Он на одну секунду вдруг стал острым, как бритва. Мне повезло, потому что в этот момент я на него смотрел.

– Значит, это ты спас ситуацию, – обрадовалась Ната.

– И ты. Я еще не успел сообразить, что делать, а ты так точно попала со своим подходом, просто фантастика! Кстати, генерал просил передать тебе свое восхищение по поводу идеи о расфасовке. Когда ему доложат еще и про сегодняшний спектакль – он в тебя влюбится!

Хаким ехал на старом ржавом «Запорожце».

Еле живой автомобиль, за рулем которого сидел дедок, неторопливо пылил по трассе.

Груз он встретил и проследил за его отправкой дальше по маршруту. Все прошло без малейшего осложнения.

Но чувство опасности не проходило! В чем все-таки дело?

Пока весь план воплощался в точности до минуты, не дав ни одного сбоя. Сегодня ночью они перевезут товар на склад. Придется делать несколько ходок, но к этому все готово – сменные номера на машину, мгновенно сохнувшая краска, тенты на кузов разных цветов.

Он начал проверять своих людей, но пока не нащупал ничегостораживающего. С сегодняшней ночи и до отправления они все будут находиться вместе, у него будет возможность зорко следить за ними. О бывшем адъютанте он уже позаботился, так что с этой стороны безопасность обеспечена. В любом случае, пока тот не получит денег, он ничего не станет предпринимать.

Может «студент»?

Тогда это серьезно и очень опасно! На «студента» Хаким пока не вышел, хотя подобрался совсем близко: день, два – и он его вычислит. Если он сейчас начал свою игру, могут быть серьезные осложнения. Но – только осложнения. Хаким предусмотрел абсолютно все, и этот вариант развития событий тоже.

При всех раскладах он в итоге вместе с товаром оказывается там, где его встретят.

О мужике на автовокзале он даже не вспомнил.

Так откуда же исходит опасность?

Ната с Антоном проехали по Севастополю – по тем местам, которые Ринков наметил заранее.

У Натальи зазвонил телефон.

– Натка, ты где? – спросила Вета, ее голос был немного встревоженным.

– Вета, что случилось?

– Что ты сразу переполошилась? – поспешила успокоить сестра. – Ничего страшного. Димка приболел. Поднялась температура, врач был: осмотрел, ничего не нашел, говорит, может, реакция на жару. Да мы и сами видим, что ничего у него не болит. Но он все время хнычет, тебя спрашивает. Может, приедешь, колыбельную племяннику споешь?

– Конечно, Веточка. Только мы пока в Севастополе и прямо сейчас поедem к тебе!

– Ты только не паникуй! Если у вас с Антоном какие-то планы серьезные, не надо их менять.

– Вета, мы сейчас приедem. Что-нибудь нужно?

– Все есть, что ты, в самом деле! Целую, мы вас ждем!

Антон уже выруливал на дорогу, ведущую к трассе, поняв по ее ответам, что надо срочно возвращаться домой.

– Что случилось? – спросил он.

– Димка приболел. Температура, врач ничего не нашел, говорит: реакция на жару. Надо ему колыбельные спеть. У нас колыбельные им, всем четверым, я пою, Ветка, конечно, тоже, но она не очень любит петь...

– Что-то купить надо?

– Давай вишен купим, он вишню с сахаром обожает.

Они проезжали по дороге, которая шла над крутым обрывом. Внизу виднелся залив с причалами, у которых стояли военные корабли. Один из них дал резкий гудок, сообщая об отправлении.

Антон посмотрел на залив и вдруг резко затормозил, остановил

машину и вышел. Он смотрел вниз, на акваторию: как отходит корабль, на моряков, идущих куда-то строем, какие-то ремонтные работы у дальних пирсов, охватив взглядом всю картину сразу...

И в этот момент он понял все.

Он сопоставил виденное здесь, в Балаклаве, и там, на складе, – и почувствовал, что попал в яблочко.

«Вот оно! Точно! Как же я раньше не допер?!»

Антон вернулся в машину, перегнулся через ручку переключения скоростей, притянул к себе Наталью и от души с удовольствием поцеловал.

– Так! – отстранившись от него и рассмотрев внимательно его выражение лица, констатировала Ната. – Процесс пошел, ты что-то придумал, Ринков. Быстро рассказывай!

– Потом, Наточка, ладно, – извинился он. – Сейчас мне надо подумать, проанализировать. Созвониться с Дедом, проверить версию, а потом я тебе все расскажу, обязательно. Поехали, там Димка требует любимую тетку.

– Ну да, а тебя требует твоя идея! – рассмеялась Ната.

– Говорили мне знающие люди: опасайся умных женщин! – весело сказал Антон.

– Знающих людей надо слушать, – подхватила Наталья.

– Да кто ж когда их слушал?

– Так а то ж! – вздохнула она и добавила: – Ладно, думай, я пока в окно посмотрю, музыку послушаю.

В это время в Москве возле совершенно обычной хрущевки в Текстильщиках стояла неприметная «девятка», в которой находились двое мужчин. Они вели наружное наблюдение за одной из квартир на четвертом этаже.

Такое же наблюдение велось еще за двумя квартирами: одной – в районе «Динамо» и второй – на «Соколе».

В этих квартирах проживали люди, не знающие друг друга, но их связывало одно обстоятельство: эти трое были кандидатами на роль того самого «диспетчера», о котором говорил Антон.

Димка сразу забрался к Наталье на руки и, счастливо вздохнув, положил свою головку ей на плечо, обняв ручками за шею.

– Тетя нашлась! – прокомментировал ситуацию Сашка.

Антонина Кузьминична, отвергнув любые возражения, усадила всех ужинать. «Гостевой» стол в комнате не накрывали, а устроились на кухне, за большим семейным столом.

Ната вытаскивала из вишен косточки, Димка, сидевший у нее на коленях, мешал ей, пытаясь затолкать их в рот все сразу и покрикивая: «Давай!»

Вета с детьми тоже решили поесть – за компанию.

Перед Антоном поставили большую тарелку борща.

– Поздновато для ужина, – пытался слабо сопротивляться он, чувствуя, что голоден. А такое удовольствие, как домашняя еда, особенно в такой уютной дружной семье, случалось у него редко.

– Вы сегодня горячее ели? – спросила Антонина Кузьминична.

– Нет, – честно признался он.

– Вот видите! Ешьте, потом будет второе.

– Еще и второе? – удивился Антон, прикидывая, хватит ли у него сил на такое изобилие.

– Не бойтесь, – рассмеялась Вета, – компота точно не будет!

– Вы меня успокоили!

Антон принялся за борщ.

Все с аппетитом ели, шутили, дети рассказывали о своей «самоволке» на море, за которую были наказаны – их не пустили вечером гулять во дворе. Димка повеселел, ел вишню с сахаром, стучал ложкой об стол, вызывая общий смех.

Антон разомлел от вкусной еды, веселой болтовни, домашней обстановки... и вдруг подумал: «А ведь теперь у меня все это есть. Теперь они – моя семья, ну, почти семья, а Антонина Кузьминична – моя теща!»

Он представил себе несуществующую пока дачу: как родные и близкие будут приезжать к ним с Натой в гости и сидеть по вечерам за большим столом на веранде...

Ему стало спокойно и уютно, как в детстве, когда собирался полный

дом родни и смех раздавался до поздней ночи. Они с двоюродными и троюродными братьями и сестрами засыпали под этот смех, доносящийся с веранды, в большой комнате под чердаком, названной взрослыми «детским царством». Каждый вечер Антон проваливался в сон совершенно счастливым, потому что точно знал, что завтра будет такой же праздник, как и сегодня, – лето, свобода, радость, игры и смех взрослых...

«Мишка прав: в Москву и сразу в ЗАГС! Она не сбежит, но лучше, чтобы она скорее согласилась, мне будет спокойней!»

Он готов был прямо сейчас решительно поговорить с Натальей, но тут выяснилось, что сегодня она останется здесь: будет укладывать Димку, да и домашние по ней соскучились и уговаривали остаться.

Ната пошла его проводить к машине, на этот раз прощание обошлось без родни, которая деликатно решила не мешать.

– Езжай, у тебя же «идея», ты всю ночь будешь думать, звонить и так далее, – сказала, отпуская его, Наталья.

– Буду. – Он поцеловал ее на прощание, сел в машину.

– Но утром я тебя заберу!

Антон еще не доехал до гостиницы, когда позвонил Дед:

– Здравствуй, Антоша. Как там Наталья твоя, оклемалась?

– Здравствуйте, Федор Ильич. Все в порядке, она быстро в себя пришла, просто переволновалась сильно!

– Ну еще бы! Но какова умница! Как она сообразила-то?!

– Почувствовала. Говорит: посмотрела на меня и поняла – что-то не так, ну, и давай импровизировать на ходу!

– Нет, я у тебя ее точно заберу! На твоих «подвигах» и так курсантов в академии обучают, теперь ее наверняка цитировать примутся!

– Цитировать можно – забрать нельзя!

– Это я уже понял! Расскажи подробнее, как ты его вообще засек?

Антон рассказал.

– Федор Ильич, у меня есть версия... – продолжил он, запнулся на мгновение и исправился: – Нет, не версия, я совершенно убежден в правильности своей догадки. Надо срочно начинать «копать» в этом направлении, а то можем не успеть.

Антон изложил свою идею, подробно ее аргументировав, он всю дорогу от Севастополя ее обдумывал.

– По-моему, – ответил Дед, – слишком экстравагантно, но проверим, может, ты и прав. Да! На «диспетчера» почти вышли, есть три кандидатуры, завтра будем знать точно, потому что на завтра у них

наверняка связь намечена.

– Кто встречает, еще не узнали? – спросил Антон.

– Тут турецкие коллеги «копают», но и мы со своей стороны. Сам понимаешь, Интерпол аж пищит от того, что у вас там происходит. Рвутся в бой, но мы пока сдерживаем. Сегодня ночью все решится.

– Федор Ильич, думаю, надо снять ребят со склада. Хаким уже чувствует опасность. После разгрузки наверняка пойдет сам все подходы проверять. Эх, мне бы туда, посмотреть, как он там в полевых, так сказать, условиях!

– Ты придержи коней-то, может, еще помотришь. А ребят снимем, ты прав, нельзя его спугнуть, особенно пока он думает, что на него невозможно выйти. Поставим их на другие места, тем более теперь благодаря тебе мы знаем, как он выглядит. Ну все, до связи!

– До свидания! – ответил Антон.

Рано утром Анатолий Иванович пошел выносить мусор, пока его жена готовила завтрак. Они собирались поехать на дачу на весь день, дел там сейчас невпоровот!

Проходя мимо почтовых ящиков, он увидел в своем какую-то бумажку. Выбросив мусор, Анатолий Иванович поднялся в квартиру, оставил ведро, взял ключик от почтового ящика и спустился за почтой.

На его имя пришло извещение на получение ценной бандероли.

Он тихонько крикнул от удовольствия – это извещение он ждал уже несколько дней. На бланке был указан адрес, по которому ему необходимо было явиться для получения бандероли.

Анатолий Иванович, сложив аккуратно бумажку пополам, убрал ее в нагрудный карман и пошел завтракать.

– Лида, – обратился он к жене, запивая горячим чаем яичницу, – я совсем забыл, мне надо зайти к Ивану. Он оформил новое заявление на получение индексации по надбавкам, за прошлые годы. Мне надо заполнить свои бланки, он их сегодня отнесет зарегистрировать, и мои заодно. Так что – на дачу поедем позже.

– Я тогда своим ходом, – ответила Лидия Андреевна, – на автобусе. Там же у нас последняя клубника, она же сгорит от жары к обеду. Я соберу, а ты потом все привезешь на машине.

– Езжай, а то действительно сгорит!

Анатолий Иванович обулся в прихожей и прихватил старый портфель, оставшийся еще со времен его службы.

– Я пошел! – крикнул в глубину квартиры и вышел.

Он шел пешком и чувствовал себя молодым, полным сил, новых идей!

Когда началась эта проклятая перестройка, армия и флот со всем привычным укладом, должностями, зарплатами, льготами, пайками полетели к чертовой матери.

И он уволился. Он не мог, не хотел видеть, как все рушится и гибнет, не хотел участвовать в этом!

Но это было только начало.

Далее последовали развал Союза, сокращение зарплат и пенсий, полная деградация Вооруженных сил, безденежье...

Анатолий Иванович не дослужился до очень высокого звания, но должность у него была «кучерявая».

Он привык жить «на высоком уровне». Привык к заграницам, которые военным вообще-то были закрыты, к сытым пайкам, икре, машине, как к чему-то само собой разумеющемуся.

И, когда на него обрушилась нищета, макароны с дешевыми сосисками, унижительная пенсия и абсолютное бесправие, он понял, что все это ненавидит.

Все и всех!

Всех гребаных президентов, разваливших страну, свое бывшее начальство, свою семью! Ненавидит свою жену, которая очень быстро смирилась с нищетой, своих детей, привыкших жить за его счет и не сумевших устроиться в новой жизни, своих внуков – эгоистов и потребителей.

Эта ненависть крепла день ото дня, стала привычной, он ее умело прятал, изображая покорность судьбе и ожидая своего часа. Его поддерживала все эти годы уверенность, что он еще все изменит в своей жизни.

Только в своей!

И сегодня он вышел из дома в эту самую новую жизнь.

«Да хоть подохните!» – думал он о своей, теперь уже бывшей семье.

Через три дня в милиции ляжет на стол еще одно заявление о пропавшем человеке, как пишут в протоколах: «Вышел из дома и не вернулся».

По указанному на бланке адресу, где отродясь никакого почтамта не было, в условленном месте, его ждал пухлый пакет. Там находился паспорт на имя гражданина Франции, документы о внесении аванса за небольшой коттедж на юге Франции, кредитные карточки и номер открытого на его новое имя счета – все в той же Франции.

Когда-то он был во Франции вместе с начальством в командировке и понял, что хотел бы жить только здесь!

И теперь его мечта осуществилась.

По указанному адресу находился дом, где проживал давнишний сослуживец и друг Иван. Все его соседи Анатолия Ивановича давно и хорошо знали.

Поздоровавшись с бабушками, сидящими на лавочке, он зашел в подъезд и поднялся на чердак. Потом он спустится на третий этаж, к Ивану, напишет свои заявления. А сейчас, из стены возле трубы, за кирпичом, который вытаскивался из кладки, он достал пакет.

Немного подождал, успокаивая себя: не надо волноваться!

И открыл пакет.

Раздался взрыв, который унес вместе с жизнью Анатолия Ивановича все его несбывшиеся великие мечты.

«Клиенты» перевозили груз на склад.

Сделали четыре ходки, каждый раз меняя номера машины, дважды перекрасили ее за это время и меняли тент на кузове. Также они завезли продукты, воду и все прочее, необходимое на неделю своего автономного пребывания в пещере. В том числе – небольшие станки для расфасовки, прибывшие вместе с грузом.

Антону удалось немного поспать в промежутках между поступающими постоянно оперативными сообщениями, расчетами и анализами ситуации. Но даже в эти короткие минуты отдыха он засыпал с трудом: ворочался и никак не мог удобно устроиться на кровати.

Ему не хватало Натальи рядом. Хотелось обнять ее, прижать к себе и только тогда почувствовать полное умиротворение...

«Как я жил без нее? Спал один, без нее? Почему так быстро, сразу же, она стала мне необходима? Я же все про себя знаю, почему же не называю вещи своими именами? Как, оказывается, сложно даже самому себе признаться, что я ее люблю... Вот так, просто – одним словом, за которым следует совсем другая жизнь».

Он никогда не признавался в любви ни одной женщине. Даже своей бывшей жене. Чувствовал, что это не то.

Никогда!

Антону повезло: он видел настоящую любовь, которая была у его родителей. Может, поэтому неосознанно он ждал именно таких отношений, не избив и обтрепав в постелях это чувство, не разменяв его на слова!

Почему же он до сих пор не сказал Наталье об этом? Почему прямо не спросил: выйдет ли она за него?

Потому что боялся – боялся отказа, боялся глубины и силы этих неожиданных чувств, привыкнув совсем к другим отношениям: поверхностным, не затрагивающим сердце и душу.

«Я обещал ей помочь справиться с ее страхами, а сам не признавался себе в своих. Ничего, девочка, сегодня же я все исправлю, и что бы ты ни говорила, чего бы ни боялась – я никуда тебя не отпущу!»

Приняв такое решение, Антон успокоился и крепко заснул.

За столом сидел молодой человек.

Стол был необычной формы – в виде подковы, на нем стояли три включенных компьютера. На левой части располагался самый большой, подключенный к Всемирной сети, на него постоянно поступали сведения о погоде и передвижении воздушного, наземного и морского транспорта в районе Черного моря.

Второй – ноутбук, находился в режиме ожидания текстового сообщения и стоял на левой части стола. Третий располагался в середине – именно за ним сейчас работал хозяин. В данный момент он занимался переводом денег из одного банка, находившегося в Европе, в другой банк и на другой счет, находившийся на Украине.

Происходило это в обычной двухкомнатной хрущевке, в одном из спальных районов Москвы.

В этой квартире молодой человек только работал.

В свободное от работы время он проживал в дорогом коттедже, расположенном в ближайшем Подмосковье, и вел жизнь богатого московского бомонда, со всеми атрибутами таковой: ночными клубами, казино, девочками, стриптизом, ночными уличными гонками на дорогих машинах, фешенебельными лыжными и морскими курортами.

Роскошные автомобили были его второй страстью после компьютеров.

А началось все очень неожиданно.

Он сидел в известном пивном баре на Новом Арбате. В подобных барах молодые ребята, в основном студенты, такие же, как и он, в то время подрабатывали переводчиками.

Сюда часто приходили иностранцы, которые знали, что здесь можно провести приватную беседу, наняв за небольшую плату прямо на месте переводчика, который не знает ни тебя, ни твоего собеседника.

В ожидании такого вот заработка молодой человек расположился за столиком с бокалом пива и что-то набирал на своем ноутбуке, который ему

недавно подарили родители. Рядом за столиком сидел здоровый мужик из числа «новых русских». В то время братки уже выходили из моды как ярко выраженный класс, понемногу превращаясь в бизнесменов.

По виду мужика можно было предположить, что он как раз находится в переходном периоде – из лягушки в царевну, то есть малинового пиджака уже не было, а манеры пока еще остались.

Мужик вдруг обратил внимание на студента за соседним столом и спросил:

– Скажи, пацан, а вот сейчас послать письмо моему другу ты можешь?

– Отсюда – нет, но в течение пятнадцати минут, если надо, могу!

Мужик подсел к нему и объяснил проблему: ему срочно надо связаться с человеком, но так, чтобы это невозможно было отследить.

Это и был тот выигранный лотерейный билет, который выпадает в жизни молодого человека один раз.

Мужик стал его первым и единственным работодателем, которого он видел в лицо. Дальше его передавали друг другу только по личной рекомендации, но все, кто предлагал работу, обращались к нему через Интернет как к «студенту». Он же сам для себя давал имена своим заказчикам в зависимости от выполняемой работы.

Его первый работодатель вскоре отошел в мир иной, после очередной разборки с конкурентами.

Поэтому на сегодняшний день людей, знавших «студента» в лицо, не существовало.

С «проводником» он связывался уже третий раз. Ему нравилось с ним работать: задачи тот ставил четкие и, что особенно радовало, – интересные, конкретно объяснял свои требования и всегда платил в точности по договору.

«Студент», конечно, без труда мог узнать имена заказчиков, конечные цели заказов и все другие их тайны. Но, будучи человеком умным и осторожным, он понимал: меньше знаешь, дольше проживешь.

Хотя для подстраховки собирал кое-какой компромат.

На ноутбук пришло сообщение: «Что с транспортом?»

«Все идет по плану, очередная сумма переведена, будут готовы к сроку», – ответил «студент».

Антон опять разбудил телефонный звонок, на этот раз звонил генерал:

– Ну что, Антон, новостей несколько...

- Слушаю, Федор Ильич.
- Адъютант почил – взорвали.

Генерал подробно рассказал, при каких обстоятельствах произошел взрыв, и посетовал:

– Я так и думал, что проморгаем, уж больно Хаким хитер! Новость номер два: опять ты попал в яблочко, он выходил ночью, проверял окрестности, наши вовремя снялись, издалека в бинокль видели, как он вышел и растворился. Они всю ночь таились, как мыши, пукнуть боялись! А ведь приказано было совсем уйти... Ну, с этим я разберусь.

– Уйти трудно, очень интересно! – вступился за ребят Антон.

– А операцию провалить – интересно?! – гаркнул генерал, но сразу взял себя в руки: – Ладно, теперь по твоей версии – копаем, кое-что есть, но только наметки, к вечеру будем знать.

– Понял!

– Ты отдыхай. Небось всю ночь не спал? – спросил Дед.

– Немного спал.

– Вот и поспи! Все, до связи!

«Так, значит, до вечера никаких событий не предвидится, – подумал Антон. – Ждем-с!»

Ему нужна была Ната, срочно!

Хватит, целую ночь пробыл без нее.

Он позвонил ей и услышал: «Абонент временно недоступен...»

Ринков удивился – она никогда не отключала телефон, она ему несколько раз об этом упоминала.

Он позвонил на домашний номер, подняла трубку ее мама:

– Алло!

– Доброе утро, Антонина Кузьминична! Я вас не разбудил?

– Здравствуйте, Антон! Что вы, у нас есть «будильник» – Дима, он всех рано утром поднимает, – усмехнулась она.

– А Наталью можно позвать?

– Ее нет. Ей кто-то позвонил, и она выскочила, ничего не сказав. Я думала, это вы ее куда-то позвали...

У Антона замерло сердце.

– Когда это было?

– Минут десять назад. Это разве не вы звонили?

– Нет! – сказал спокойно Антон. – Я сейчас приеду.

И положил трубку.

«Что это может быть? Мобильный она никогда не отключает! Ей могли сказать что угодно... Что со мной что-то случилось, или с Диной, или с

кем-то из друзей. Она бы сразу понеслась, не раздумывая!»

Антон бегом бежал на стоянку, к машине, на ходу набирая Мишкин номер.

– Да, – сонно ответил Дуб.

– Дина Наталье сейчас звонила? – без предисловий спросил Антон.

– Нет, – сразу проснулся Мишка, – а что случилось?

– Еще не знаю. Вы дома?

– Да, мы спали. Помощь нужна?

– Будьте дома, я позвоню!

Он гнал машину по пустым предутренним улицам.

«Так, спокойно, что могло случиться? Давай думай! Значит, Хаким не купился на наш спектакль. Людей у него здесь мало, с меня ему слабо начать сразу... И потом, он же понимает, что я – не разменная карта: за успех такой операции и возможность взять Хакима контора пожертвует одним, тем более – бывшим, сотрудником! Да и хрен он меня просто так взял бы... Наталья – другое дело. Может, он и не понял, какие у нас отношения, но то, что мы все будем пытаться ее вытащить до последнего, это он понимает. Господи! Только не это!!!»

Он редко просил у Господа что-нибудь, только за своих ребят, а для себя ничего. Но сейчас, подъезжая к Натальиному дому, он молился всеми известными ему молитвами, точно зная, что без нее он перестанет быть тем Антоном Ринковым, которым был прежде...

Без нее теряет смысл вся его жизнь – как бывшая, так и настоящая. Его жизнь, принципы, сила воли и те непростые решения, что приходилось принимать, оказывается, имели смысл только с ней. Только ее он всю жизнь ждал, не позволяя себе идти на компромиссы в трудных ситуациях, потому что чувствовал, что ценой такому компромиссу является встреча и жизнь с этой женщиной, которую он не знал и о существовании которой не догадывался и даже уже не надеялся повстречать, но которую всю жизнь чувствовал как себя самого!

Не закрыв машину, он выскочил из нее и помчался, перешагивая ступеньки, вверх, к ней в квартиру.

Дверь открыла Ната.

Он почувствовал невероятное облегчение и радость, ноги слегка подкосились, он шагнул в коридор, обнял ее, стал безумно целовать куда попало: волосы, лоб, глаза, щеки, губы!

Он отпустил себя и только повторял: «Благодарю Тебя, Господи!»

Антон, уткнув ее голову себе в грудь, прижал к себе Наталью и пытался унять слезы облегчения, навернувшиеся на глаза.

Она молчала, ничего не спрашивая, обняла его и тихо дышала ему в рубашку, принимая всю силу его переживаний!

Из комнаты, улыбаясь, выскочила Вета, но, увидев выражение лица Ринкова, сразу же захлопнула за собой дверь, не давая выйти детям, округлила глаза и прикрыла рот ладошкой.

Пытаясь успокоить Вету, Антон, глядя поверх головы Натальи, спросил чуть охрипшим голосом:

– Веточка, вы, как местные жители, знаете хорошее место у моря, куда можно подъехать на машине, пожарить шашлыки, поплавать, отдохнуть?

Она, не отнимая ладошки от губ, махнула головой.

– Вот и замечательно, – приходя в себя, порадовался Ринков. – Значит, сейчас мы всей семьей поедem на шашлыки. Антонина Кузьминична и Димка тоже поедут с нами. Миша взял напрокат машину, мы все поместимся. Вы согласны, Вета?

– Конечно! – ответила она, отняв руку от губ. – С удовольствием. Дети будут очень рады.

– Мы все слышим, и мы уже очень рады! – из-за двери ответила Маша.

– Выпусти нас: что, мы не видели, как люди целуются?! – возмутился Сашка.

Вета отошла от двери, выпуская детей, как резвых щенят из клетки.

– Бабушка, – заорал Сашка, выскакивая на свободу. – Ты слышала, мы все едем на шашлыки?

Антон улыбнулся.

Антонина Кузьминична вышла в прихожую, присоединившись к общему собранию, за ней солидно топал Димка.

– Я слышу, – сказала она. – Это замечательная идея, Антон, только сегодня людей будет много – воскресенье.

– Ничего, надеюсь, для нас место найдется.

Антонина Кузьминична внимательно посмотрела Ринкову в глаза, потом окинула взором всю картину целиком: Наталью, которую он прижимал к себе, Вету, которая все еще пребывала в некотором удивлении, и мудро разрядила обстановку:

– А мясо, овощи вы купили?

Антон отпустил Наталью, но тут же снова обнял рукой за плечи, притянул к себе, не желая отпускать ее ни на мгновение.

– Нет, купим по дороге, – легкомысленно ответил он.

– Так не пойдет, – возразила Антонина Кузьминична. – Вы трое сейчас

поезжайте на рынок, привезете все домой. Мы овощи помоем, замаринуем мясо, соберемся с детьми, тогда и поедем. Кстати, Ната, у нас только шампуры, мангал у Дины. Позвони, чтобы они не забыли.

Наталья рассказала маме с Ветой про перемены в жизни Дины. Антонина Кузьминична обрадовалась, вынеся свой вердикт: «Миша очень хороший, редкий мужчина, и он ей подходит, они будут счастливы, я не сомневаюсь. Они даже немного похожи!» Она уже воспринимала Дину с Михаилом как одно целое.

Антон подошел к ней и поцеловал в щеку.

– Спасибо, Антонина Кузьминична!

И мама сделала то, что не делала никогда в жизни ни с одним Натальиным ухажером или претендентом на руку, и даже с ее бывшим мужем: она притянула Ринкова к себе, наклонив его голову, расцеловала в обе щеки и, понизив голос, только ему одному сказала:

– Ничего, Антон, в жизни всякое случается. У вас теперь все будет хорошо, а со всякой ерундой мы разберемся.

Антон поцеловал ей руки.

– Вы очень похожи на мою маму, – тоже тихо сказал он.

– Вот и хорошо, значит, теперь у вас есть куда и к кому прийти, и в радости, и в печали.

Даже дети притихли, прочувствовав необычность и высоту момента. И всем стало ясно, что эти двое – нашли друг друга, они близкие люди.

– Анто-о-он... – вдруг протянул Димка.

Все рассмеялись, Антон поднял его на руки и спросил:

– Ну что, брат, поедем плавать на море?

– Моле? – уточнил Димка.

– Да, море и шашлыки, как ты на это смотришь?

– Мясо! – восхитился Димка.

– Настоящий мужчина! – рассмеялся Ринков.

Антон позвонил Мишке, успокоив, что была ложная тревога, и поставив перед фактом выезда на шашлыки. Он предложил им подъехать к Наталье домой, чтобы отвезти всех, пока они с Натальей и Ветой закупают продукты. Услышав это, Дина забрала трубку у Мишки и начала руководить:

– Нет уж, Антон, на рынок поедем мы с Мишей. Знаю я своих подруженек: начнут продавцов разыгрывать, хохотать – мы год никуда не уедем! Их вместе вообще сводить нельзя, все время хохочут и никакого толку!

Экспромт, придуманный Антоном, получился просто замечательным!

Мужчины приготовили очень вкусные шашлыки, к ним подавались овощи, вино и целая гора фруктов.

Антонина Кузьминична руководила застольем, разложив скатерть в тени, под деревьями. Она не признавала одноразовой посуды, поэтому года три назад Ната подарила ей, а точнее – всему семейству, большую плетеную корзину для пикников с набором посуды, вилок, ложек, бокалов и других необходимых предметов.

Дети объедались мороженым. Сашка и Машка тут же познакомились и подружились с ребятами, приехавшими, как и они, на пикник с родителями. Быстро перекусив, они умчались играть.

Когда Антонина Кузьминична пошла плавать, Вета с Натальей, загадочно переглянувшись, обратили на этот факт внимание мужчин:

– Смотрите, мама купается!

Она зашла по пояс, постояла пару минут, трогая ладонью воду, словно здороваясь, нырнула и, вынырнув довольно далеко от берега, красиво и быстро поплыла вдаль.

– Ничего себе! – восхитился Мишка. – Ей сколько лет-то?!

– Миша, это нетактично, – попеняла ему Дина и рассмеялась: – Не имеет значения, она же здесь родилась и прожила всю жизнь, мы все обожаем плавать, нырять, рыба – это наше второе «я».

– Твое второе «я» – это я, – рассмеялся Михаил своей же шутке. – А сейчас мы посмотрим, как ты любишь плавать и нырять.

Он подхватил Дину на руки и понес ее в воду. Дина смеялась и делала вид, что пытается освободиться.

– Все ясно! – объяснил подошедший Сашка. – Сейчас отплывут подальше и будут там целоваться!

– Сашка! – преодолевая смех, осадила его Вета.

– А что, в воде самый кайф целоваться.

– Ты-то откуда знаешь? Тебе всего тринадцать...

– Ну не десять же! – возмутился он. – Я пробовал, мне понравилось.

– Только без подробностей. Мать этого не переживет, – в притворном ужасе попросила Вета.

– Эй! – сказал Антон. – Чем мы хуже-то? – и тоже попытался подхватить Нату на руки.

– Мне тоже изображать покорность? – смеясь, спросила Наталья. – Тебе как интереснее?

– Интересней будет в воде!

– Пропал товарищ! – вздохнул Сашка.

Ната с Антоном уплыли далеко – туда, где их никто не мог увидеть. Они выбрались на берег и нашли укромное место среди камней.

Они целовались как сумасшедшие, как подростки, сбежавшие от родителей, а потом, не выдержав накала, забыли обо всем, растворившись друг в друге!

И так это было прекрасно: море, солнце, камни, и мимо проплывают катера, с которых точно видно, и полное летнее счастье!!

Приходя в себя после безумства, Антон притянул Наталью и положил ее на себя, чтобы она не лежала на камне.

– Антон, что-то случилось? – тихо спросила она.

Он понял, что она спрашивает про его драматичное появление у них в доме.

– Твой мобильный заблокирован, а ты его никогда не отключаешь, – пояснил Ринков. – Антонина Кузьминична сказала, что тебе кто-то позвонил и ты выскочила из дома, ничего не объяснив. Я испугался! Я никогда так не боялся в жизни!

Ната помолчала, потом начала целовать его грудь.

– Я оставила зарядное устройство в гостинице, телефон разрядился. У нас, возле соседнего дома, маленький рынок, туда два раза в неделю привозят молочную продукцию частники. Чтобы купить, надо занять очередь рано утром. Соседка нам и позвонила, сказала, что очередь подошла. Я схватила кошелек и побежала!

– Я подумал про самое страшное!

Он не стал объяснять, она и так поняла. Антон прижал ее к себе, поцеловал в макушку и предупредил:

– Не целуй меня так, я возбуждаюсь, могу не выдержать и снова тебя взять! Прямо здесь!

Переполненная чувствами, от которых наворачивались слезы, глядя ему в глаза, она ответила:

– Ты так на меня действуешь, что я согласна где угодно!

Это было почти обещание!

Они плыли назад, поминутно останавливаясь и целуясь, уходя под воду, выныривали и смеялись, радуясь жизни, морю, солнцу, своей бесшабашности.

– Ну, слава богу! Эти тоже вернулись! – приветствовала их Маша, когда они выходили на берег. – Сплошная романтика, аж тошно!

– Машка, ты не догоняешь! Море, солнце – лучшее место для соблазнения! – объяснил подошедший к ним Сашка.

– Ты-то откуда знаешь?! Ты вообще еще мелочь! – возмутилась Маша и спросила: – А шашлыки еще будут?

– Конечно, Машенька! – ответил Антон. – Сейчас будут. А где Михаил?

– Уже давно на берегу, вместе с тетей Диной, не в пример вам! – упрекнула Машка.

– Маша, ты меня воспитываешь, что ли? – спросила Ната, пытаясь не рассмеяться.

– Боже упаси! Как я могу любимую тетку воспитывать?!

– Машка, ты просто завидуешь! – пояснил ситуацию Сашка.

– Так, недоросль, иди дрова собирай, – высокомерно распорядилась Маша.

– Дети, хватит! Это вас пока еще не касается! – вмешалась Вета.

– Ну, конечно! – возмутился Сашка. – А потом ты мне на примере бабочек объяснить будешь, как люди размножаются, что ли?! Лучше я у тетки родной спрошу, она всегда все расскажет!

Все взрослые смеялись до слез. Ната даже на колени опустилась, от смеха ее не держали ноги.

– Шашлыки! – призвала Дина, перекрывая общий хохот.

Они жарили шашлыки, плавали, играли в волейбол, ленились и загорали.

Потом все, по очереди, укачивали Димку, который не понимал, что, собственно, от него хотят и почему спать, когда вокруг такое веселье?! Но все-таки заснул, на руках у Дины, и Мишка так на нее смотрел, что все отвернулись, чтобы не нарушить интимность момента.

Они не торопясь наслаждались отдыхом: гуляли, загорали, играли в придуманные детьми игры. Проснулся Димка, заявив, едва открыв глаза: «писать!», чем вызвал очередной приступ хохота.

Ната сидела на берегу, рядом Димка строил замки из гальки. Она смотрела, как Антон с Мишкой плавают вдаль, наперегонки, и внутри у нее все замирало от восторга и страха!

После того как Антон примчался утром, внешне спокойный, но отчаянно напряженный внутренне, как кинулся ее целовать и обнимать, неосознанно сильно прижимая к себе, от радости, что она нашлась, Наталья поняла: они подошли к тому самому решающему моменту объяснения.

Антону надо было остудить «страсти» в себе, поэтому он придумал мгновенно этот семейный выезд на природу.

Почему-то Ната вдруг вспомнила свой давний разговор с Диной.

Как-то Дина позвонила и совершенно убитым голосом попросила срочно приехать.

– Натка, приезжай, пожалуйста, прямо сейчас, у меня есть бутылка замечательного вина, мне выговориться надо!

Не задавая вопросов, Наталья помчалась к подруге.

Дину она застала «в совершенно растрепанных чувствах», как пишут в книгах. И очень злой, что было ей несвойственно – Дина всегда умела справляться с трудностями, не позволяя себе «ваших интеллигентских штучек в виде депрессии».

Они устроились на кухне, выпили по бокалу вина, закурили, и Дина без предисловий объяснила причину своего настроения:

– У нас на работе сегодня было общее собрание на тему: «Мы теперь живем по-новому. В стране перестройка, гласность, и у нас соответственно тоже!» Что-то в этом роде! Уже на третий раз от слова «перестройка» меня стало тошнить! Я не могу, Ната, просто не могу этого слышать! Что, собственно, мы собираемся перестраивать!!! В России ни черта не умеют перестраивать – только ломать! Как водится: «до основания, а затем!» Мы строить-то с трудом умеем, а перестраивать – это вообще из области фантастики! И это значит только одно: все разрушат к едрене фене, а на обломках начнут строить что-нибудь кривенькое, косенькое, как обычно! И главное, обязательно, пострадают самые незащищенные: дети, врачи, учителя и, конечно, это даже не вопрос, солдаты!!! Мы же как строим?! Нам повоевать обязательно надо! Скольких мы мужиков похоронили после Афгана?! наших одноклассников и друзей?! А строить еще ничего и не начинали! Я знаю, я уверена, что это будет очередная всесоюзная жопа! С кучей вооруженных конфликтов, очередных цинковых гробов, массовым исходом граждан за границу! Революция семнадцатого покажется цветочками! А, что там – ломать так ломать!

– Динка, ты что! – успокаивала ее ошарашенная Ната. – Это же здорово, что перемены! Может, будет совсем по-другому: свободнее, интереснее!

– Да не будет, Ната!!! Не будет! Пройдутся по нам, как бульдозером, поиграют в свои игры наши высокопоставленные «мальчики», а расхлебывать мы будем! Вот это точно! Не умеют в России тихо и плавно – нам надо все разрушить, изгадить – и страну, и прошлое, и себя; только для того, чтобы героически доказывать всему миру и себе в первую очередь, что мы чего-то стоим. А если не верите, можем и в морду дать!

– Динка, ты же молодая тетка, что ты как бабка старая причитаешь?!

– Это я сейчас молодая, а когда они «перестраивать» закончат, неизвестно сколько мне будет и во что меня эта хрень превратит! Давай, Натка, напьемся от неверия моего в светлое будущее!

– Давай! – поддержала подругу Наталья, пугаясь ее словам и их точности.

Они напились, конечно, и плакали, вытирая друг другу сопли и слезы, давая миллион первый раз обещания, что, хоть «трава не расти!», останутся верными друг другу.

Поплакали над Динкой, которой судьба прислала вместо жениха цинковый гроб из Афгана, и пьяненькая подруга, как всегда, честно призналась:

– Я ведь его по-настоящему и не любила! Обещала ждать и ждала, и еще эти девчоночьи: «замуж». Я бы его полюбила, если б вместе жили, дети были, ты же знаешь – его нельзя было не любить!

Ната ее успокаивала, сама рыдая как белуга!

Жених Дины был их другом детства, замечательный мальчишка, с чудесной улыбкой и веселым смехом. Он выручал их из всяких ситуаций, был их «старшим братом», своим в доску.

В день его похорон, на кладбище, когда большинство из них так до конца и не осознали его смерть, Дина стала взрослой женщиной: мудрой и понимающей нечто такое, что им всем еще только предстояло понять, пройдя годы испытаний и потерь!

Когда они уже лежали на диване, пытаясь уснуть, Дина вдруг сказала, как будто подводя итог:

– Понимаешь, Натка, очень страшно что-то ломать и начинать заново! Ломать в себе! Даже если то, что есть в тебе неправильно, искажено, ты к этому привык, и так безопасней! А когда ломаешь и затеваешь что-то новое, становишься как голый. Даже если это новое прекрасно, почти невозможно решиться жить по-другому! И самое ужасное, что время на раздумье никто не даст! Либо ты решаешься и идешь вперед, как бы страшно ни было, либо остаешься в прошлом, где безопасней, но это болото!

Произнеся это, она сразу уснула.

Дина оказалась права абсолютно во всем! Наталья иногда даже пугалась ее провидческого дара!

Они пережили эту перестройку как болезнь, как очередную революцию. Но в одном Ната была не согласна с подругой – это время их многому научило, закалило, а главное – многое расставило по своим местам, очень ярко высветив каждого человека: кто сильный, кто жадный,

кто слабый!

Вспоминая сейчас этот разговор, Наталья понимала Дину гораздо лучше, чем тогда!

Сейчас ей надо было справиться со всеми своими страхами!

Господи боже мой!

Да у какой женщины ее поколения не выработался рефлекс как у собаки Павлова на слова: «люблю» и «семья»!!! Для Наты – «люблю» значит, что ее пытаются использовать! «Семья» – значит: «Всё мне, любимому, а ты должна это обеспечить!»

У каждой женщины свои рефлексы!

Она знала точно, что с Антоном будет по-другому. Это то настоящее чувство, о котором молятся, мечтают все на земле и которое даруется Богом единицам. В этих отношениях нет места старым комплексам и страхам! Она честно признавалась себе, что все ее «благородные» отговорки: «ему нужна более молодая, ему нужны дети» – это попытки спрятаться от своих страхов, потому что, когда рядом настолько родной тебе человек, есть место только для полной открытости и доверия, которых никогда не было в ее жизни! И полное прораствание, чувствование друг друга как единого целого.

Это пугало Нату ужасно!

От чувства надвигающейся опасности у Хакима холодела кожа!

Он до сих пор так и не понял, откуда она надвигается, и это настораживало его больше всего!

Ночью он проверил все вокруг: осмотрел подступы к складу и убедился, что все спокойно – случайных людей, машин, слежки или следов засады он не обнаружил.

Со стороны покупателей не может быть никаких подстав, он был в этом уверен. Во-первых, они сотрудничали не в первый раз, а в подобных делах надежный партнер часто вопрос жизни и смерти. Во-вторых, эта сделка очень выгодна для обеих сторон. В-третьих, пожалуй, самое главное, он намекнул, что это только первая партия товара. Хаким был уверен, что никто не будет резать курицу, несущую золотые яйца.

Значит, «студент».

Ну, с этим он справится.

В подробности его сделки «студент» не посвящен: кто, что и куда везет – не знает. Несколько часов назад Хаким его вычислил и приготовил ему небольшой подарок. Как только транспорт будет готов, он возьмет все нити

управления в свои руки.

Но сейчас следует максимально ускорить отправку.

Уплотнив график работы: днем все работают с тремя получасовыми перерывами, а ночью – по двое, через каждый час сменяя друг друга. Хаким рассчитал, что они укладываются в сорок часов.

Хаким вышел на связь со «студентом»: «Транспорт нужен через сорок часов. Настаивайте на этих сроках, доплатите за срочность!»

«Понял, через час снова выйду на связь», – ответил тот.

Отвезя семью домой, Антон с Натой приехали в гостиницу, поднялись в номер и, скинув одежду прямо в гостиной, пошли вдвоем в душ.

– Меня надо держать, я так устала, что меня просто смоеет в душе! – заявила Ната.

– А кто будет держать меня? – рассмеялся Антон.

– Ты мужчина, тебя будет поддерживать чувство гордости! И потом, ты сегодня так много плавал – прямо моряк! А всем известно, что моряк на суше не дешева!

– Ясно, идем тебя купать!

Приняв душ, она взбодрилась, ровно настолько, чтобы предложить:

– Давай посидим на балконе, оттуда такой чудесный вид! Устроимся на полу!

Они задвинули в угол столик и два кресла, стоявшие на балконе, покидали на пол диванные подушки и удобно на них устроились, облокотившись на стену, нагретую за день солнцем, вытянув ноги. Захватили с собой бутылку сухого вина и два бокала.

Панорама, открывающаяся перед ними через ажурные перила балкона, была действительно великолепна: море, горы вдали, город, садящееся солнце; отовсюду звучала музыка, над морем парил дельтаплан с мотором, вдали проплывали катера, доносился гул голосов с пляжа...

Уставшие от моря и солнца, они расслабились, потягивали молча вино, любуясь этой красотой.

Антон вспомнил, что в течение всего дня, посматривая на Наталью, много думал о том, что он ей скажет и как. Подарить кольцо? Да, точно! А еще должны быть розы и шампанское! Черт! Он не знал!

Антон никогда не делал предложения. Когда он оканчивал учебу, его будущая жена строго сказала: «Антон, нам надо пожениться! Ты ведь не хочешь один уехать в свою часть, тебе нужна жена!»

Ринков согласился, не придав этому особого значения и не задумываясь – жена действительно была нужна!

Может, требуется торжественная обстановка?!

Блин! Все-таки нужны розы и шампанское! И, главное, не дать Наталье возразить, а сразу привести веские аргументы! Вот прямо сейчас, а потом все остальное!

– Наточка... – начал он и остановился.

Она повернулась, внимательно посмотрела в глаза.

– Почему ты так нервничаешь? – спросила Ната. – Что-то случилось?

Он не успел ответить – зазвонил оперативный телефон.

– Черт! – выругался Антон и ответил: – Да?

– Я тебя отвлек, Антоша? – спросил генерал.

– Да, – честно признался тот.

– Ну извини уж, – хохотнул Дед. – Значит, новости такие: первое – вычислили «диспетчера» по кличке «студент», очень интересный мальчик. Хаким вышел с ним на связь. Орден хочешь?

– Не хочу, – ответил Антон, но все-таки спросил: – А за что?

– Ты оказался прав: он нервничает, собирается отправляться следующей ночью. Спать они, видимо, не будут. Ребята посчитали: они уложатся при таком жестком графике.

– Черт! Мы не успеем? – Антон поднялся с пола и зашел в номер.

– Конечно, успеем! Новость номер два. Ты точно орден не хочешь? – уточнил довольный Дед. – Ну тогда, может, твоей Наталье дадим?

– Я попал, – догадался Антон.

– Да, и даже не в яблочко, а круче, Робин Гуд ты наш! Ты даже причал указал точно. Все подтвердилось, идет разработка. А тут еще один подарок – турецкие коллеги вместе с ребятами из Интерпола нашли покупателей – тех, кто будет встречать груз, и даже установили, кого отправят «бароны» проверяющим. Теперь весь ход его операции известен от начала и до конца. Более того, Интерпол, по-тихому конечно, отрабатывает версии касательно его плана исчезновения. Так что орден ты свой получишь – не от нас, так от них.

– Что решили, когда вступаем в игру?

– Еще не решили, скорее всего, на нашей территории, в момент погрузки. Это просьба Интерпола – им покупателей сейчас брать не с руки, у них в разработке еще две операции с этими людьми, а нам и карты в руки: сам понимаешь, на нашей территории взять такого кадра с личным!..

– Федор Ильич, – вкрадчиво спросил Антон. – А мои ребята задействованы?

– Может быть, а что, повоевать захотелось? – хмыкнул понимающе Дед.

– Своих не бросаем!

– Этот вопрос обсуждается. Думаю, вам с Мишкой разрешат размяться. Только он не просто так уходить будет, Антоша, ты же понимаешь. Ему надо с командой своей «попрощаться», и что он для них придумал, как будет избавляться – пока неизвестно. И к встрече с нами он наверняка приготовился.

– Это понятно, – отмахнулся Ринков. – Ну не отравит же он их. Они ребята тертые и наверняка начеку.

– Вряд ли! Они доверяют ему абсолютно, он для них непререкаемый авторитет. Травить он их не будет – они едят и пьют одно и то же, друг у друга на глазах. И стрелять он не будет: Хаким, конечно, шустрый хлопец, но «кореец» его раз в десять шустрее, профессионал, да и «латыш» – мальчик не промах! К тому же ему надо, чтобы они бесследно исчезли, а на складе могут и найти. Но что-то он, без сомнения, придумал. Так что это будет еще и операция по спасению его соучастников. Ладно, Антоша, отдыхай, до связи!

– До связи!

У Ринкова все внутри звенело от радости!

Он все-таки его просчитал! Вычислил, такого волчару!!

Предчувствие скорой развязки и будущее активное участие в ней будоражило: анализ – дело, конечно, хорошее, но повоювать, как сказал Дед, тоже очень неплохо!

«Молодец, Ринков. Есть еще порох! Значит, на покой пока рано. Кое-что можем. Самое время жениться!»

Он швырнул телефон в угол дивана и радостно закричал:

– Ната!

– Что? – спросила она, входя в номер с балкона. – Красные в городе или тебе дали Звезду Героя?

Антон рассмеялся, подхватил ее на руки, покружился с ней по комнате:

– Ты моя Звезда Героя!

Он поцеловал ее в губы и вдруг заспешил сказать все разом:

– Ната, я приготовил речь, весь день ее повторял, но сейчас все забыл!.. Да бог с ней, с речью, ладно? Наверное, надо цветы, шампанское... И кольцо! И все это делать по-другому, более романтично, что ли? Черт, не знаю! Выходи за меня замуж, а?!

– Значит, все-таки красные в городе! – рассмеялась Наталья. – Ринков, ты в бой, что ли, торопишься?

– Нет, в бой завтра ночью, и то, надеюсь, что боя как такового не будет...

– Понятно, значит, сидеть на печке тебя не устраивает! – рассмеялась она.

Настроение Наты взлетело!

Какой выбор?! Какой, к лешему, выбор!

Не было никакого выбора с самой первой минуты, когда они столкнулись в тамбуре поезда, а может, и еще раньше!

И пошли они, все страхи, туда, где им и положено быть, а вместе с ними и вся ее прошлая жизнь!

– Наталья! – с нажимом в голосе сказал Антон. – Ты не ответила!

– Да!

– Что значит «да»?

– Да, я выйду за тебя замуж! – все еще смеясь, ответила она.

– Слава богу! – Он крепко обнял ее. – Хорошо! Я боялся, честно.

Однокомнатная квартира, в которой уже много лет жила Дина, досталась ей от бабушки. Ремонт в ней делали своими силами: за неимением средств Дина с Натальей, которая ей всегда помогала, хоть и неизменно ворчала при этом. Дина категорически отказывалась брать у подруги деньги, чтобы нанять строителей. Каждый раз разговор был один и тот же:

– Динка! Ну какого черта? – возмущалась Ната, срывая обои. – Я же хорошо зарабатываю! От меня не убудет. Могу я подруге подарок сделать?

– Я тоже зарабатываю...

– Что ты там зарабатываешь, ненормальная! Те бумажки, которые ты в кассе получаешь, даже деньгами назвать нельзя!

– Ната! Я справляюсь, а если я на тебя каждый раз надеяться буду, то перестану справляться. Что ты опять начинаешь? Я прямо нищенкой себя чувствую...

– Да ты и есть нищенка. Сколько раз я тебе говорила: приезжай ко мне, я тебя на хорошую работу устрою.

– Мне моя работа нравится, и в других областях я не разбираюсь.

– Устроим по специальности, но с зарплатой!

– Ната, перестань. Что я в твоей Москве буду делать?

– Жить и работать. Мне ведь хочется помочь. Я тебе стольким обязана...

– Да ничем ты мне не обязана! Что ты теперь до старости поминать будешь? Если бы я знала, что ты меня так достанешь, вот, ей-богу, не сделала бы ничего.

Когда Натальин партнер сбежал с деньгами в Америку и ей пришлось

выкручиваться из этой ситуации, Динка, не говоря ей ни слова, заложила свою квартиру и отдала подруге деньги. Ната, конечно, все потом вернула и заплатила проценты по кредиту. Но в тот момент эти, пусть небольшие, средства ей ой как помогли!

Ната понимала, как неприятно подруге предложение денежной помощи, лишней раз напоминаящее о ее нищенской зарплате, поэтому старалась делать нужные подарки, а не совать деньги, но ремонт – это другое дело! Сама пройдя через нищету и полную безнадёгу, она восхищалась Дининой стойкостью и умением даже без денег наполнять пространство вокруг себя уютом, красотой и гармонией! В Дине было врожденное чувство красоты и вкуса!

Мебель, оставшуюся от бабушки, Дина отреставрировала сама и даже раскрасила какими-то невероятными сказочными персонажами. Заходя к ней в дом, человек сразу расслаблялся, успокаивался, чувствуя себя уютно среди цветов, легких занавесок, необыкновенных ажурных салфеточек, старинных чашек и смотрящих с дверей шкафа русалок и единорога.

Но все имеет свойство изнашиваться, особенно старая мебель советского производства годов эдак пятидесятых.

Увы, прошлой ночью диван не выдержал напора страстей, сломался и восстановлению не подлежал, потому что остановить Мишку с Диной не смог даже своим предсмертным треском!

Они хохотали как сумасшедшие, выбираясь из обломков и поминутно целуясь.

– Погиб старик, насильственной смертью! – констатировал Мишка, собирая сломанные ножки.

– Если мы продолжим в том же духе, то через неделю от квартиры ничего не останется, – всплеснула руками Дина.

– Это повод к обновлению интерьера. Давай кровать купим! – предложил Михаил.

– Зачем? Мы в Москву уезжаем, а сюда вернемся, наверное, только следующим летом, тогда и купим!

Мишка бросил убирать обломки и полез к ней целоваться, предложив:

– Давай осваивать пол, в прошлый раз было очень даже удобно!

Приехав с шашлыков, они сразу упали на этот освоенный уже пол, где было устроено «ложе любви», как обозвала конструкцию из матрасов, подушек и подушечек Дина.

Мишка нашел в себе силы, чтобы раздеться самому, раздеть девушку и прижать ее к своему боку.

– Это очень удобная постель! Во-первых, падать уже некуда, во-

вторых, можно передвигаться по комнате, не прерывая процесса и без ущерба для тела.

– Миша! Надо в душ, – пробормотала Дина.

– Давай поспим, а потом душ! – ответил он, но Дина уже спала.

Проснувшись часа через два, до ванной комнаты они добрались не сразу...

После душа они наскоро обернулись полотенцами и сели на кухне пить кофе.

– Миша, – спросила Дина, – у вас здесь с Антоном еще какие-то дела, помимо контракта?

Мишка помолчал, а потом честно ответил:

– Да, есть еще кое-что.

– Миша, это что-то криминальное?

Дина встревожилась, она уже давно поняла, что он о чем-то умалчивает.

– Да. Но мы с Ринком – по другую сторону.

Михаил напрягся.

А ведь он ждал этого разговора!

За двое суток, что они провели вместе, они выбрались из квартиры только сегодня – на пикник.

Все это время они занимались любовью, в перерывах шепчась, смеясь, нежно прикасаясь друг к другу, потом впадали в краткий сон, просыпались и начинали все сначала...

Они выбирались из постели только затем, чтобы принять душ вдвоем и поесть, как будто наверстывали годы жизни, проведенные порознь!

Миша расспрашивал Дину о ее жизни, жадно впитывая ее слова, ему было необходимо знать про нее все – что она любит, чего боится, чему радуется.

Как она вообще прожила свою жизнь без него.

Он уходил от встречных вопросов, по привычке опасаясь своего прошлого, не зная, как она отреагирует на его прежнюю службу и на то, что он порой и сейчас влезает в дела не всегда безопасные.

Мишка осторожничал, боялся хоть чем-то спугнуть неожиданное счастье, поэтому уклонился от ее вопросов о шрамах на теле, оттягивая момент объяснения, который все-таки настал...

«А, была не была!» – решил он.

– Диночка, мы с Ринком служили в спецназе ФСБ, потом ушли в отставку и занялись бизнесом. Но сейчас иногда, очень редко, честно –

редко, выполняем некоторые «просьбы» бывшей конторы.

– Ничего себе, – ошарашенная Дина еле могла говорить. – А эти шрамы – оттуда?..

– Да, но это было давно.

– А здесь вы...

– Да.

– Тогда, ночью, вы по этим делам ездили?

– Да.

– А контракт вообще существует?

– Вполне реальный!

– Как я понимаю, все эти ваши шпионские штуки только начинаются?

– Нет-нет, дня через два-три все уже закончится!

– При вашем непосредственном участии в боевых действиях?

– Да не будет никаких боевых действий, просто повяжем плохих мальчиков, и все!

Дина встала, подошла к окну, размышляя, смотрела, не видя, на поникшую от жары зелень деревьев, залитый солнцем двор, на детвору, играющую в сквере.

Мишка напряженно ждал. Так сильно Дуб волновался во второй раз в жизни. Первый был, когда он делал ей предложение.

Наконец она повернулась и посмотрела на него.

Надумала, понял Михаил, и сердце ухнуло куда-то вниз.

– Миша! Никогда ничего не скрывай от меня, ладно? И не надо рассказывать половину правды или приукрашивать ее, – потребовала Дина.

– Диночка! – Он притянул ее к себе и усадил на колени. От облегчения и любви у него колотилось сердце.

– Я не стану паниковать или предполагать самое худшее, я просто буду тебя ждать, а ты будешь знать об этом – и тебе это поможет, что бы ни случилось.

– Диночка! Я тебя люблю!

Мишка стал ее целовать, снимая с нее полотенце и приходя в полный восторг от ее мгновенного отклика, от любви и совершенного счастья!

Им удалось не разломать стол, хотя все предпосылки к этому имелись.

Когда они немного пришли в себя и перебрались на «ложе любви», Дина спросила:

– Ната знает?

– Да.

– Как она с этим справляется? – забеспокоилась Дина.

– Она молодец. Просто умница.

Михаил рассказал Дине, опуская подробности, в чем заключалась помощь Натальи Антону.

– Она всегда такая была: быстрая, умная, выдумщица, – рассказывала Дина. – С ней как на передовой, чего только она не придумывала! Каждый день нашего детства был заполнен действием, и всегда что-то новое, интересное. При этом мы умудрялись выкручиваться и лишний раз не получить нагоняй от родителей!

– Я очень рад за Ринка, за них обоих.

– Я тоже! Наталье в жизни досталось...

– И тебе, – Миша поцеловал ее в лоб.

– Да, у всех у нас жизнь была – не леденец на палочке.

– Зато теперь у меня есть свой персональный леденец, – засмеялся Миша и, конечно, полез целоваться.

«Студент» сообщил, что транспорт будет готов к названному часу, а за срочность доплачено двадцать процентов.

«Лента готова?» – спросил Хаким.

«Да».

«Встречающие?»

«Поставлены в известность об изменениях в графике. Подтвердили готовность на любое время. Ждут сигнала».

«Благодарю за хорошо сделанную работу. С этой минуты перевожу всю связь до завершения операции на себя. Оплата, как обычно, переведена на ваш счет».

«С нетерпением буду ждать нового задания – с вами приятно работать. Всего доброго и удачи».

«С вами тоже. До свидания».

Антон проснулся ночью и стал разглядывать спящую Наталью, вновь задаваясь вопросом: как он вообще без нее жил раньше?!

Он испытывал невероятный восторг просто от того, что она рядом, и будет теперь рядом всегда.

«А могли бы и разминуться, если бы не «мадам», которую завтра надо всенепременно спасти – как-никак, а «рука судьбы», черт бы ее побрал!».

Его поражало чувство юмора Бога – так переплести случайности и судьбы!

Не выдержав даже такого одиночества, он стал будить Нату.

– Ринков, ты вспомнил заготовленную речь? – пробормотала она сквозь сон.

Она, даже не проснувшись до конца, вся загоралась от его поцелуев.

– Нет, – засмеялся он. – Я хочу закрепить твоё согласие!

– Крепи! – тоже смеялась Ната.

Антон прижимал её к себе одной рукой, а другой гладил по спине, наслаждаясь испытываемыми ощущениями! Они возвращались на землю после длительного и нежного «закрепления».

– А что там у нас с «заданием»? – спросила Ната.

– Почти все понятно, кроме некоторых деталей. – Антон чуть не мурлыкал от удовольствия.

И рассказал ей, как развиваются события.

– То, что Хаким собрался их всех убрать, это понятно, но как? Дед уверен, что он придумает нечто неожиданное, хитрое. Главное – успеть его опередить.

– Как я понимаю, – язвительно поинтересовалась Ната, – вы с Мишкой собираетесь принять в этом активное участие?

– Натка!

Антон не знал пока ещё, что и как следует говорить в таких ситуациях, привык за свои сорок четыре года отчитываться перед кем-то и принимать во внимание чувства близкой женщины, кроме разве что мамы, но это было очень давно.

– Ринков! Я не собираюсь тебя отговаривать, все-таки я умная девочка и безнадежными делами не занимаюсь. Но я хочу знать, куда именно ты полезешь? – потребовала она.

– Ты заметила, что, когда сердисься или волнуешься, называешь меня по фамилии? – обнял её Антон и полез к ней целоваться. – Но больше всего мне нравится, как ты произносишь: «Анто-он», когда мы...

– Поняла. Не отвлекай, я только начала тебя допрашивать!

Он засмеялся и ответил:

– Скорее всего, мы с Дубом будем на складе. Там моя бывшая группа участвует, я потом тебя с ребятами познакомлю.

Наталья рывком села на кровати и принялась возмущаться, размахивая руками:

– Тогда тем более надо точно знать, какие сюрпризы он приготовил! А вдруг он взорвет все к чертовой матери, а вы там геройствовать будете!

– Не взорвет. Ему надо, чтобы все прошло по-тихому. И так, чтобы все члены его группы, так сказать, концы в воду...

Наталья вдруг замерла и посмотрела на Антона перепуганными, расширенными глазами, прижала пальцы к губам.

– О господи! – прошептала она.

– Что? – Антон выпрямился и сел на кровати. – Натка, что случилось?

– Я знаю, что он сделает, – прошептала она.

Ната лихорадочно обдумывала мысль, которая пришла ей в голову, и все больше боялась за Антона, за всех, кто там будет, и даже за их «клиентов».

– О господи! – снова повторила она.

Может, она сумеет остановить Ринкова, уговорить, чтобы он не лез в самое пекло, не геройствовал...

«Нет! Это бесполезно – все равно что остановить бегущего бизона или поющего Кобзона! Тогда срочно надо что-то придумать».

– Натка! Да скажи ты, что случилось...

Антон схватил ее за руки и потряс.

– Сейчас, сейчас. Мне надо успокоиться. Ринков, может, ты все-таки не полезешь туда? Пожалуйста? – посмотрела на него умоляющим взглядом она.

– Ната! – пророкотал предупреждающе Ринков.

– Ну хорошо, хорошо! Но спросить я должна была... Может, я и не права, – пугаясь своей догадки, пыталась уговорить она себя и попросила вдруг: – Давай, что ли, выпьем? А потом я расскажу.

Антон быстро встал, вышел в гостиную, где стоял холодильник, извлек бутылку вина, открыл ее, взял два бокала, вернулся и сел на кровать. Наталья вскочила, нашла свою сумочку, достала из нее сигареты с зажигалкой и закурила.

Антон протянул ей бокал с вином. Он ничего не говорил, просто прижал Нату к себе и тихо покачивал, успокаивая. Они сделали несколько глотков вина, посидели немного молча.

Первый испуг у Натальи прошел, и теперь она испытывала целую гамму чувств: с одной стороны, ей было интересно, угадала ли она, а с другой – все еще страшно от этой догадки...

Она отставила бокал на тумбочку и побежала в гостиную.

– Ты куда? – удивился Антон.

– Я сейчас, мне надо одеться! – нашла футболку Антона, надела и вернулась к нему.

– Понимаешь, – торопливо начала рассказывать она, помогая себя жестами и расхаживая вдоль кровати. – Когда я училась в институте, я как-то делала доклад про оборону Севастополя. Он считался курсовой работой, поэтому мне пришлось и в библиотеке сидеть, и даже в архив обращаться. Там я обнаружила массу интереснейших малоизвестных фактов, и у меня возникло много вопросов, на которые я не нашла ответов. Так вот! Один из

фактов сильно меня удивил, поэтому я его и запомнила. Оказывается, имелось несколько арсеналов возле моря, некоторые с причалами или углубленными заливами для катеров, чтобы удобней было во время боя быстро перегружать на них боеприпасы. И что самое интересное, на некоторых из этих арсеналов была установлена система мгновенного затопления, на случай сдачи города. Причем работает она таким образом, что если ее включают, двери закрываются автоматически. Система не связана с основной: то есть, когда начинается затопление, то закрытие дверей уже невозможно остановить!

Она потушила сигарету, допила вино и уже более спокойно закончила рассказ:

– Понимаешь, скорость поступления воды очень высокая, практически за считанные минуты помещение заполняется полностью, и, если там находятся люди, у них нет никаких шансов на спасение. Да, самое интересное. Ни один из этих складов не был затоплен – нечего было затапливать, там уже не было боеприпасов, а может, просто не успели. Если этот склад один из таких, то ваш Хаким может об этом знать и воспользоваться этой системой. Это можно быстро прояснить?

Ринков был потрясен. Он уже не удивлялся ее уму и смекалке, но всякий раз, когда она излагала свои идеи, поражался остроте и оригинальности ее мышления, а еще – просто обалдевал от счастья, что это его женщина, что они встретились и так совпадают!

Он притянул ее к себе, повалил на кровать и улегся рядом.

– Натка! У меня нет слов... Я с ума схожу от счастья, что мне повезло встретиться с тобой...

– «Я еще на машинке умею и пироги печь», – процитировала она, смеясь. – Да! Самое главное. Я еще могу петь патриотические песни...

– В паранджу и под замок! Никому не отдам, – прорычал он и стал ее целовать.

– Антон! У нас дело, – напомнила она, не очень-то сопротивляясь.

– Да-да... Дело... – зарывшись лицом в ее волосы, ответил он.

– Я сейчас перестану соображать. Это черт знает что! Ты так на меня действуешь! – Она обняла его и ответила на поцелуй уже всерьез.

– Ты на меня тоже!

Он усилием воли оторвался от нее, встал с кровати, но, не удержавшись, все-таки наклонился и еще раз поцеловал.

– Все! Дело! – напомнил себе Ринков.

И тут же позвонил Деду.

Генерал ответил сразу, после двух сигналов, выслушал Антона и

жестко сказал:

– Сейчас узнаем! Ты там не расслабляйся, слышу, что улыбаешься. Что, опять Наталья твоя надумала?

– Она!

– Ну, не девка, а гроссмейстер! Я перезвоню.

Антон положил телефон и снова прыгнул в постель:

– Иди сюда! – Обнял ее, потерся щекой об ее макушку и сказал: – Ната, это так замечательно, что мы встретились, а могли и разминуться...

– Нет, не могли. Я точно знаю, что это решаем не мы. Наверное, мы просто заслужили друг друга, – она помолчала и добавила: – как и Миша с Диной.

У «студента» в квартире раздался телефонный звонок.

Он удивился – ему сюда очень редко звонили, только если он заказывал доставку.

– Слушаю, – осторожно ответил он.

– Здравствуйте, – произнес громкий жизнерадостный юношеский голос. – Вас беспокоит интернет-магазин! Вы – постоянный клиент, поэтому ваш номер участвовал в лотерее подарков и выиграл один из них. О том, что именно вы выиграли, вы узнаете при получении – это сюрприз! Наш приз абсолютно бесплатный, от вас не потребуется ничего – только получить его. Скажите, в какое время можно доставить выигрыш?

«Студент» усмехнулся: он любил получать даже мелкие знаки судьбы, подтверждающие его удачу.

– Можно и сейчас, я у себя, – ответил он.

– Замечательно! – еще больше обрадовался юноша. – Тогда в течение часа мы подъедем!

– Хорошо, жду.

В неприметной «девятке», стоящей возле дома, старший группы, ведущей наблюдение, с облегчением вздохнул:

– Ну, слава богу! Начинаем!

Он позвонил, доложил о разговоре и, получив «добро», отключил телефон.

Юноша лет восемнадцати, одетый в фирменный жилет поверх белой футболки и кепку с логотипом интернет-магазина, шел по улице. В руках у него была обычная клетчатая полиэтиленовая сумка «радость челночника».

Парень бодрой походкой вошел в подъезд.

И в первые секунды даже не сообразил, что больше не передвигается самостоятельно: неуловимыми движениями – один за плечи, другой за ноги

– двое мужчин почти нежно подняли его в воздух. Навстречу вышел еще один и, приложив палец к губам, призвал юношу к тишине.

– Ты пока посидишь тут, – сказал он, пристегивая курьера наручниками к лестнице, – а потом поговорим. Лады?

Юноша кивнул головой, соглашаясь.

– Вот и молодец! А чтобы ты сидел тихо, мы ненадолго тебе ротик заклеим.

Один из тех двоих, что «паковали» курьера, заклеил тому скотчем рот.

– Это ненадолго. И не бойся ты так, – успокоил он.

Старшим, по всей видимости, здесь был тот, кто встретил их в подъезде, он достал рацию и приказал:

– Давайте сюда! Да, и вызови саперов, «подарок» проверить.

В подъезд вошли еще двое парней.

Юноша крутил головой, расширенными от ужаса глазами рассматривая всех и прикидывая, чем для него это все закончится.

Отстегнув его от лестничной решетки, с него сняли фирменную жилетку и пристегнули обратно. Один из вновь прибывших натянул на себя жилет, слегка маловатый для его размеров, снял с курьера кепку и водрузил себе на голову. Очень осторожно из сумки извлекли содержимое.

– Вот черт! – заметил старший. – Надо что-то туда положить...

Он посмотрел на курьера, присел возле него на корточки и принялся стаскивать с него кроссовки.

– Я возьму их, ладно? На время! – ласково сказал он.

Положив в сумку кроссовки, он поднял ее, взвешивая на руке:

– Мало, надо еще что-нибудь!

Все стали оглядываться вокруг в поисках каких-нибудь предметов. Один из оперативников, самый здоровый, махнул рукой, подошел к почтовым ящикам и снял со стены один, который висел отдельно.

– Потом вернем! – пообещал он и засунул ящик в сумку.

– Пошли! – дал команду старший.

Перед ними стояла задача взять «студента» врасплох – так, чтобы он не успел подойти к компьютерам или нажать кнопку дистанционного управления, если таковая имелась, и удалить информацию.

Они знали о нем почти все, кроме того, что было установлено в его компьютерах. Судя по информации, которой они располагали, он был профессионалом довольно высокого уровня и бог знает что мог наворотить в своем «железе».

Переодетый оперативник позвонил в дверь.

Справа и слева от двери с пистолетами в руках встали двое его

товарищей, еще двое заняли позиции на лестнице.

– Кто там? – спросили из-за двери.

– Интернет-магазин! – весело ответил «курьер». – Мы вам звонили! Доставили ваш подарок!

Загремел, открываясь, замок, дверь распахнулась.

– Входите, – пригласил «студент».

Мгновенный взгляд на руки – пустые, и в следующее мгновение «студент» уже был прижат к стенке. Группа спокойно вошла в квартиру.

– Добрый день! Вас беспокоит ФСБ, – представился старший.

Один из оперативников сразу прошел в комнату и сел за компьютер. Пробежав по клавиатуре пальцами, он, не отрываясь от монитора, сказал:

– Можно уводить – все в порядке.

В комнате для допросов за столом сидели «студент» и старший группы, которая его брала. На столе между ними лежала коробка из-под компьютерной «мыши» и ее содержимое – мощное взрывное устройство.

– Ну что, Владислав Игоревич, – обратился оперативник к «студенту», – перед нами лежит «подарок», который вам прислал ваш работодатель, «проводник», как вы его называете.

– Это провокация! – возмутился парень.

– Да бросьте вы чушь городить, – махнул рукой оперативник. – Вы же умный мальчик и должны понимать, что козь влезли в игры с этими людьми, то рано или поздно что-то вроде этого получили бы. А «проводник» даже позаботился о ваших близких – после того, как вы открыли бы эту коробку, им нечего было бы хоронить! Здесь около пятисот граммов тротилового эквивалента. Ни от вас, ни от ваших компьютеров и квартиры ничего бы не осталось.

– Дайте закурить!

Мужчина протянул ему сигарету, дал прикурить и уставшим голосом добавил:

– Сегодня в двенадцать ночи деньги с ваших счетов будут переведены на его счета. Он все про вас знает и не брезгует ничем, даже таким небогатым, по его меркам, доходом. Хотите, покажу запрос?

– Не надо.

– Если честно, ваши признания уже не так важны для нас, скорее это нужно вам.

«Студент» молчал. Он был потрясен и до сих пор не мог поверить – не в то, что его взяли, эта вероятность всегда нависала над ним как дамоклов меч – а в то, что «проводник» собрался его убрать. Он задавал себе

извечный вопрос: «За что?» К сожалению, еще никому не удалось найти ответ на это! Мужчина смотрел на него, понимая, о чем тот думает, и не мешая ему принимать решение.

– Хорошо. Я расскажу все! – решил «студент». – Но я хочу знать, какие выгоды от этого получу.

– Домик в Швейцарии. Счет в банке. Главную роль в Голливуде! – спокойно перечислил следователь. И пояснил доходчиво: – Владислав Игоревич! Вы занимались деятельностью, которую закон определяет как бандитизм, торговля оружием и наркотиками, а также подготовка террористического акта. Вы входите в крупные группировки и выполняете заказы по организации убийств, мошенничеств и краж огромных денежных средств и материальных ценностей. А некоторые ваши действия вообще квалифицируются по статье «измена Родине и разглашение государственной тайны»! Единственное, что может вас утешить на данный момент, – то, что вы остались живы. В сотрудники вас никто не приглашает – у нас достаточно порядочных людей, гораздо более профессиональных, чем вы. Вопрос стоит о вашей дальнейшей судьбе.

– У меня есть сведения о многих ключевых фигурах криминального мира, я собрал на всех досье, на всякий случай!

– Будем считать, что этот «случай» наступил. Хорошо. Сейчас вы отдохнете, а потом приступим к работе.

– Я поеду домой, – сказала Ната, – схожу с Веткой и детьми на пляж. У тебя, наверное, целый день будет одно сплошное совещание по телефону...

– День действительно будет напряженный. Но мне хочется, чтобы ты была рядом, – признался Ринков.

Они в первый раз завтракали, сидя на балконе, и удивлялись: почему они не делали этого раньше? Открывающийся с балкона великолепный вид, доносящиеся с пляжа музыка и смех настраивали на счастливую уверенность, что все непременно будет хорошо!

– Нет уж! – возразила Ната. – Пойду поплаваю. Если я целый день буду слушать, что тебе предстоит, я с ума тут сойду! Во сколько вы выезжаете с Мишкой?

– В одиннадцать.

– Значит, в десять я подъеду.

– В восемь!

– Хорошо, в восемь.

– Мы с тобой полежим, поспим вместе...

– Ринков! «Поспим» у нас пока не очень получается.

– Ну, что получится, то получится, – засмеялся Антон.
– Тебе отдохнуть надо перед тем, как идти защищать Родину, которая, как водится, в опасности!
– Вот вместе и отдохнем.
Наталья встала из-за стола, наклонилась и поцеловала его.
– Я пойду собираться.

Мишка заехал за Антоном, но не один, а с Диной.
– Я решила, что нам лучше быть вместе, – сказала Дина.
– Правильно! – Ната обняла и расцеловала ее. – Вот отправим их, сядем, выпьем чайку, поговорим...
– Девушки! – призвал к порядку Антон. – А доблестных героев вы будете пьяненькими встречать?
– Как получится, – рассмеялась Ната.
– Мишка, ты чувствуешь, какая семейная жизнь нас ждет – они же команда!
– Вы тоже команда! – возразила Дина.
– Ладно, девушки, вы тут не шалите, а мы пойдем, поработаем! – подвел итог Михаил.

Дина и Ната подошли к своим мужчинам, расцеловали и перекрестили их. Они не давали никаких напутствий и ничего не говорили и не прочили – все было понятно и так.

Ната еще раз поцеловала Антона.
– Ну, иди!
Мужчины подошли к двери, синхронно повернулись, щелкнули каблуками, отсалютовав дамам, и вышли.
– Пошли, Динка, на балкон, распивать крымские вина! – предложила Ната.
– Пошли, подруга!

Какой-то мелкий цветочек с очень жесткими лепестками, подсушенный жарким южным солнцем, царапал Ринку кожу чуть выше брови. Здесь таких цветов росло много среди острых мелких камней и жесткой, сухой травы.

И все это колосось даже через одежду.
Они лежали на этом плато, заняв позицию, уже давно. Рядом, справа от него, притаился Дуб, за ним – еще пятеро ребят – все из бывшей команды Ринка. Их объектом был склад, а задачей – вывести оттуда всех людей живыми.

Позиция, которую они занимали, была не самой удобной, она находилась довольно далеко от объекта – ближе никак было нельзя! Хаким и так заметно нервничал, явно ощущая опасность, торопил погрузку, задав бешеный темп и заставив всех бегать.

В наушнике раздался голос руководителя операции захвата.

Его прозвали Битым – за умение виртуозно, лучше иного хирурга, обрабатывать раны, приговаривая при этом: «Терпи, родной, – за одного битого двух небитых дают!» С ним Ринк чего только не прошел, вместе из каких только ситуаций не вылезали! Он дважды испытал на себе его умение «штопать» раны...

– Внимание! Осталось четыре ящика. Приготовиться!

Хаким все подгонял и подгонял людей, он чувствовал: что-то не так!

Опасность, как красный сигнал, пульсировала в его мозгу.

Если бы это была обычная работа, он бы давно все отменил, перестраховался.

Но это был его товар, его деньги и его большая игра!

Он справится.

Вместе со всеми таская ящики, он тысячный раз прокручивал в голове все детали и убеждался: негде было его зацепить, не могли его вычислить...

Осталось два ящика.

Хаким, засунув руку в карман, незаметно нажал кнопку на сотовом телефоне, тот зазвонил. Хаким сделал жест, приказывающий его людям остановиться.

– Да!

Сделав вид, что внимательно слушает звонившего, через какое-то время он «перебил» его и попросил:

– Минуту.

Он посмотрел на свою команду и приказал:

– Оставайтесь здесь, отдохните пока. Плохо слышно. Я выйду!

И покинул склад.

– Он вышел, один! – раздалось в наушнике Антона. – Вперед!

Если бы в это время здесь оказался посторонний наблюдатель, он бы еще долго рассказывал всем, что видел призраков.

Семь темных теней, не издавая никаких звуков и, казалось, совсем не ступая по земле, черными молниями метнулись вперед. Еще четыре такие же тени присоединились к ним: две справа от скалы и две слева.

Несколько секунд над плато стояла все та же звенящая цикадами

тишина, как будто это было всего лишь загадочное ночное видение...

И вдруг тишину ночи разорвал звериный рык – это кричал Хаким, поняв, что проиграл!

Этот крик, хлынувшая огромной массой морская вода и команда Ринка добрались до склада одновременно.

Хаким успел привести устройство затопления в действие.

Он кинулся вниз, к заливу, вскочил на все еще работающую ленту транспортера и нырнул с нее в воду.

Там его встретила та часть группы захвата, которая работала со стороны моря.

Их позиция была еще тяжелее, чем у команды Ринка, – они все это время находились под водой, ожидая команды на штурм.

Команда Ринка ринулась ко вторым дверям склада, успев заблокировать первый вход. Вода неслась белым шипящим потоком, заполнив помещение между дверями уже по колено.

Один из бойцов тащил на себе железную болванку, которую быстро вставили, как упор, между створками закрывающихся дверей.

И тут раздались выстрелы.

Со стороны склада стреляли по спецназу.

– Вашу мать! – заорал Ринк. – Хотите утонуть, придурки! Быстро на выход! Через пять минут все затопит!

Морская вода неумолимо заполняла помещение склада. Она с оглушительным шумом вырывалась из щели, сбивая с ног стоящих возле двери людей.

Ринк показал жестом:

«Я пошел за ними!»

Помогая себе руками преодолеть напор воды, он прошел внутрь.

Следом за ним двигался Дуб.

И снова раздались выстрелы, гремевшие в закрытом помещении, как взрывы!

Одна пуля, пройдя в паре сантиметров от головы Дуба, попала в дверь, вторая – в стену выше головы Ринка. Отколовшийся кусочек камня чиркнул Антона по лбу.

«Вниз!» – показал он Мишке и быстро нырнул.

Он плыл возле самого пола, по звуку выстрела определив, где именно находится стрелок. Увидев ноги стоящего человека, он ухватился за них и сильно дернул, а затем потащил его к выходу. Человек отбивался, пытаясь вырваться, и сильно въехал Ринку по скуле.

«Все, хватит!», – решил Антон.

Подтянув стрелка за ногу к себе, он коротким ударом отключил его и отбуксировал к двери. Ребята на выходе приняли у него «клиента», Ринк посмотрел, кого он насильственно спас, – оказалось, «корейца».

Подплыл Дуб, таща за собой «мадам» – она не сопротивлялась, благоразумно пытаясь спастись.

Оставался «латыш».

Но его нигде не было видно. Мать его! А вот это фигово.

Вода стремительно поднималась все выше. Открытой створки двери было мало, чтобы выпустить прибывающую с большой скоростью воду и сдержать затопление склада.

А где-то там, в его глубине, прятался «латыш».

Ринк крикнул:

– Давай на выход! Утонешь!

И в ту же секунду почувствовал, что сейчас будет выстрел.

Он мгновенно отклонился – и пуля прошла там, где только что была его голова.

– Хорошо стреляет, сучонок! – сказал Ринк и нырнул.

На этот раз он не стал церемониться: сразу выстрелил под водой «латышу» в мышцу голени, схватил за вторую ногу, дернул на себя и выбил из его руки пистолет.

Противника это не остудило, он стал сопротивляться, ударив Ринка по пострадавшей уже скуле.

«Да что ж вы такие идиоты?! Не набегались, что ли, на погрузке?» – возмутился про себя Ринков.

Пришлось «успокоить» по-взрослому и этого.

Вода поднялась уже выше двери, Антону пришлось нырнуть и проплыть в открытую створку, таща за собой «латыша». Передав его в чьи-то руки, Ринков крикнул:

– Надо выбить болванку, чтобы двери закрылись!

Набрав воздуха, Дуб нырнул и попытался выбить упор. Выскочив на поверхность, он сообщил:

– Одному не вытащить! Надо немного отодвинуть створку.

Ринк кивнул, подозвал еще двоих ребят и объяснил им задачу.

Все вчетвером снова нырнули.

Дуб с Ринком тянули болванку, а ребята навалились на дверь. Со второй попытки у них получилось. Дверь захлопнулась – вода сразу начала спадать, уходя в открытые двери выхода...

Операция завершилась за несколько минут.

Выйдя из склада, они услышали то, что уже привыкли слышать после хорошо сделанной работы: вокруг стояло то, что в телевизоре обычно заменяет долгое «пи-и», или, попросту говоря, добротный трехэтажный мат!

Площадка у склада, съезд к морю и залив были ярко освещены прожекторами, установленными на подъехавших грузовиках.

Маски спецназовцы не снимали, по имени друг друга не называли, пока не упаковали и не отправили «клиентов».

К их группе подошел Битый.

Они обнялись с Ринком, похлопывая друг друга по спинам.

– Увозите их, чего тянуть! – крикнул он оперативникам, стоящим на дороге.

«Клиентов» рассадили в две машины и увезли. Ребята с облегчением стянули с себя маски.

– Поехали к нам, выпьем. Сколько не виделись! – предложил Антон.

– Нет, Ринк, к вам мы завтра вечером приедем, а сегодня будем с бумагами разбираться. Кстати, вам тоже кое-что писать придется! Но потом, – напомнил Битый.

– Ну что ж, тогда – боевые сто грамм!

Из машины принесли водку, разлили и без всяких тостов выпили. У каждой команды есть свои традиции, которые нельзя нарушать.

– Ни фиги себе, командир! – присвистнул Дуб, присмотревшись к Антону.

– Один пострадавший все-таки есть, – рассмеялся Битый. – Ну и рожа у тебя, Шарапов!

Рассмотреть себя Антону удалось только в машине: лоб рассечен, на скуле справа – здоровенный синяк, под глазом расплывался еще один.

– В хорошей обуви ребята ходят! – подвел он итог осмотру и предложил Михаилу: – Звонить не будем, просто приедем, и все.

Они долго прощались с ребятами, Ринк выдержал осмотр врача, после которого их подкинули к машине, на которой они приехали с Дубом, оставленной далеко от склада.

И опять долго говорили, курили с мужиками, отмахивались от поздравлений с предстоящей женитьбой, радовались завтрашней встрече – им нечасто выпадало увидеться, а тем более посидеть всем вместе, пообщаться спокойно, выпить...

И вдруг среди всех этих разговоров, смеха, радости от удачно выполненного задания Антон почувствовал жгучую потребность поскорее

прижать к себе Наталью, раствориться в ней...

И под очередные шутки по поводу утраты их беззаботной холостяцкой жизни Ринков и Дуб сели в машину и рванули с места.

Они ввалились в номер.

Конечно, ни Ната, ни Дина не спали. Обе, вскочив с дивана, на котором сидели, бросились к ним.

Динка, ничего не говоря, повисла на Мишке, сильно к нему прижавшись. А Ната тут же принялась лихорадочно ощупывать Антона, громко спрашивая:

– Руки, ноги целы? Ты не ранен? Раздевайся, я посмотрю, ты в порядке?!

– Ната, я в порядке, все нормально! – пытался остановить ее он.

Ему хотелось поцеловать ее, прижать к себе и много еще чего сделать!

Наконец она обняла его, потом взяла в ладони его лицо и расцеловала все его раны, уже спокойно интересуясь:

– Ринков! Это что, широкомасштабное наступление на грабли или столкновение с реальным миром?

– Нет, встреча с ботинком!

– Ребята! – сказала Дина. – Мы домой поедem!

– Зачем вам домой? – ответила Ната, все так же прижимаясь к Антону. – У Мишки же номер есть. Правда, Михаил не слишком часто им пользуется!

– Точно! – обрадовался Мишка. – Пошли, Дина!

Они быстро попрощались и ушли.

– Набрать тебе ванную? – спросила Ната. – И это все надо обработать! – Она указала на ушибы.

– Натка! Я тебя люблю! – сказал Антон и, поднимая ее на руки, добавил: – Все потом: и ванная, и обработать!

Они решили пообедать вчетвером на балконе в номере у Антона.

Выходить на народ с такой «шараповской рожей» Ринкову не хотелось. Хотя Ната и лечила его раны купленными в аптеке дорогостоящими примочками, лицо от этого лучше не стало, а утром и вовсе выглядело совершенно устрашающе!

Наталья расстраивалась ужасно и приставала к Дине:

– Динка, ну посмотри, чем можно помочь!

– Само пройдет! – сказал Антон.

– Ринков! Ты себя в зеркало видел?! – возмущалась Ната. – С тебя

можно картину писать: «Лицо современного бизнеса, или ударим «разборкой» по благополучию!» Сейчас твое лицо – мечта абстракциониста!

– Да успокойся ты! – сказала Дина, изучая боевые раны Антона. – Его врач осмотрел прямо там: перелома нет, зубы на месте, на лбу даже швы накладывать не понадобилось, просто глубокая длинная рана, заживет!

– Я знаю, что поможет! – встрял Мишка. – Срочно принять внутрь!

– Спасибо, товарищ! – обрадовался Антон.

Они заказали обед и, когда его привезли, попросили официантов накрыть стол на балконе.

Во второй половине дня солнце с этой стороны здания уходило, легкий ветерок комфортно обдувал, откуда-то доносилась музыка, и было очень уютно.

Миша поднял рюмку и предложил тост:

– За неожиданный во всех отношениях отпуск!

Все чокнулись и с удовольствием выпили: девушки вино, а мужчины по традиции водочку, замороженную до тягучести.

– Антон! – обратилась к нему Дина. – Вы не могли бы рассказать подробнее про «задание»? Или это государственная тайна?

– Да, командир, мне тоже интересно, а то я и половины не знаю!

– В принципе действительно это тайна, но вам, Дина, я расскажу с одним условием!

– Каким?

– Мы с вами переходим на «ты»!

– Легко! – рассмеялась Дина.

Они чокнулись и выпили.

– Значит, началось все так...

Антон рассказал, как его вызвал генерал, о Хакиме и его команде.

– План, который он придумал, на самом деле был оригинален и дерзок. Если бы не два обстоятельства, у него получилось бы абсолютно все. Первое – он заигрался! У него не было ни одного прокола раньше, и он решил напоследок с помпой сделать нам ручкой! Сначала устроил много шума вокруг своего прибытия. Хватило бы его первого приезда в Крым да намек, кому надо, про оружие. Но ему захотелось громких аплодисментов! Он специально дал засечь встречу его подручных с адъютантом, будучи совершенно уверен, что здесь нам ничего не накопать, еще один привет нам.

– Синдром гениальности, – сказала Ната.

– Поясни, – спросил Мишка.

– Это когда талантливый или просто выдающийся человек переходит черту: ему кажется, что он единственный, избранный, а все остальные – глупее или просто хуже его. Как правило, такие люди начинают специально дразнить противника, давая ему подсказки, но при этом запутывая свои ходы – что-то, типа: «Ладно, ребята, коль вы такие тупые, я вам подскажу!» – пояснила Ната.

– А второе обстоятельство? – спросила Дина.

– Второе – то, что я встретил Наталью, – довольно сообщил Ринков.

– И чем же моя подруга помогла?

– Она умудрилась вычислить три ключевые позиции в плане Хакима.

– Ничего подобного! – возразила Наталья. – Просто у нас с тобой мышление на одну волну было настроено, и когда ты рассказывал, у меня на ассоциациях возникали идеи.

– И все попадали в «десятку»! – очередной раз восхитился Антон.

– Ну и что! Вы бы рано или поздно все сами вычислили! – горячилась она.

– Может, и вычислили, но поздно! А то, что его команда утонула бы, если бы не ты, – это к гадалке не ходи!

– Стоп! – остановила их Дина. – Давайте по порядку!

– Хорошо, по порядку! – согласился Антон. – Хаким приехал сюда со своей командой. Причем команда дала себя обнаружить и идентифицировать спецслужбам, хотя раньше всегда уходила из-под наблюдения. Они мотаются по всему Крыму, создавая видимость бурной непонятной деятельности, встречаются с огромным количеством людей, среди которых был и некий дядечка, который пятнадцать лет назад вышел в отставку с должности адъютанта адмирала. Конечно, разрабатывались и проверялись все люди, с которыми встречались люди Хакима. Отрабатывались все версии, в том числе и этот адъютант. Случилось так, что именно эту встречу наблюдали мы с Натальей. У меня в голове тогда были другие, гораздо более значимые люди, с которыми проводились переговоры и складывалась более интересная картинка! А какой интерес мог быть к этому дядьке? Может, какие-то старые связи, интерес к проходу на территории, о которых забыли. Да все что угодно! А Ната, не загруженная лишней информацией, сразу предположила: что-то связанное с оружием, исчезнувшим лет пятнадцать назад! И наши ребята раскопали! Во время перестройки адмирал и адъютант спрятали вагон минометов! Все получилось случайно – поставили на запросе не тот код, и получили вместо торпед минометы. Адмирал перепугался – можно было и погон лишиться – все документы уничтожили и спрятали груз на закрытый с войны склад, о

котором и не помнил никто. Морячки разгрузили и по домам разъехались, а что разгружали – не их дело! У Хакима имелся свой человек в Москве, в штабе, он проверил все архивы и убедился, что ни одного документа по этому оружию нет. Поэтому-то Хаким был абсолютно уверен, что его нельзя вычислить! Но ребята нашли рапорт лейтенанта, который руководил той разгрузкой. Очень ему эта разгрузка показалась подозрительной, и он сообщил в Москву. Но времена были еще сами помните какие. Рапорт так и не рассмотрели, но он сохранился лишь в одном архиве, о котором не знал человек Хакима! Склад проверили, и все подтвердилось! Вроде картинка складывалась, но было непонятно – первое: зачем столько показухи вокруг команды, и второе: как Хаким собирает оружие вывозить? Давайте выпьем, что ли? – прервавшись, предложил Антон.

– Давайте, – согласилась Дина и попросила – только ты не отвлекайся, очень интересно!

Антон разлил вино дамам, а Мишка налил в рюмки тягучую водочку.

– Эх, люблю себя на отдыхе! – сказал он, поднимая рюмку.

– Еще не отдых, контракт не мешало бы подписать! – остудил его немного Антон.

– Куда он денется? – отмахнулся Мишка.

Чокнулись, выпили за все хорошее.

– Антон! Рассказывай! – напомнила Дина.

– На чем мы остановились?

– Что они сильно нашумели!

– Да! Тут выясняется, что с маршрута, который прокладывал Хаким для наркобаронов, исчезла очень большая партия наркоты, бесследно! И опять Ната подсказала версию. Зачем столько шума? А затем, что, когда вокруг шумят, всегда легче украсть! Он проложил сразу два пути – один для заказчиков, второй для себя. Оба рядом – под Краснодаром! Про оружие Хаким знал уже давно, прочитав сообщение, которое дал адъютант, желая заработать. Хаким сразу уничтожил все следы информации и встретился с адъютантом, договорился и все это время «подкармливал» клиента. И тут он получает заказ проложить маршрут неподалеку от Крыма. А тут рядышком присмотренное оружие! Вот тогда наш предприимчивый деляга и понял, что это большой шанс! Пока еще не установили, как он сюда ввез наркоту, но, думаю, скоро это выяснится. Еще было непонятно, как он вывозит весь свой товар собирает – здесь же все как на ладони, все пути известны, ничего не спрячешь! Но тут у Наты возникает очередная идея – а что, если Хаким расфасует наркоту в минометы и вывезет все одним махом! Просто наповал! Вот такая у меня

Ната умница! Генерал грозился забрать ее в контору! – Антон наклонил, поцеловал Наталью в лоб и наигранно прорычал: – Никому не отдам!

– То, что она головастая, это давно известно! Давай дальше! – попросила Дина.

– Версия Натальи подтверждается: Хаким завозит на склад столы для расфасовки. И теперь становится понятна эта шумиха. Хаким, зная ход мыслей своих заказчиков и распустив слух об оружии, ожидает проверяющего от «баронов». Пропавшие наркотики-то еще ищут. Приезжает проверка. Тем временем Хаким расставит пустые ящики так, что смотреть начнут с пустых минометов, а даже если заглянут в другие ящики, то искать будут в самих ящиках, а не внутри стволов, и все – он чист перед «баронами». Оружие его «законная» добыча – никто не претендует!

– Гениально! Мне даже жаль, что его раскусили! Такое придумать! – восхитилась Дина и попеняла подруге: – А все ты, Натка! Всю малину мужику испортила!

– Да, придумано здорово, но он собрался убрать всю свою команду, а адъютанта все-таки взорвал! – перебила восхищенную речь Ната.

– О господи! Тогда мне его не жалко!

Все рассмеялись, но Дине нетерпелось, и она подгоняла Антона:

– Рассказывай, Антон! Интересно, как в детективе!

– У него был диспетчер, – продолжил Антон. – Очень умелый специалист в области компьютеров. Он координировал ход дела из Москвы. Вчера вечером Хаким взял завершение операции на себя, поблагодарил диспетчера за сотрудничество и прислал ему подарок – пятьсот граммов тротила!

– Взорвался! – ахнула Дина.

– Нет! Его уже «вели» некоторое время, успели арестовать, а посылку обезвредить! – успокоил Ринков.

– Вот сволочь! Ну, а как он все это собирался вывозить-то?

– Вот тут самое интересное! Мы поехали с Натой в Севастополь. Про ее актерские способности, насколько я знаю, Миша тебе уже рассказал...

– Меня это не удивляет, уж я-то ее знаю! – засмеялась подруга.

– Теперь знает вся контора! – рассмеялся Михаил и предупредил: – Готовься, Наталья, завтра приедут наши ребята вместе с Битым. Они тебя утопят в комплиментах. После операции все Ринка уговаривали в подробностях рассказать про ваш спектакль. И про то, как вы ныряли, тоже...

– Так вот, когда мы уезжали из Севастополя, от причала отходил

военный катер и дал гудок. Я осмотрел акваторию: там, у дальних причалов, что-то ремонтировали и работала сварка. У меня сразу перед глазами встала одна сцена. Когда мы с Дубом ночью на склад ходили, я осматривал в бинокль берег с того же места, где днем стоял Хаким. И там, на причале, тоже работала сварка! Ночью! Что можно отремонтировать так срочно, чтоб даже ночью? Я вспомнил, что видел днем, когда мы были с Натой на экскурсии, сопоставил и все понял: он решил вывозить товар на подводной лодке.

– Не может быть! – удивилась Дина. – А как же разрешения и документы? И как вообще такое можно проверить?

– И тем не менее. На флоте дела обстоят не очень хорошо. Лучше, чем десять лет назад, намного лучше, но тем не менее. Хаким придумал все очень просто и гениально. Через того человека в штабе, который искал для него документы, смог просмотреть дела многих офицеров, как русского, так и украинского флотов. Отобрал несколько человек, встретился с каждым, еще в свой первый приезд, естественно, каждый раз по-новому гримируясь и уходя от нашей слежки. Он предложил очень элегантную схему! Некий богатый инкогнито желает с друзьями отметить свой день рождения на подводной лодке! У вас же есть лодки, которые на ходу, но их не используют? Он переводит деньги на счет флота, оплачивает топливо и демонтаж ненужных деталей и оборудования. После ремонта он делает пробную поездку, недалеко – до нейтральных вод и назад. Если его все устраивает, он переводит оставшуюся по договору сумму и на несколько дней арендует лодку! Задача того офицера была, во-первых, выйти на начальство с таким предложением и добиться разрешения. Никто из высокого руководства не пошел бы на подобное, но деньги на флот нужны. А провести их можно по другой статье. И речь о немалых деньгах! Тут задумаешься – морячков-то кормить надо! Да и много чего там требуется! Во-вторых: этот офицер получал на личный счет очень нехилую сумму! Ему объяснили, что во время «проверочной» прогулки он возьмет некий груз, который перегрузят в нейтральных водах с Турцией. Хаким – хороший психолог, он нашел именно того человека, который был ему нужен – трусоват, жаден, продажен. И все сработало как по маслу. Хаким перевел аванс на оба счета, на лодке демонтировали все лишнее, чтобы загрузить ящики. Мало того – сделали конвейерную ленту, работающую от аккумуляторов лодки, для быстрой погрузки. Лодка подошла к самому берегу – залив там глубокий. «Добро» на выход было получено, так что отслеживать их никто бы не стал! И все! Если бы Натке не пришла в голову версия про оружие – он бы ушел! Мы бы только потом поняли что к чему!

И команду Хакима она спасла, вспомнив про возможность затопления!

– Хватит меня хвалить! Лучше я с них деньгами возьму! – возмутилась Наталья.

– К сожалению, твои спасенные будут неплатежеспособными много лет!

– Вот и делай после этого людям добро! Главному спасителю лицо разбили, а спасательнице никаких денег, – усмехнулась Ната.

– Генерал грозитя орден тебе дать.

– Еще чего, – отмахнулась Наталья. – Что я с ним делать буду? Мне тебя в качестве награды достаточно!

– Давайте выпьем за ваш творческий союз! – выступил с инициативой Мишка.

Все подняли бокалы, но Ната предложила свой тост:

– Нет. Давайте – за всех нас: за вас с Диной и за нас с Антоном, за то, что нам повезло найти друг друга. И еще за это ваше «задание», потому что благодаря ему мы все и встретились!

Они чокнулись, выпили, и вдруг Дина начала смеяться.

– Динка, ты чего? – спросила Наталья.

– Если бы ваш Хаким узнал, что из-за него свалилось такое счастье на людей, которые ему все испортили, он бы, наверное, помер!

Подруги принялись хохотать. Мужчины переглянулись и, представив себе комичность ситуации, присоединились к ним.

Они смеялись от души, до слез, до икоты, хлопая по спине друг друга, успокаивались немного и снова начинали хохотать!

В комнате для допросов находились двое: Хаким и генерал.

Разговор велся спокойный и неспешный, собственно, говорить было не о чем – перед Хакимом стоял нелегкий выбор. Вариант первый: он идет под суд, неважно, какой страны, и неважно, в чьей тюрьме будет сидеть. Важно, что после суда «бароны» все узнают, и долго сидеть Хакиму не придется. Вариант второй: он полностью, до потрохов, сотрудничает с Интерполом или с кем пожелает из силовиков других стран.

Пока решение он не принял.

Хаким был совершенно спокоен и неожиданно спросил:

– Скажите, Федор Ильич, как вы меня вычислили?

– Думаю, для вас это будет не слишком приятно! Дело в том, что некоторые ваши ходы разгадала женщина!

И тут, первый раз за все время, Хаким позволил себе проявить эмоции.

– Найду суку и задущу! – по-арабски прошипел он.

– Вряд ли! Вот ее точно невозможно вычислить! – тоже по-арабски ответил генерал.

Два месяца спустя

Антон устал. У него выдался трудный день: много разъездов, пробки, а в конце дня – затяжные переговоры.

Тупой снобизм клиентов раздражал и утомлял. Он посмотрел в окно.

«Все, конец лета, вон и листья уже желтые», – подумал он.

За окном героически растущие в центре Москвы деревья действительно уже желтели, напоминая о близости осени.

Антон вернулся к разговору, переключая внимание на энергично бубнившего заказчика. Он терпел сколько мог этот надменный и пренебрежительный тон. Наконец Ринкову надоело. Он холодно оборвал собеседника и объяснил, поднимаясь из кресла, что такого уровня системы, которого они хотят, на тех условиях, которые предоставляет его фирма, они нигде не найдут. Обсуждать уменьшение стоимости он не собирается, так что «господа, переговоры закончены».

По сути все прозвучало очень однозначно: «Идите вы в задницу!» Господа поняли без перевода и с оскорбленным видом удалились.

Ринков торопился домой к Наталье, зная, что она сразу снимет с него раздражение и усталость, как всегда верно дав оценку этой ситуации. Антон улыбался, представляя, что она может сказать.

Он открыл входную дверь и замер на пороге.

Вся прихожая была увешана воздушными шариками, привязанными ко всем ручкам, несколько штук болталось под потолком, с них свешивались блестящие веревочки.

От яркой расцветки шаров рябило в глазах.

– Ух ты! – восхитился Антон.

Он вошел, закрыл дверь, зачем-то потрогал шарики рукой и прокричал в глубь квартиры:

– Натка! У нас что, праздник?

Наталья вошла в холл. Она была в тоненьких светлых брючках и легкой кофточке без рукавов, и этот наряд ей очень шел.

Такая красивая, родная!

У Антона уже привычно сердце пропустило удар от счастья, защемило в горле – так она на него действовала...

– Да, праздник! – ответила она.

Ната подошла к нему и поцеловала в макушку, когда он наклонился и торопливо стягивал туфли.

– Что празднуем? – Антон распрямился, обнял жену за талию одной рукой и прижал к себе.

– Твою неординарность и... везение.

– Я чем-то особо отличился?

Он поцеловал ее в ушко, понизив голос до интимного шепота.

– Еще как! – Ната обняла его за плечи и придвинулась ближе. – Идем за стол, все накрыто.

– Может, за стол попозже? – с надеждой спросил он.

– Там мясо сторит... в духовке...

Наталья таяла от его прикосновений, поцелуев, шепота, от одного его присутствия рядом. Она готова была заняться с ним любовью где угодно и так откликнулась на его ласки, что Ринков чувствовал себя суперменом!

– Давай выключим газ...

Он взял ее за руку и потащил за собой на кухню.

И замер как вкопанный. Посередине красовался роскошно сервированный стол. В центре стояла ваза с розами, две витые зажженные свечи в подсвечниках, манили к себе разнообразные салаты, и над всей этой красотой витал дурманящий запах мяса!

– Ого, вот это пир! Пожалуй, придется сначала поесть. Я голоден как волк, – решил Ринков.

– Спасибо, я старалась.

Он поцеловал ее и пошел в ванную мыть руки, на ходу снимая пиджак и галстук.

– Так чем я все-таки отличился? – прокричал он из ванной.

Наталья не ответила.

Антон вернулся, сел напротив нее за стол.

Наталья уже разлила вино по бокалам. Подняв свой, она сказала:

– Сегодня выяснилось, что ты – настоящее чудо!

– Каким образом ты это выяснила? – Он поднял свой бокал, ожидая ответа.

– Посредством врача-гинеколога – я беременна...

– Ты – что?! – Ринков осторожно поставил бокал и ошарашенно уставился на нее.

– У нас будет ребенок, – пояснила она и добавила: – Когда-то врач мне сказал: «Может случиться чудо!» Вот ты и случился.

– Натка...

Ринков не знал, что сказать, что сделать. Ощущение было такое, как будто его стукнули по голове!

– Натка! – повторил он. – Этого не может быть!

– Как выяснилось, может! И уже десять недель, что говорит о том, что детку мы с тобой привезли из Крыма!

До него наконец начало доходить, на лице Антона расплывалась довольная улыбка. Он встал, подошел к ней, поднял ее со стула, сел и усадил к себе на колени.

– Натка, у нас и вправду будет ребенок?! – восхитился он.

– Надеюсь! – рассмеялась она.

– Что, могут быть осложнения? – тут же переполошился Ринков. – Господи! Ну конечно, наверное, возраст, и операция у тебя была?! Натка, тебе надо в больницу?!

Антона прошиб холодный пот, он вдруг перепугался, представив себе все ужасы, какие только мог!

– Нет! Не пугайся! Я совершенно здорова! Правда! – поспешила успокоить его Ната.

– Слава богу!

– Давай выпьем за неожиданные перемены!

– Давай! Выпить мне точно надо! – согласился он и тут же спросил: – А тебе можно? Это не вредно для тебя или ребенка?

– Немного красного сухого вина нам не повредит!

Антон поцеловал ее, перегнулся через стол, не выпуская Наталью из рук, взял ее бокал и подал ей.

– Наточка, солнце мое, до меня еще не совсем дошло, но я счастлив безмерно, и я тебя люблю!

– Я тоже тебя люблю, Ринков!

Эпилог

Антон позвонил Наталье, когда уже прошел таможенную и регистрацию:

- Натка! Как ты там?
- Хорошо! – весело и бодро ответила она. – Ты где?
- В аэропорту, через полчаса вылетаю. Как ты себя чувствуешь?
- Все нормально. Не волнуйся.
- А дети как?
- По-моему, лучше всех, играют в футбол! – рассмеялась она.
- Ответь серьезно. Тяжело тебе? – заволновался Ринков.
- Терпимо. Ты не переживай!
- Все, объявили посадку, скоро буду дома. Я тебя люблю!
- Я тебя тоже! Мы тебя ждем.

Ната была на девятом месяце беременности.

Они уже давно знали, что у них будет двойня. Пол детей решили не узнавать – пусть будет сюрприз, а они всем рады – хоть мальчикам, хоть девочкам, лишь бы здоровы были!

Наталья на удивление легко проходила всю беременность, чего нельзя было сказать об Антоне. Он безумно за нее переживал, ходил вместе с ней по врачам и устраивал целые допросы, доводя докторов и лаборантов до белого каления!

В конце концов, Наталья не выдержала и запретила ему посещать врачей вместе с нею.

– Ринков, они же тебя боятся. Когда ты идешь по коридору, они разбегаются как тараканы и прячутся в кабинетах. Тебе уже сто раз объяснили, что я здорова и у нас с детьми все в полном порядке! Не бойся ты так...

– Я постараюсь, но это трудно! – тяжело вздохнув, пообещал он.

За последние недели живот стал огромным, как казалось Наталье, просто гигантским. До родов оставалось меньше месяца, когда Антону понадобилось срочно улететь в Швейцарию, в командировку по делам фирмы. Он отнекивался, оттягивал отъезд как мог, хотел вообще отказаться от этой поездки, но Наталья твердо настояла:

– Ринков, езжай! Я хоть от тебя отдохну, а то создается впечатление, что я при смерти. Потом, после рождения детишек, ехать тебе будет точно

некогда.

– Натка! Я просто очень волнуюсь.

– Вот и съезди. Я не буду у тебя все время перед глазами маячить, и ты немного успокоишься.

Они спорили до самого отъезда, но все-таки она настояла на своем.

В Швейцарии Антон в ускоренном режиме, за неделю, решил все вопросы и рвался домой так, словно находился не в одной из красивейших стран мира, а в местах заключения.

Мишка с Диной на время его отсутствия поселились у Ринковых дома, чтобы присматривать за Натальей.

Дина тоже ждала ребенка и была на пятом месяце. Мишка просто сатанел от них с Натальей: то они смеялись, то плакали, то ели огурцы, то запивали их молоком! Он, как и Антон, сходил с ума от радости, ожидания и волнения...

Наталья с Диной укладкой посмеивались над мужьями:

– Представляешь, о чем они на работе говорят? – смеясь, рассказывала одна. – Мне по секрету Мария Ивановна рассказала: закрываются в кабинете у Ринкова и обсуждают, какие у нас анализы, что говорят врачи и какие кульбиты выделывают дети у нас в животах...

– У меня вообще такое впечатление, что это не я беременная, а Мишка, – хохотала Дина. – Он мне звонит по часам, проверяет: приняла ли я витамины, а я про них все время забываю, и про диету тоже – ем все подряд! А он помнит, какие-то правильные продукты покупает, соки... С ума можно сойти. Может, они и рожать за нас будут?!

– Хорошо было бы... Ринков собирается присутствовать в исторический момент и держать меня за руку, – поделилась Наталья.

– А Мишка сказал: ни за что! Говорит, если увижу, что тебе больно и ты кричишь, полезу всем морды бить. А я говорю: начни с себя как с главного виновника события!

Поговорив с Антоном, Наталья решила выпить сока.

Теперь это было сложное мероприятие. Надо было сначала выбраться из кресла – по-хорошему, в него и вовсе не надо было садиться, но только в этом кресле ей было удобно сидеть.

Она в несколько приемов выбралась из кресельных объятий и вдруг почувствовала резкую боль внизу живота.

– Так! Дети, вы что, решили любимому папочке сюрприз устроить? Торжественную встречу? – Она теперь часто разговаривала вслух,

обращаясь к своим малышам.

Боль отпустила, и Ната утиной походочкой поковыляла на кухню. Налила себе сока, но выпить не успела – все повторилось снова, причем боль стала гораздо сильнее.

– Спокойно! Это просто роды, ты же не думала, что они останутся там навсегда! – уговаривала она себя.

Так получилось, что именно сейчас Наталья оказалась одна – Мишка был на работе, а Дина ушла на занятие в школу будущих мам.

Ната позвонила своему врачу – Наталье Алексеевне. Слава богу, та была на приеме и сразу ее успокоила:

– Наталья, все нормально, двойни очень часто рождаются раньше срока. Езжайте в роддом, я сейчас же туда выезжаю! Может, выслать «Скорую»?

– Не надо, я такси вызову.

– Хорошо, я вас жду.

Схватки становились все сильнее и чаще.

– Кажется, мне самой уже не справиться. Дети, дайте маме собраться! – призвала она расходившихся буянов к порядку.

И вдруг Ната услышала, как кто-то открывает ключом входную дверь.

Вот и хорошо. Помощь пришла.

– Кто там? – крикнула Наталья.

– Это я, Наталья Александровна, Полина Ивановна!

Это была их домработница, женщина выдающихся достоинств и талантов. Она была очень большая – размера шестидесятого при росте метр семьдесят, что не мешало ей быть невероятно быстрой и подвижной. Она боролась с грязью, пылью и беспорядком, как Ленин с контрреволюцией, словно они были ее личными ненавистными врагами, чем доставляла Наталье с Антоном немало веселых минут. Но для домработницы это была священная война, и посмеивались они тайком. Раньше, когда Антон жил один, домработница приходила к нему раз в неделю. Она его обожала и почтительно называла по имени-отчеству. Когда появилась Наталья, Полина Ивановна перенесла свое обожание и уважение и на нее. Любые попытки уговорить ее не величать и Наталью по батюшке терпели крах.

Теперь домработница приходила через день, будучи сама просто счастлива этим.

– Полина Ивановна, – обратилась к ней Наталья. – Соберите, пожалуйста, для меня вещи, мне надо в роддом...

– Как – в роддом? – всплеснула домработница полными ручками. –

Нам еще рано. Нам еще только через три недели!

– Это мы так думаем, – улыбнулась Ната. – А дети решили иначе. Пожалуйста... – Она тяжело задыхалась, началась очередная схватка, – вызовите такси.

– Боже мой! Антон Александрович не знает?

– Так, Полина Ивановна, – строго сказала Наталья. – Вещи и такси! Иначе рожать будем дома!

– Да, да!

Домработница собрала вещи, вызвала такси и объяснила им ситуацию. Диспетчер пообещала прислать машину немедленно.

– А Диночка где? И Михаилу Захаровичу надо сообщить!

– Вот этого мы пока делать не станем. А то Ринков с боем через таможенню прорываться начнет.

Зазвонил телефон – сообщили, что такси ждет у подъезда.

Они подошли к двери – и вдруг Ната почувствовала запах сирени.

– Полина Ивановна, у вас новые духи?

– Да, племянник подарил. Вам не нравятся? Это сирень, – забеспокоилась женщина.

– Нравятся. Очень нравятся! – рассмеялась Наталья и поцеловала ее в гладкую щеку. «Какая же я была дура, когда решила, что сирень меня может подвести! Прости меня, Господи, что я забыла: эти цветы всегда, всегда несли для меня все только самое лучшее, всегда предвещали счастье! Теперь точно все будет хорошо».

Когда Наталья с помощью Полины Ивановны переодевалась в приемном отделении роддома, позвонил Мишка:

– Наточка! Как ты там одна?

– Нормально, – рассмеялась она.

– Скоро Дина приедет, ее Славик привезет с занятий. Ты не скучай.

– Вот скучать в ближайшее время мне точно не придется!

– Натка, ты о чем? – настороженно спросил Миша.

– В данный момент я собираюсь рожать. Ты только не пугайся...

– Как рожать? – закричал Дуб. – Еще же рано!

– Миша, подожди... – Она переждала очередную схватку, отдышалась и спросила: – Ты еще здесь?

– Здесь, здесь! А ты где?

– Уже в роддоме. Миша, пошли Славика или кого-нибудь еще встретить Антона, у него там на стоянке машина стоит... А то ведь он будет гнать как сумасшедший. Так что лучше не говори ему пока ничего.

- Хорошо! Мы с Диной сейчас приедем.
- Не надо! Неизвестно сколько это продлится!
- Это неважно. Мы все равно приедем.

Ринков вышел из таможенного коридора и сразу увидел Славу.

Он перепугался так, что забыл дышать, мгновенно подумав все самое плохое, что может случиться.

– Здравствуйте, Антон Александрович! – радостно поздоровался Слава и взял у него одну сумку.

– Почему ты меня встречаешь? – очень спокойным, холодно-строгим голосом спросил Антон. – Что-то случилось?

– Ничего! – ответил Славик, улыбаясь во весь рот.

Антон достал телефон, нажал кнопку Натальино номера – ее телефон оказался выключенным. Стараясь не поддаваться панике, он набрал номер Михаила. Сердце стучало так, как будто вот-вот выскочит!

– Ринк! – сразу ответил тот. – Все в порядке! Врач сказала, что все идет хорошо!

– Какой врач, твою мать?! – разъярился Антон. – Что там у вас идет хорошо? Что происходит? – заорал он так, что на него стали оборачиваться люди.

– Ната рожает. Славка тебя сейчас к нам в роддом отвезет. Он разве тебе не сказал?

– Нет! Все, еду.

Он широкими шагами двинулся к выходу, через плечо бросив Славе, еле поспевающему за ним:

– На ближайшей тренировке в зале будешь у меня вместо боксерской груши.

– Ну что вы, Антон Александрович, – не испугался Слава. – Это же сюрприз!

– Я тебе устрою сюрприз, мало не покажется, – пригрозил Ринков.

В родовую вбежала медсестра.

– Наталья Алексеевна! Там папаша сюда рвется!

– Дайте ему халат, бахилы и впустите! – распорядилась Наталья Алексеевна.

– Да он сам уже переодевается. Можно подумать, мы могли его остановить! – возмутилась девушка.

Преодолевая сильную боль, Ната рассмеялась.

– Наталья, не отвлекайся! – прикрикнула на нее врач. – Давай! Тужься!

И как раз в тот момент, когда встрепанный грозный Ринков влетел в операционную, родился его первенец.

Сын.

Сын и дочка родились крошечные, но совершенно здоровые и крепкие!

Мальчик был покрупней сестры и плакал баском. Девочка – совсем маленькая и не плакала: так, попищала без энтузиазма, обозначив себя в этом мире, и сразу успокоилась, замолчала, когда ее положили на руки отцу.

В палату, куда привезли Наталью после родов, пришла ее врач, чтобы поздравить.

– Ну, Наталья! Ты героиня! Быстрые роды, и такие легкие. О вас с мужем уже легенды слагают...

Антон сидел на стуле возле кровати, где лежала жена, и держал на руках детей, которые спали, тихонько посапывая.

Наталья Алексеевна помогла ему уложить детей в кроватку, поздравила еще раз счастливых родителей и вышла. Антон посмотрел на спящих детей, потом подошел к Наталье.

– Мне хочется тебя обнять, – сказал он.

Она подвинулась:

– Давай!

Он осторожно лег рядом и нежно прижал ее к себе. Наталья повернула к нему голову, они смотрели друг другу в глаза.

– Натка, – сказал он тихим голосом.

Его переполняли чувства, которые и пережить-то было трудно, не то что описать словами...

– Натка, – повторил он. – Я тебя люблю.

От переживаемого у него навернулись на глаза слезы.

– Я тоже тебя люблю, – она усмехнулась. – А дети тебя ждали: родились, только когда ты пришел!

Он поцеловал ее в губы, заглянул в зеленые глаза, поцеловал еще раз и признался:

– Я не знаю, как передать словами все, что я сейчас чувствую...

– Не надо словами, – шепотом сказала она. – Ты поплачь, пока никто не видит, а я, честное слово, никому не расскажу!

* * *

Наталья очнулась, сообразив, что давно уже сидит в машине и не заводит ее. Как в полусне, она забрала посылку с лекарствами, снова села в автомобиль да так и замерла, вновь переживая накрывшие с головой такие яркие, жаркие и счастливые воспоминания...

Тогда, одиннадцать лет назад, это было счастье, наполненное сильнейшими чувствами, расцвеченное солнцем, морем, великолепной красотой летнего Крыма, приправленное острой интригой.

И так это было непередаваемо прекрасно, что вкус, и запах, и все краски и оттенки того невероятного счастья она все еще помнит до мелочей!

Но жизнь – это не сплошное искрящееся счастье, а будни: и горести-радости, и трудности – всякое.

Чего только не случилось с ними за эти годы, через что только не пришлось пройти им вместе и пережить!

С самого начала стало ясно, что характер у Ринкова крут: он привык командовать, руководить, брать на себя ответственность за всех и каждого, вплоть до волнистых попугайчиков, постоянно держать «руку на пульсе», проверять и перепроверять по сто раз на дню – у всех ли все в порядке? Он держал в голове нужды и необходимости каждого члена их большой семьи – прямо вождь племени! Иногда эта излишняя ответственность и контроль доводили Наталью до белого каления, но на выручку приходило ее врожденное чувство юмора и заведенный ею порядок спокойного «разбора полетов» по субботам.

Еще на первых месяцах беременности жены Антон заявил: надо срочно строить дом и перебираться за город – дети должны расти на чистом воздухе в единении с природой!

И началась эпопея. Антон с Мишей принялись искать участки или дома рядом, в одном поселке. Когда они наконец нашли место, почти полностью удовлетворяющие их многочисленным и несколько завышенным требованиям, и приступили к постройке дома для Ринковых и переделке уже готового дома для четы Дубиных, тут и выяснилось, что такое СТРОЙКА!

Антон практически не бывал дома – он работал, а все нерабочее время проводил на этой самой стройке. Сколько сил и нервов потратил он на этот проект, одному богу известно. Господа, если решите что-то строить, подумайте сто раз, посоветуйтесь со всеми, с кем можно, и... откажитесь от этой идеи! Наталья практически не видела мужа, а когда видела – жалела ужасно, таким измученным он добирался домой. Но Ринков был Ринковым – когда детям исполнилось полгода, семья торжественно переселилась в

свой собственный дом.

На этом, правда, постоянные хозяйственные проблемы, доделки и переделки не закончились – они растянулись еще на пару лет.

Но теперь семья живет в великолепном доме и даже представить не может, как жить в городе, в квартире!

Словом, эпопея под названием «Родовое гнездо», изрядно вымотав всех, завершилась успешно.

Особая история вышла с именами для малышей. Все семейство, и в первую очередь Наталья с Антоном, решили, что называть детей в чью-то честь категорически не станут, а выберут имена по святцам дня их рождения. Хорошее решение, кто же спорит!

Но выяснилось, что из всех возможных имен приемлемыми, смысле для детей с ними жить, а не становиться объектами для вечных шуток и подколов, – оказались имена Мария и Александр. Опа! На минуточку, их двоюродных брата и сестру зовут именно так, и получается путаница... Но тут выступили единым фронтом Вета и ее отпрыски. Они уверили, что дубль – это классно, вроде как в честь старшеньких и вообще здорово.

Ну значит здорово, и стали детки Марией и Александром.

Когда им исполнилось по два года, Наталья купила двойняшкам в спальню самый простенький комод и попросила Дину его разрисовать. Они вдвоем его отшлифовали, нанесли грунтовку, и Дина нарисовала великолепные сказочные картинки. Затем они, снова вдвоем с Натой, покрыли лаком, и фантастический комод занял свое место в детской.

Как-то один из деловых партнеров Антона, приезжавший в гости, заметил комод и тут же принялся уговаривать Нату его продать. Женщина отнекивалась, пыталась перевести все в шутку, но мужик оказался упертым и, чтобы отделаться от него, она назвала какую-то совсем уж несусветную цену. А он возьми и тут же согласись, не торгуясь.

С этого дня и начался их с Диной небольшой бизнес: Наталья разыскивала на блошиных рынках старую мебель и покупала новую. Для реставрации, если она требовалась, нанимали одного талантливую юношу. Затем Дина разрисовывала мебель, а Наталья ее продавала. И выяснилось, что Ната – великолепный менеджер и администратор. Их небольшое предприятие процветало. Конечно, мужики поддерживали и помогали женам, если это требовалось. Но последние года три предприятие почти угасло: для этого имелись веские причины.

Дина с Мишей почти сразу, как поселились в доме, перевезли к себе маму Дины тетю Вику. В Крыму у них из родственников остались только Динина двоюродная сестра с мужем, у которых тоже никого из родных,

кроме Дины с мамой, не оставалось. И случилась ужасная трагедия: сестра с мужем погибли в автомобильной аварии, у них осталось двое деток – девочка двух с половиной лет и годовалый мальчик. Дина с Мишей их усыновили. И, считая их родного трехлетнего Ивана, стало у них трое детей. А через год после этого они усыновили еще двух деток из дома малютки – восьмимесячных братьев. Так, что имея пятерых малолетних детей, Дине оказалось как-то не до мебели.

На юбилей жены, сорок пять лет, Ринков сделал Нате шикарный подарок – совместную поездку во Францию, по городам Прованса. Это было великолепное путешествие – оба переживали еще один медовый месяц! Потрясающие старинные города, высокая кухня, великолепные красоты природы, виды, шикарные гостиницы и, главное, любовь...

А через месяц стало похоже, что Ната снова беременна!

Вообще-то этого не могло быть! Ну просто не могло, и все!

Однако беременность подтвердилась, и тут начался кошмар!

Все врачи в один голос принялись не то что отговаривать ее рожать, а требовать немедленно прервать беременность. Утверждали, что она, скорее всего, родит дауна, а если и не дауна, то неполноценного, больного ребенка. А к тому же и сама имеет большую вероятность погибнуть или стать калекой!

Но Наталья твердо решила, что не откажется от этого дитя, какой бы ребенок ни родился! Тогда врачи принялись за Антона. Его уверяли, что жена может погибнуть, и только мизерная вероятность этой возможности заставляла его уговаривать Нату отказаться от беременности.

Как-то вечером, когда он снова пытался ее уговорить, она села напротив, взяла большие надежные руки мужа в свои ладони, заглянула ему в глаза и тихим голосом объяснила:

– Это наш ребенок, понимаешь? Наш родной, любимый ребенок. Я знаю, чувствую, что у нас с ним все будет в полном порядке. Я просто это знаю – и все, во мне вместе с ним живет эта уверенность. Я абсолютно здоровая женщина, уже много лет веду здоровый образ жизни, еще с первой беременности: не курю, не пью никакого алкоголя, питаюсь правильной, чистой едой, не ем мяса и серьезно занимаюсь спортом.

– Я знаю, милая, – так же тихо сказал он, вытянув руку из ее ладоней, и погладил жену по голове, – но доктора говорят, что из-за возрастных изменений в организме есть огромная вероятность, что ребенок будет неполноценным, а ты можешь пострадать.

– Может, – кивнула она. – Но я готова рискнуть, и мне надо, чтобы ты был со мной – во всем! Вместе мы справимся со всем на свете, пока ты

держишь меня, я ничего не боюсь и уверена, что все будет хорошо. Ринков, я никому не отдам этого ребенка.

Она посмотрела пристально в его глаза и спросила:

– Ты со мной?

Он притянул к себе, прижал ее голову к своей груди и твердо пообещал:

– Я с тобой.

Через что только им не пришлось пройти! И полный отказ докторов в нескольких клиниках вести ее беременность, и осуждение, и непонимание некоторых знакомых, и бесконечные противоречивые рекомендации специалистов из дорогих клиник, куда они обращались. И после всех мытарств, наконец, нашли замечательного врача, работавшего в самой обыкновенной областной женской консультации, который и взял Наталью и, сделав целую кучу исследований и анализов, заявил, что ребенок совершенно здоров.

Что сам малыш и доказал, родившись в срок с нормальным весом и ростом, баском сообщив о себе миру.

Мальчик Степан.

Близнецам сейчас уже одиннадцатый год, их третьему, Степке – пять, и он очень похож на своего старшего брата Сашу. Но в отличие от солидного и продуманного Сашки Степка – хохотун и весельчак еще тот!

А жизнь подбрасывает новые испытания.

Заболела Наташина мама. Для начала она категорически отказалась переезжать к семье дочери в Подмоскowie, аргументируя это тем, что здесь, в Крыму, родились и прожили всю жизнь ее родители, бабушки с бабушками и все родственники, да и она сама. Уезжать отсюда она не хочет. А еще она сама себе тут хозяйка, это ей по душе, а менять что-то в ее возрасте и уж тем более переезжать так далеко и бросать родной дом смерти подобно. Вообще-то все аргументы весомые, но последние годы мама Наташи стала все чаще прибалывать, в феврале состояние ее значительно ухудшилось, ее положили в больницу на обследование. Вот там и выяснилось, что нужна операция.

На экстренном семейном совете приняли решение, что к маме в Крым поедет Наталья – Ветка с Левого давно уже жили в Англии, где Лева преподавал в известном университете. Вета оперативно, за несколько дней, приехать не могла.

Наталья первым делом отвезла маму в областную больницу в Симферополь на углубленное обследование.

И началось! Она моталась из города в город каждый день, договаривалась о переводе Антонины Кузьминичны из одного отделения в другое – для все новых обследований.

А тут...

И тут случился конец февраля и март в Крыму.

По телевидению – только украинские каналы, и там такое сообщают и говорят, такое нагнетают, что становится совершенно очевидно, что не сегодня завтра начнется война!

И Крым будут бомбить.

А киевский майдан буйствует, а в Симферополе митинги и сходки народа у правительственных зданий...

Наталья видела толпы народа, несколько раз попадала в перегороженные улицы, приходилось объезжать окольными путями, чтобы попасть в больницу.

В Крыму становилось страшно находиться. Но Ринков звонил по несколько раз в день и успокаивал:

– Натка, перестань смотреть украинское телевидение! Смотри российские каналы по Интернету. Ты же понимаешь, что если бы была действительная угроза, я бы уже давно вывез бы вас оттуда. Не паникуй!

– Но страшно же, Антон! – жаловалась она. – Что тут будет?

– Все будет нормально, солнце мое, – уверял он. – Пройдите обследование до конца. Не бойся, родная, я слежу за ситуацией. Малейший намек на что-то серьезное – я прилечу и увезу вас обеих. Прооперируем здесь.

И она верила ему, понимала: если Ринков говорит, что опасности нет, значит, ее нет.

И что в понимании мужа: «слежу за ситуацией», при том что она находится здесь, значит, что он по несколько раз в день консультируется с весьма высокопоставленными людьми, разбирающимися в международной политике да, собственно, и вершащими эту самую политику.

Ну, это ей хорошо, у нее такой муж, а у остального Крыма таких мужей и родственников нет, людям по-настоящему страшно!

И вдруг в один момент украинское телевидение отключили, пустили российские каналы, и сразу стало легче и спокойнее. И уже вроде бы и не так все страшно.

А потом объявили референдум!

За неделю до референдума Наталья привезла маму домой. Теперь, после обследований, стало совершенно ясно, что без операции не обойтись. Был назначен определенный день, а до этого момента маму отпустили

домой, дав массу строгих рекомендаций.

Но и здесь без происшествий не обошлось!

А потому что устроила им Антонина Кузьминична забастовку: отказалась в назначенный день ложиться на операцию, требуя перенести ее на несколько дней.

– Хочу проголосовать на референдуме! – твердо заявила мама.

И врачи перенесли ее операцию!

Наталья диву давалась. Но люди в Крыму находились в это время в таком воодушевлении и подъеме моральном, все так ждали этого референдума, ждали перемен!

И еще более удивлялась и поражалась она, когда пошла на избирательный пункт в день референдума написать заявление, чтобы к маме приехала выездная комиссия. К зданию пункта надо было подняться по довольно крутым ступенькам. Ната обалдела, встретив по пути несколько стариков, еле поднимающихся по этим ступенькам, но упорно идущих проголосовать.

На самом избирательном пункте царил настоящий праздник – какой-то боевой дедуля, поставив стул на улице, играл на аккордеоне, люди реально стояли в очереди, чтобы проголосовать, улыбались и поздравляли друг друга!

Офигеть! Такого Наталья вообще никогда не видела и точно знала, что никогда еще не приходило такое количество народа, да еще настолько воодушевленного, убежденного, что они сегодня творят свое собственное будущее!

Антонина Кузьминична тоже проголосовала. Приехала выездная комиссия, и мама торжественно опустила в урну свой бюллетень.

Разумеется, невероятный подъем понемногу прошел, наступили будни уже новой действительности. Многие жители Крыма, находясь в некой эйфории, ожидали немедленных, грандиозных улучшений. Но оказалось, что ничего глобально не меняется за три дня или за месяц и надо просто жить и делать свое дело и встраиваться в новую жизнь.

Но все это рабочие моменты, и Наталья была уверена, что с Крымом все сложится замечательно. Много действительно изменится, и очень скоро. Даже сейчас заметны позитивные изменения.

Операция у мамы прошла успешно. Еще недельку она проведет в больнице, а потом Антонину Кузьминичну можно будет перевозить домой. А там уж Вета прилетит и сменит ее на «вахте». Ей будет чем заняться – обеспечить реабилитационный уход, нанять хорошую сиделку. А еще Антонина Кузьминична потребовала сделать ей российский паспорт – как

можно скорей, то есть требовалась еще одна выездная комиссия.

Наталья улыбнулась: надо же, как ее затянули воспоминания...

Она вставила ключ в замок зажигания, завела машину и вырулила со стоянки, продолжая улыбаться.

Она все еще чувствовала музыку, цвет, запах и вкус того прекрасного, необыкновенного лета, изменившего всю ее жизнь и подарившего ей счастье.